

Геннадий Галутва

ТАРУСИНКИ

Москва – Таруса
2001 – 2014

ББК 26.89

Галутва Геннадий Васильевич

«Тарусинки».

ISBN 978-5-*****

© Галутва Г.В., наследники 2015

Оглавление

ОТ АВТОРА.....	2
ТОЧКА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ.....	3
ОТБЛЕСК СЛАВНОГО ИМЕНИ НА ТАРУССКОЙ ЗЕМЛЕ.....	5
БАРЯТИНО И РОЩА, СТАРИННЫЕ УСАДЬБЫ ТАРУССКОГО УЕЗДА.....	10
СЛЕДЫ РОМАНОВЫХ НА ТАРУССКОЙ ЗЕМЛЕ.....	16
НЕОКОНЧЕННАЯ БИОГРАФИЯ ГОЛИЦЫНСКОГО ХРАМА В РОЩЕ.....	21
И ВНОВЬ ИЛЬИНСКОЕ, КОТОРОЕ БАРЯТИНО ТОЖ.....	29
КОНЕЦ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ.....	38
КОКТЕБЕЛЬ И ТАРУСА.....	41
МОСКВА – РОЩА – ПАРИЖ.....	47
КНЯЗЬЯ ПРОЗОРОВСКИЕ-ГОЛИЦЫНЫ.....	51
ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ БЕЗ ЭЙНШТЕЙНА И КОЗЫРЕВА.....	55
ВЕЛИЧАЙШАЯ В ЕВРОПЕ?!.....	58
ПОНЕДЕЛЬНИК.....	61
«БУТЫЛОЧНОЕ ГОРЛЫШКО» ЧЕТВЕРТОГО ФИЛИАЛА.....	70
ВОЛНЫ И БРЫЗГИ ИНТРОДУКЦИИ.....	73
ИМЕНА, ВЫПАВШИЕ ИЗ ТАРУССКОГО СОЗВЕЗДИЯ.....	79
ТАРУССКИЕ РИНОГРАДЕНЦИИ.....	85
ОБ АВТОРЕ.....	91

ОТ АВТОРА

Это что еще за новости – «тарусинки»? Есть ведь рассказы, очерки и совсем уж удобные формы – эссе, подходящие почти ко всему на свете. Так вполне можно было бы назвать те небольшие прозаические произведения, которые предстанут перед читателем, если он решит продвинуться дальше введения. Но беда в том, что это слишком общие названия, почти ничего не говорящие об особенностях названных текстов, о том, что объединило их в рамках одного сборника. Конечно, можно было бы еще обратиться к сказам, легендам и даже побасенкам. Они позволяют не слишком строго опираться на реальные факты и события, а форму изложения сколь угодно приближать к разговорной. И кое-что из этого арсенала действительно присутствует в книге, но не является определяющим.

Конечно, хотелось бы более точно обозначить содержание сборника. Тем более, что русский язык позволяет это сделать, предоставляя огромные возможности для описания тончайших оттенков объекта и нашего к нему отношения. Если же мы хотим достичь еще и предельной краткости (речь ведь идет все-таки о названии), то можно даже пуститься и в словообразование, конструирование нового слова по собственному разумению – путь, более характерный для поэтических изысков и, вообще говоря, довольно скользкий. «Мокроступы» ведь так и не вошли в нашу жизнь вместо галош, и даже наиболее удачный «окоём» мы редко используем в качестве горизонта. Однако в нашем случае мы имели дело не со столь общими понятиями, и это придало автору решимости все же ввести очередной сомнительный неологизм – «ТАРУСИНКИ». Пусть поплавает по океану русского языка, и если последнему не понравится это приобретение, у великого и могучего всегда хватит мощи расправиться с таким незначительным засорением.

Так что же такое «тарусинки»? Это облечённые в произвольную форму и не связанные единым сюжетом небольшие прозаические произведения. Тарусинками же они становятся из-за их общего происхождения: появились эти опусы в результате столкновения сложившегося под разными ветрами мировоззрения автора с тарусской землёй, её прошлым, настоящим и отчасти будущим. При этом стоит заметить, что тарусский край с его историей один на всех, а внутренний мир у каждого человека свой, так что тарусинки у всех получаются разные.

Ну, а теперь можно начинать перелистывать.

ТОЧКА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

Тарусская глубинка. В эту зачарованную страну в 80-е годы прошлого века судьба, почему-то предпочитающая замысловатые окольные пути, привела, якобы случайно, двух москвичей – Галутву Геннадия Васильевича и его супругу Грибову Зинаиду Петровну. Ну а дальше все было уже predetermined. Были эти новоявленные тарусяне в то время кандидатами наук, но отнюдь не исторических – Зинаида Петровна работала в области биофизики, а Геннадий Васильевич – прикладной астрофизики. Однако это не имело значения, поскольку все теперь определяла уже сама тарусская земля. Старый рубленый дом в забытой людьми «неперспективной» деревеньке, невероятное разнотравье по давно не кошенным долинам маленьких извилистых речек, алмазные росы до полудня. А смена времен года, когда это самое время то и дело преобразуется в пространство, расстилая перед твоим домом любимые места России! То услышишь совершенно коктебельский шелест ветра в золотых осенних злаках и кружеве ветвей одиноких боярышников на просторных склонах долины Рощи, а то вдруг возникнет Валаам и шхеры северной Ладоги – лесистые острова поднимутся над заливом, созданным каким-то особым плотным туманом. И даже явно сегодняшнее творение – парочка вышек сетевого телефона – умудряется поддерживать связь совсем не только с современностью. Достаточно ночью выйти на крыльцо, и сквозь ветви деревьев замерцают рубиновые огоньки, обозначающие Рощу, а левее над зубчатой кромкой леса засветятся такие же огни в Барятине.

А Роща и Барятино, эти центральные усадьбы совхозов, после первого же их посещения начинают ассоциироваться с усадьбами совсем не XX века. На небольшом всхолмии посреди Рощи стынет в летаргии потрепанный временем и людьми Воскресенский храм с узнаваемыми чертами елизаветинского барокко. В Барятине же до сих пор сбегают к бывшему пруду остатки замечательного парка и не хотят доживать свой век старинные хоромы – двухэтажный усадебный дом. И совершенно невозможно уйти от вопроса – как все это залетело в глухую почти безлюдную ныне сельскую местность? И как не дать погибнуть всей этой овеществленной истории?

Вот так и начались для меня более чем десятилетние хождения по библиотекам, музеям, а более всего по архивам – московским, калужским, петербургским и совсем уж редким личным. Позже сюда вплелось столь же многолетнее участие в Голицынских чтениях и поиски живых потомков прежних владельцев. Так удалось найти и князя Петра Дмитриевича Голицына, не имевшего представления об этих бывших владениях его прямых предков, но вскоре ставшего оказывать наиболее реальную помощь в постепенном восстановлении Воскресенской церкви.

Потом начались уже не такие интересные открытия. Когда удалось достаточно прочно извлечь из небытия историю этих усадеб и начались практические попытки дать им какую-то современную жизнь, оказалось, что направление, в котором нужно действовать, весьма зависит от географического положения усадеб. Роще и Барятину, как, наверное, многим российским усадьбам, в этом отношении не повезло, и даже те небольшие средства, которые необходимы хотя бы для первоочередных консервационных работ, удается находить с большим трудом. Но и этого мало. В данном случае оказалось особенно важным, чтобы историческое значение усадеб и сама идея их сохранения стали достоянием окружающего населения, а не только отделов по охране памятников, заместителей по вопросам культуры и отдельных специалистов и энтузиастов. Сборники материалов Голицынских чтений и редкие журнальные публикации не решали эту задачу – они были здесь практически недоступны и к тому же написаны не на том языке, поскольку предназначались прежде всего для специалистов.

Все это и определило замысел и не совсем обычный жанр моих этюдов и вышедшей в 2006 году книги «Точка на Русской равнине». Чтобы они могли «донести материал» на

разных уровнях, нужно было попытаться сделать их доступными любому читателю, вызвать эмоциональный отклик, но при этом не снижать научной ценности...

Есть и еще одна отличительная черта этой книги – активная эксплуатация неразрывности цепи времен. Поэтому история Барятина и Рощи как дворянских усадеб вплетена здесь в общую историю тарусской земли и нашей планеты, устранено искусственное «цеховое» разделение (не существующее в реальности) на времена исторические и так называемые «доисторические» – ведь для того читателя, к которому прежде всего обращается книга, не имеет значения, где кончается компетенция историков и начинается область археологов или геологов.

Начинается рассказ с самых отдаленных времен, до которых позволяют дотянуться современные методы исследования. А это около 570 млн лет назад, когда будущая тарусская земля располагалась в южном полушарии на широте Рио-де-Жанейро. Так уж получилось, что Таруса выбрала для себя тот участок Восточно-Европейского материка, на котором с тех (и даже более дальних) пор ничего катастрофического не происходило, и следы событий, происходивших здесь когда-то, до сих пор хранятся в тех слоях, на которых стоит усадебный дом в Барятине. Конечно, волны времени, омывавшие эти края, материализовались по-разному. Превращались они то в горные породы, то в окаменевшие морские лилии и зубы акул, позже вдруг рассыпались наконечниками стрел или боевыми фатьяновскими топорами. Ну а потом зазвучали названия, и стало ясно, что тарусская земля оказалась в пограничной зоне. Здесь в угро-финскую Оку впадала балтская Таруса, а с приходом вятичей началась кристаллизация того диалекта русского языка, на котором мы разговариваем сегодня. И хотя пограничье еще долго не покидало Тарусу (здесь степь граничила с лесом, Литва с Русью, Черниговское княжество с Московским), но начала писаться и сама история России, а с начала XVII века уже и Ильинское (будущее Барятино), как и Ладинское (будущая Роща) занимают свои места в сети дворянских усадеб и становятся героями истории.

Пять поколений князей Барятинских не оставили в Ильинском практически никаких следов, кроме своего имени – с 1697 года во всех документах оно называется «Ильинское Барятино тож», а потом и просто «Барятино». От боярина князя Бориса Михайловича Лыкова в его вотчине «Ладинском Роще тож» осталась лишь дожившая до 1757 года деревянная церковь Параскевы Пятницы, а два следующих хозяина – князья Федор Юрьевич Хворостинин и Василий Васильевич Голицын прошли вообще без каких-либо вещественных следов. Расцвет же усадеб выпал на долю следующих владельцев – князей Голицыных-«Алексеевичей» и князей Горчаковых.

При этом следует отметить, что биографии владельцев и их деятельность в усадьбах все время рассматриваются в связи с основными событиями в России, с историей страны. Дается и своеобразная характеристика всей третьей ветви рода князей Голицыных, прежде всего того широкого следа в русской культуре, который оставлен этой ветвью. Приводится документальный материал, позволяющий восстановить в правах создателя известной голицынской исторической библиотеки князя Александра Николаевича Голицына – последнего фактического владельца Рощи. Отдельная глава посвящена двум поколениям князей Горчаковых, создавшим в Барятине тот облик усадьбы, который мы сегодня пытаемся изучить и по возможности сохранить.

Наконец нельзя не отметить и еще одну особенность – в течение всего изложения здесь проводится принцип преемственности, учитывается то важнейшее обстоятельство, что следы прошлого ведут в будущее и даже рассматриваются перспективы их современного существования.

ОТБЛЕСК СЛАВНОГО ИМЕНИ НА ТАРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Легенды и быль о «Принцесс-Мусташ»

Не слишком дремучие леса покрывали Тарусский уезд, но кто только ни встречался в них! То удивительный человек, а то и чудный зверь. Но давайте обо всем по порядку, и сначала обратимся к упомянутому славному имени. Имя это – А.С. Пушкин. Скажем сразу, что неизвестно (пока), доводилось ли Александру Сергеевичу собственной персоной бывать в наших краях – не обнаруживаются подтверждающие свидетельства, а вот его родственники оставили здесь свои следы. Правда, родственники весьма отдаленные, даже назвать степень родства, не сбившись, затруднительно: четвероюродный дед, например, или шестиюродная сестра. Может быть, не стоит и говорить о столь жиденьких родственных связях? Действительно, подобное родство обычно никак не сказывается в повседневной жизни, однако не в нашем случае. Судите сами.

Возникла эта родственная связь давно, в первые годы XVIII века, когда две двоюродные сестрицы Ржевские, Анна Алексеевна и Евдокия (Авдотья) Ивановна вышли замуж, причем оба этих брака до сих пор влияют на нашу жизнь. Сестры не могли знать, что родная племянница Анны Алексеевны, Сарра Юрьевна Ржевская, волею судьбы станет прабабкой А.С. Пушкина, но это не помешало им вплести пушкинскую ниточку в некоторые ветви князей Голицыных и графов Чернышевых.

Судьбу Анны Алексеевны не назовешь счастливой. Она вышла замуж за одного из первых владельцев Барятино и Рощи князя Василия Борисовича Голицына, но семейная жизнь её оказалась коротенькой – в 1705 году в возрасте 25 лет она умерла при родах, оставив двух малолетних сыновей: Михаила (1703 г. рождения) и Бориса (1705), первых Голицыных, породнившихся с Пушкиным. Между тем князь Василий, как вы уже знаете, ненадолго пережил свою супругу. Он успел вторично жениться, но в 1710 году вместе со своей второй женой, Заборовской Екатериной Григорьевной, нелепо погиб в Москве под обрушившимся потолком во время званого обеда. Впрочем, трагическое происшествие не произвело слишком большого впечатления на потомков, и эта замечательная традиция – экономить на стройматериалах и эксплуатировать дом до его естественной кончины – бережно сохраняется в нашем отечестве до сегодняшнего дня.

В судьбе сирот принял участие Петр I и взял их под свою личную опеку. Поэтому Михаил уже в 10-летнем возрасте стал гардемаринком. Правда, в адмиралы не вышел и вообще военной карьеры не сделал, в отставку же в 1742 году ушел камергером, действительным статским советником, с Анной I степени на шее и к тому же владельцем Барятино, Рощи и Вязем. А вот младший его брат Борис (1705-1768) стал полным адмиралом и кавалером всех российских орденов. Дети же и Михаила, и Бориса, всегда поддерживавшие друг с другом теплые человеческие отношения, оказались причастными к рассказываемой истории.

Все названные усадьбы были в 1766 году разделены между тремя сыновьями Михаила: Александр получил Барятино, Михаил – Рошу, а Николай – Вяземы. Сын же Бориса – Владимир в этом же году женился, и не на ком-нибудь, а на героине нашего рассказа – графине Наталье Петровне Чернышевой.

Наталья Петровна, младшая дочь выдающегося русского дипломата графа Петра Григорьевича Чернышева (1712-1770), родилась 17 января 1739 года. Не знаю, были ли какие-нибудь предзнаменования при её рождении, но личность появилась на свет необычайная, вся её жизнь напоминает легенду, это даже не одна, а три жизни. Да и сами легенды сопровождали весь её земной путь и живут по сей день.

Взять хотя бы её происхождение. Официально Наталья Петровна считается внучкой генерал-аншефа Григория Петровича Чернышева (1670-1745) и его супруги, уже

упоминавшейся Евдокии Ивановны Ржевской. Но с момента появления на свет Наталью Петровну сопровождает легенда, упорно называющая её дедом самого Петра I. И есть ведь под этой легендой некие основания. Известно живое участие Петра I в судьбе Григория Петровича Чернышева, начавшего с должности его денщика и дослужившегося до генерал-аншефа и генерал-губернатора Москвы, а в 1742 году возведенного в графское достоинство. Он был один из тех немногих, кто позволял себе говорить правду в глаза грозному Петру. Евдокию же Ивановну Петр I любовно называл "бой-бабой Авдотьей" и весьма благоволил к ней. Петр сам крестил её первенца, будущего отца Натальи Петровны. Бросалось в глаза и необычно внимательное отношение царского двора к Наталье Петровне и её детям. В 1741 году её младшему сыну Дмитрию Владимировичу, генерал-губернатору Москвы, единственному из всего рода Голицыных, был пожалован титул светлейшего князя. Было и еще изрядное количество многозначительных мелочей, питающих эту легенду.

Тем не менее, это все-таки легенда, поскольку прямых документальных свидетельств столь высокого происхождения, похоже, не существует. Однажды мне довелось беседовать с интересным человеком – Ириной Сергеевной Багратион, вдовой великого князя Теймураза Константиновича Багратиона-Мухранского, одного из тех скромных людей, чей вклад в борьбу с фашизмом во время Второй Мировой войны, вероятно, еще будет по достоинству оценен историей. Именно в честь него назван младший сын князя Петра Дмитриевича Голицына – Иоанн-Теймураз, уже успевший побывать на тарусской земле. Вообще это значительная часть российской истории, которую мы расплескали по всему земному шару и которая нам далеко не безразлична, но она выходит за рамки нашего повествования, да и рассказывать о ней я могу, лишь испросив разрешения Ирины Сергеевны. Вспомнил же я её совсем по другому поводу, ведь Ирина Сергеевна – урожденная графиня Чернышева-Безобразова, родная тетушка княгини Марии-Анны (супруги Петра Дмитриевича Голицына), а среди прямых её предков находится и "бой-баба Авдотья", а может быть, и сам Петр I. Ирина Сергеевна, конечно, знает все это, интересуется историей и может пользоваться недоступными нам архивными материалами, но и ей неизвестны какие-либо подтверждающие документы, хотя легенда эта жива до сих пор и среди потомков Евдокии Ивановны. Мне же почему-то верится в её реальность – ведь так много Петра I оказалось вокруг Барятино и Рощи! Но пока это не более, чем эмоции.

Возвратимся к графине Наталье Петровне. Юность её, дочери дипломата, была совершенно европейской, тесно связанной с высшими слоями общества. Прекрасно образованной, знающей 4 языка, обладающей острым природным умом, да к тому же грациозной и обаятельной, графине довелось танцевать с двумя королями Франции, дружить с Марией-Терезией и Марией-Антуанеттой. Трагическая судьба последней навсегда наделила Наталью Петровну аллергией к революциям. Лишь однажды, уже во "второй" её жизни, она сделала маленькое исключение. Дело декабристов основательно коснулось племянников Натальи Петровны: в Сибирь был сослан граф Захар Григорьевич Чернышев, а его сестра Александрина сама отправилась туда-же вслед за сосланным мужем – Никитой Муравьевым. В Сибири Александрина и скончалась, но это именно она привезла Ивану Пущину пушкинское послание "Во глубине сибирских руд", которое мы потом зубрили в школе. Между прочим, вторая сестра графа – Елизавета Григорьевна, в замужестве Черткова, станет тещей последнего владельца Рощи, князя Александра Николаевича Голицына. Наталья Петровна тяжело переживала эти события, глубоко затронувшие её монархические убеждения. Не одобряла она племянников, но когда однажды ей был представлен некий генерал Чернышев А.И., только что пожалованный в графы, – тот самый, которому Николай I поручил казнь пяти декабристов, Наталья Петровна не слишком вежливо отвернулась, заявив при этом, что знает лишь одного графа Чернышева, который томится в Сибири.

Все это будет позже, пока же – Париж. Наталья Петровна блистает в Версале, участвует вместе с Марией-Антуанеттой во всех королевских увеселениях и, между прочим, увлекается карточной игрой при дворе Марии-Терезии. Поклонников у нее предостаточно.

Сватается к ней даже английский принц Генрих IV, но почему-то получает отказ. А вот князю Владимиру Борисовичу Голицыну отказано не было. Был он знатен и очень красив, хотя в истории следов оставил мало, разве что доставил в Москву плененного Пугачева.

И вот жизнь Натальи Петровны, уже княгини Голицыной, плавно перетекает в Россию, но эту жизнь вполне можно назвать второй, настолько разительно она отличается от её девичьей жизни. У Натальи Петровны теперь множество владений с расстроенным хозяйством и почти 20000 крепостных. И она как-то вдруг превратилась во властную и жесткую помещицу, расчетливую и даже жадноватую, при этом сохранив свой ум и влияние при дворе. На поклон к ней привозят каждую петербургскую девицу, начинающую выезжать в свет. Великие князья и императрицы считают своим долгом лично поздравлять её с именинами. Княгиня наводит порядок и в своих имениях, и даже сама отстраивает еще одну усадьбу, пригласив для этого знаменитого Андрея Никифоровича Воронихина. Усадьбу эту Воронихин создает сразу после известного дома графа А.С. Строганова в Петербурге. Волею судьбы новая усадьба, которую Наталья Петровна очень любила, расположилась в 30 верстах от Барятино – это Городня Калужской губернии, и дорога туда проходила мимо владений князя Александра Михайловича Голицына.

Между тем княгиня стареет, теряет былую красоту, у нее начинают расти даже усы и борода, которые приходится брить. С этим печальным обстоятельством связано и её прозвище – "Принцесс-Мусташ", то есть "княгиня-усы". Бережливость её становится почти манией. Сыновьям она выплачивает 5000 руб в год, причем не увеличивает эту сумму даже для младшего сына Дмитрия Владимировича, уже ставшего генерал-губернатором Москвы. Для его положения это мало, он влезает в долги, но не решается просить у матери прибавки. В конце концов сам Николай I с трудом уговорил княгиню добавить сыну еще 5000 рублей.

Прожила Наталья Петровна очень долгую по тем временам жизнь, она скончалась, немного не дожив до 100 лет, и была погребена в Донском монастыре. На её надгробии высекали: "Под сим знаком погребено тело супруги бригадира статс-дамы и ордена Святой Екатерины I степени кавалерственной княгини Натальи Петровны Голицыной, урожденной Чернышевой, скончавшейся 1837 декабря 20 дня в 11 часов пополудни, родилась 17 января 1739 года".

Однако третья жизнь княгини продолжается и сегодня. А началась она с того, что маленький Саша Пушкин, частенько бывавший в Вяземах у своей отдаленной родни и близких соседей (пушкинское Захарово совсем рядом), встретил древнюю, как ему тогда казалось, старуху-княгиню Голицыну – важную, некрасивую, усатую и загадочную, и она его поразила. Он не мог тогда знать, что эта старуха его даже переживет, хотя скончаются они в один и тот же год. А позднее князь Сергей Григорьевич Голицын (1803-1868), носивший прозвище "Фирс", рассказал Александру Сергеевичу, как он, проигравшись в пух и прах, пришел к своей бабке просить денег. Бабка, а это была Наталья Петровна, денег ему, конечно, не дала, но назвала три счастливые карты, о которых ей поведал в Париже Сен-Жермен. Внук попробовал на них поставить и... выиграл! Знаем мы эту историю непосредственно от А.С. Пушкина, который рассказал её П.В. Нащокину, когда читал ему свою "Пиковую даму". Нащокин пересказал её знакомому нам Петру Ивановичу Бартеневу, Бартенев же все записал, и история эта в конце концов добралась до тарусского "Октября"

И все же сомнения вызывал сам факт столь доверительного общения Натальи Петровны с "Фирсом". Все портила его своеобразная репутация. С одной стороны, это был интересный человек, обладающий многими талантами, в том числе поэтическими и вокальными, его высоко ценил сам Михаил Иванович Глинка, но, с другой стороны, Сергей Григорьевич беззаветно любил всяческие розыгрыши и предавался им иногда с большим уроном для себя же. Мог ведь он присочинить о своей встрече с Натальей Петровной? Да и родным внуком её по линии Голицыных он не был, родство здесь столь отдаленное, что вряд ли старая княгиня так запросто принимала бы его у себя. Но при более внимательном рассмотрении оказалось, что "Фирс" в данном случае прав, близкое кровное родство у них все же было, только по Чернышевым, а не Голицыным. Наталья Петровна и дед "Фирса"

Сергей Федорович Голицын – двоюродные сестра и брат, и между их семьями поддерживались самые сердечные отношения. И "Фирс", несомненно, был вхож в дом Натальи Петровны.

Как бы там ни было, рассказ Сергея Григорьевича и сам облик старой княгини произвели на А.С. Пушкина сильное впечатление, и родилась его "Пиковая дама", увековечившая Наталью Петровну. Она сразу себя узнала в образе старухи-графини, узнали и при дворе, но на Пушкина никто не осерчал и правильно сделали.

Для нас же очень интересно еще и то, что легендарная Наталья Петровна, знавшая двор, как свои пять пальцев, при семи российских императрицах, неплохо знала и Барятино с Рощей. Ведь владельцами этих усадеб (да и Вязем тоже) были двоюродные братья её мужа, а всегда существовавшие между ними тесные дружеские отношения пришлись по душе Наталье Петровне. Они часто навещали друг друга, поддерживали в трудных житейских ситуациях и вели основательную переписку, заменявшую им телефон, а для нас оказавшуюся источником живых исторических сведений. Давайте и мы прочтем пару писем Натальи Петровны. Письма написаны на французском и приводятся в переводе старшего научного сотрудника музея-заповедника в Вяземах Татьяны Павловны Петерс, которая изучает архивные материалы по истории Вязем и в 2000 году обнаружила среди прочих и интересующие нас письма, впервые вынырнувшие из многовековой дали.

Итак, начало 70-х годов XVIII века: "<...> я была в своих имениях, где оставалась в общем семь месяцев: тогдашние дела по генеральному межеванию, из-за каких мы оказались вынуждены начать процесс, задержали нас там до ноября, и, когда мы выехали из Городни, все вокруг было покрыто снегом; по пути мы заехали к князю Александру Михайловичу Голицыну, кузену мужа, в его имение Барятино, что в 30 верстах от Городни, там мы провели два дня и две ночи... Развлечением моим в деревне была езда верхом и охота на зайца. Верхом я ездила ежедневно, и взяла в имении князя зайца черного как смоль и лоснящегося как черный кот, это столь редкий зверь, что никто до этого ничего подобного и не видывал".

Мы в своем XXI веке можем, пожалуй, сказать, что не видывали и после этого. А, может быть, кто-то все же знает про подобные случаи? Пользуясь тем, что газета – это пусть медленный, но двухсторонний разговор с читателями, обращаюсь с просьбой ко всем, кто имеет какие-либо сведения о черных зайцах, сообщите, пожалуйста, в редакцию "Октября". Вообще-то меланизм (черная окраска) животных хорошо известен. Ну кто не знает черную форму леопарда? Ему даже дали особое название – пантера. Но черная окраска закрепляется в потомстве, если она дает какие-либо преимущества животному. Для зайца, живущего в наших северных краях, таких преимуществ что-то не видно, хотя его южный родственник – кролик, частенько бывает черным. Скорее всего, черный заяц – это единичные и редчайшие случаи.

Пушкин же, как всегда, оказался прав, почувствовав в Наталье Петровне что-то эдакое – ну кто еще, кроме "Пиковой дамы", смог бы добыть в барятинском лесу зайца с окраской черного кота?! К тому же охота отнюдь не была традиционно женским занятием, хотя именно Наталья Петровна скакать и стрелять могла отменно – ведь она дважды получала первый приз на российской конной карусели. Карусель же эта тогда была совсем не увеселительным катанием, а некоей заменой рыцарских турниров. Золотая медаль, полученная ею в 1766 году, сохранилась и находится в Эрмитаже.

Конечно, бывала Наталья Петровна и в соседней Роще у князя Михаила. 1778 год: "<...> на следующий день после нашего приезда в имение Городня туда явился князь Александр Михайлович Голицын, который прогостил один месяц, и оба его брата, князь Николай [владевший Вяземами] и князь Михаил, на две недели... 29 сентября я с большим сожалением покинула Городню – дети, коих я оставила в Петербурге, заставили меня вернуться ранее, чем я собиралась... Ради удовольствия повидаться с князем Александром Михайловичем, каковой был уж в своем имении [Барятино],... мы направились к нему. Тем

паче, что другой дороги не было. У него мы заночевали, а на следующий день поехали к обеду к его брату Михаилу, что жил в своем имении [Роще] в 5 верстах от поместья брата".

Наверное, таких визитов было много, мы ведь увидели лишь два произвольно выхваченных из жизни Натальи Петровны, но важных для нас момента. Остается сказать, что не только Наталья Петровна питала дружеские чувства к братьям, но и они очень уважали её. Это сказалось и на судьбе Вязем. Александр Михайлович Голицын, оказавшись в преклонном возрасте владельцем всех трех поместий, в самом конце XVIII века завещает Вяземы именно сыну Натальи Петровны – князю Борису Владимировичу Голицыну (1759-1813).

Такие вот последствия уже возымели браки двух сестер Ржевских. Говоря же о том, что эти браки до сих пор оказывают влияние на нашу жизнь, я имел в виду более всего одну точную науку – генетику. А она утверждает, что не выйди замуж за князя Голицына Анна Алексеевна Ржевская, не появился бы на свет Петр Дмитриевич Голицын, без брака же Евдокии Ивановны Ржевской не было бы Марии-Анны Голицыной. А ведь именно они помогают нам сегодня связывать порванные нити истории, восстанавливать уникальный храм в Роще. Однако здесь нужно сказать, что помогают обычно тем, кто сам что-то делает или хотя бы пытается. Один Петр Дмитриевич не может решить наши проблемы без нашего участия. Ведь и общественный центр "Сельская церковь" был создан еще в 1989 году, создан москвичкой Светланой Александровной Мельниковой, чья жизнь тоже может претендовать на легенду, только на современные темы. Когда-нибудь мы доберемся и до нее. Центр, несмотря на скудные средства, активно работал, и именно поэтому приехавший в Россию князь Петр Дмитриевич Голицын счел целесообразным сложить свои усилия и возможности с "Сельской церковью". Жизнь показала эффективность такого союза. Петр Дмитриевич, как председатель попечительского совета центра и основной организатор сбора необходимых средств, и Светлана Александровна, как исполнительный директор, вкладывают свое время, энергию и частицу сердца в каждый восстанавливаемый храм, не требуя ничего взамен. Но чтобы дело двигалось надежно и прочно, нужна помощь местных жителей, встречное движение их души, отношение к восстанавливаемому храму не как к источнику заработка, а как к своему домашнему делу. Это ведь на самом деле так и есть, но пока подобного отношения катастрофически не хватает.

Забредя несколько в сторону, мы заканчиваем эту историю. Как видите, знала тарусская земля и родственников Пушкина, и пушкинские образы. Если же вы, читатель, отправитесь побродить по лесу где-нибудь около Барятино, захватите с собой фотоаппарат. Мало ли какая старушка или кто-нибудь еще вам встретится? Но не слишком удивляйтесь, если на пленке ничего не получится.

БАРЯТИНО И РОЩА, СТАРИННЫЕ УСАДЬБЫ ТАРУССКОГО УЕЗДА

На самом краю Калужской области, в 30 км северо-западнее Тарусы, среди холмов и перелесков живут и сейчас рядом друг с другом два села – Барятино и Роща, две бывшие усадьбы, длинные истории которых иногда сливались в одну. Принадлежали они разным владельцам, но Голицынский период в их истории столь значителен по длительности (около 140 лет в Барятино и 220 лет в Роще) и по оставленным следам, что их по праву можно называть Голицынскими.

Эти усадьбы фактически еще не заняли принадлежащего им места в огромной мозаике русской усадебной культуры, поскольку история их по ряду причин изучена пока недостаточно и расположены они хотя и в центре России, но вдали от торных туристических троп.

Первое упоминание Рощи относится к 1389 году, когда Дмитрий Донской, присоединивший Тарусские земли (позже других) к своим обширным Калужским владениям, завещал Рощу своему третьему сыну Андрею [1]. В 1433 году Рощей владеют уже сыновья Андрея, князья Можайские Иван и Михаил [2]. Однако эти сведения пока недостаточно достоверны. Сомнения вызывает прежде всего идентификация упоминаемой здесь Рощи с нашим тарусским селом. Последнее ведь до XVIII века имело и второе название- "Роща Ладинское тож" [3], но оно не упоминается в таком виде в духовном завещании Дмитрия Донского. Это предстоит еще уточнить.

Что-либо говорить о соседнем Барятино мы можем пока, начиная лишь с 1550 года. В октябре этого года царь Иван Васильевич, награждая своих лучших слуг, одарил земельными угодьями под Тарусой вместе с Шемякиным, Пронским, Булгаковым и Ладыженским также и князя Барятинского [4]. Наиболее вероятно, что это был старший внук основателя рода Барятинских князь Василий Григорьевич. Все пятеро его сыновей уже значатся как сыновья боярские по Тарусе. Есть достаточно веские основания считать Василия Григорьевича и владельцем именно села Барятино. Дело в том, что в 1628 году за "князем Никитой Михайловым сыном Барятинским" уже конкретно значится "село Ильинское с пустошами Латынинской Лазаревской тож и Раковской" [5]. Одновременно частью этих пустошей владеет и двоюродный брат Никиты князь Афанасий Семенович Барятинский [6]. Оба они- прямые потомки Василия Григорьевича, а село Ильинское- это прежнее название села Барятино, существовавшее до начала XVIII века. Других владений Барятинских под Тарусой обнаружить не удалось. Начиная же с Никиты Михайловича, всех владельцев Барятино удалось установить вполне определенно.

Итак, князь Никита Михайлович Барятинский, стольник, московский дворянин. Бывал он в своей вотчине редко и умер в 1643 году весьма далеко от Ильинского- будучи воеводой в Мангазее. Ильинское перешло к его сыну, тоже стольнику, князю Роману Никитовичу [7]. Дату смерти его мы не знаем. Известно лишь, что прямых потомков у него не было, и Ильинское перешло к его племяннику, князю Федору Степановичу. Князь Федор вел свои дела плохо и после 1686 года вынужден был заложить Ильинское с деревней Латынино (также дожившей до наших дней) Ивану Хитрову [8]. В 1689 году племянник Никиты Михайловича князь Иван Никитович Барятинский выкупил Ильинское, а в 1695-м, будучи бездетным, отдал вотчину своему двоюродному брату Даниле Афанасьевичу [9]. Князь Данило, известный воевода и боярин, владел Ильинским всего один год. В 1696 году он скончался, и село перешло к его младшему брату Алексею Афанасьевичу, но также ненадолго. В 1697 году князь Алексей, у которого в это время умирает его единственный сын Петр, продает Ильинское с деревней Латынино за 4000 рублей князю Борису Алексеевичу ГОЛИЦЫНУ [10].

Таким образом, в 1697 году Ильинское перестало быть вотчиной князей Барятинских, но память о них сохранилась в названии. С этого времени село стало называться "Ильинское Барятино тож". Никаких других явных материальных свидетельств пребывания здесь Барятинских не сохранилось. Далее начинается уже Голицынская эпоха, и история Барятино и Рощи становится совместной.

Каким же образом в тарусских краях оказался князь Борис Алексеевич Голицын? Для ответа на этот вопрос возвратимся в начало XVII века. 1628-1646 годы. Перед нами вотчина боярина князя Бориса Михайловича Лыкова. Это – "село Ладинское Роща тож с деревнями Андреева Орехова тож, Михалкова, Гнездина, Познякова, Кочукова и Шахова" [5, 11]. Владелец – наиболее выдающийся представитель угасшего рода князей Лыковых-Оболенских. Яркая жизнь Бориса Михайловича, военачальника и царедворца, прекрасно отразила все противоречия смутного времени на Руси, но сведения о нем есть в литературе и приводить их здесь нет необходимости. К сожалению, историю появления у него интересующей нас вотчины – Рощи пока не удалось прояснить, есть лишь зыбкая версия, и мы ее опустим.

Возвратимся к фактам. Князь Б.М. Лыков умер в 1646 году, и Роща осталась у его вдовы Анастасии Никитичны, урожденной Юрьевой-Романовой, сестры патриарха Филарета и тетки царя Михаила Юрьевича. Каких-либо сооружений этого времени в Роще не сохранилось, но удалось найти сведения, что в 1631 году здесь уже стоял "вотчинникова строения" храм "Христовы мученицы Парасковей нарицаемые Пятницы". Храм деревянный, но немаленький, с двумя приделами – во имя Николая Чудотворца и "страстотерпца Христова Емеляна". При храме целых 4 церковных двора: "1 попов, 1 дьячков, 1 пономарев и 1 проскурницы Лукерьи" [12]. К судьбе этого храма мы еще вернемся, пока же Роща в 1655 году, после смерти Анастасии Никитичны переходит к ее дочери Елене Борисовне, в замужестве княгине Хворостининой. Князь Федор Юрьевич Хворостинин в этом же 1655 году скончался и всеми владениями управляет княгиня Елена [13]. Их дочь Марья, оказавшаяся в конце концов последней представительницей княжеского рода Хворостининых (фактически и Лыковых) в 1671 году выходит замуж за князя БОРИСА АЛЕКСЕЕВИЧА ГОЛИЦЫНА, знаменитого "дядьку" Петра I.

Однако князь не получил Рощу в качестве приданого своей жены, как я поначалу полагал. Вместо этого его теща Елена Борисовна в 1682 году почему-то продает Рощу с деревнями за 5000 рублей князю Василию Васильевичу Голицыну, "Великому" [14]. Затем происходит известная неудачная попытка царевны Софьи захватить власть, и Василий Васильевич, ее преданный сторонник и фаворит, ссылается в Яренск, а его вотчины все (как считалось) отходят в казну. Но, оказывается, было и исключение. За полгода до конфискации земель Василий Васильевич, вероятно, уже предвидевший свою судьбу, успел подарить Рощу сыну своего политического соперника и друга юности двоюродного брата Бориса Алексеевича. 25 февраля 1689 года "боярин князь Василий Васильевич Голицын поступяся на вечные времена племяннику своему князь Василию Борисовичу Голицыну ... купленную свою вотчину в Калужском уезде в Рощинском стану село Ладинское Роща тож с деревнями Аникова Орехова Андреева тож да дер. Михалкова да дер. Жилиякова да дер. Познякова да дер. Кучукова да дер. Шахова" [15]. А князю Василию Борисовичу всего 8 лет, и всем управляет, конечно, Борис Алексеевич. Через 5 лет он получает от Петра I Вяземы, а в 1697 году приобретает Ильинское, Барятино тож. С этого года три поколения Голицыных являются общими владельцами всех трех усадеб, но сколь различной оказалась современная судьба Везем и Тарусских владений!

Сыну Бориса Алексеевича Василию, формальному владельцу, фактически не пришлось управлять усадьбами, так как он прожил всего 29 лет и в 1710 году вместе со своей второй женой погиб в Москве под обрушившимся потолком. На руках у бабушки Марьи Федоровны остались четверо его малолетних сыновей, двое из которых (Михаил и Борис) были еще и двоюродными братьями прабабушки А.С. Пушкина.

Следующим владельцем всех трех усадеб стал старший сын Василия камергер князь Михаил Васильевич Голицын, но в 1749 году он умирает в возрасте 46 лет, оставляя свою еще молодую вдову с многочисленными детьми. Евдокия Михайловна, урожденная княжна Щербатова, оказалась женщиной сильной. Она одна растила девятерых детей и целых 17 лет сама управляла всеми владениями. Именно она разбирает и переносит в Барятино рошинскую деревянную церковь, а на ее месте в 1757 году строит каменный храм Воскресения Христова, который и сейчас стоит здесь [16]. Это прекрасный образец культовых сооружений русского барокко середины XVIII века, чрезвычайно редкий для сельской местности, и очень жаль, что мы не можем пока назвать имя зодчего, создавшего его. В своем первоначальном виде Воскресенская церковь оставалась при четырех поколениях следующих владельцев. В 1766 году Евдокия Михайловна разделила усадьбы между тремя сыновьями, причем все оказались бездетными. Старшему, Николаю, достались Вяземы, Александр получил Барятино, а Михаил-Рошу.

Итак, Роща. Здесь хозяйствует генерал-майор князь Михаил Михайлович Голицын младший, "Чепура" (1735-1802). Овдовев в 34 года, князь Михаил больше не вступал в брак и целиком отдался своей усадьбе. Пожалуй, это было время расцвета Рощи. К имению прибавились деревни Никитино, Ямы и сельцо Исаково, и к 1799 году у князя Михаила значились 4360 десятин земли и 1545 крестьян [17]. В самой Роще были устроены 4 пруда, поставлена мельница, заведен свой конный завод и отстроен усадебный дом (к сожалению, деревянный, доживший лишь до начала XX века) [18].

В это же время в соседнем Барятино во владениях князя Александра Михайловича Голицына (1730 – до 1805) шла такая же интенсивная жизнь. Был князь Александр холост, к 45 годам дослужился до звания полковника, в штатской же службе достиг чина обер-камергера, действительного тайного советника, в 1786-88 гг. избирался Тарусским уездным предводителем дворянства. Получив Барятино, он также начал активно расширять и обустраивать имение. К 1799 году, после добавления деревень Кареево и Устиновка, части сельца Ишутина и нескольких пустошей, у него было 4452 десятины земли и 1830 крестьян [19]. В Барятино также создается свой конный завод (часть его строений сохранилась), ставится мельница на реке Тарусе (в 30-е годы XX века она еще работала) и строится каменный усадебный дом [20]. Дом этот молчаливо предполагается не сохранившимся, однако есть основания полагать, что западный корпус существующего сегодня в Барятино здания и есть усадебный дом князя Александра. Документов, прямо подтверждающих это, пока не обнаружено, но различие использовавшихся кирпичей, смещение рядов кладки и врезка галереи вплотную к окнам западного корпуса говорят о том, что восточная часть здания с угловой башней была сделана позже и пристроена к западной. При этом становится более понятным, почему владелец (в это время – князь Горчаков) строит Успенскую церковь в псевдо-готическом стиле, и одновременно использует в усадебном доме элементы русского зодчества XVII века. Для окончательного решения этого вопроса, вероятно, потребуются специальные исследования.

В 1798 году, после смерти старшего брата Николая, к Александру Михайловичу отходят еще и Вяземы. Но ему уже 68 лет, и он заблаговременно распределяет усадьбы между наследниками. Барятино он завещает родному племяннику князю Михаилу Васильевичу Голицыну (1759-1815), а Вяземы – двоюродному племяннику князю Борису Владимировичу Голицыну (1769-1813). С этого времени близкие связи Вязем с Тарусскими усадьбами ослабевают.

Почти одновременно, в 1802 году Михаил Васильевич после смерти своего второго дяди Михаила Михайловича получает во владение еще и Рошу, в последний раз объединив оба имения. При нем в усадьбы пришел 1812 год. От Барятино и Рощи с деревнями в Калужское дворянское ополчение уходят 11 конных и 110 пеших воинов [21]. Как известно, французы немного не дошли до Тарусских земель, и усадьбы не пострадали.

В 1815 году Роща после смерти Михаила Васильевича перешла к его малолетнему племяннику князю Василию Дмитриевичу Голицыну, но он в 1827 году скончался, едва

достигнув 23 лет. Следующей владелицей Рощи стала его родная сестра княжна Вера Дмитриевна Голицына (1801-1850). В 1829 году она выходит замуж за своего пятиюродного брата князя Николая Яковлевича Голицына. Начиная с 17 лет, когда он юным корнетом сражался в 1805 году на поле Аустерлица, Николай Яковлевич прошел все Наполеоновские войны, вступал в Париж, был ранен в ногу в Польской кампании 1831 года и в 1836 году ушел в отставку генерал-лейтенантом [22, 23]. Штатскую жизнь в Москве он так и не принял, усадьба же оказалась ближе его душе. Сложившийся при нем уклад жизни в Роще и знаменитую псовую охоту, доведенную им до совершенства и так живо описанную в воспоминаниях графа М.Д. Бутурлина [24], можно отнести к одному из ярких памятников русской усадебной культуры.

Умер Николай Яковлевич в январе 1850 года, а через три месяца в Москве бывшим послушником Донского монастыря Николаем Зыковым была зарезана княгиня Вера Дмитриевна [25]. Их единственный сын гвардии штаб-ротмистр князь Александр Николаевич Голицын оказался последним владельцем Рощи. Основным делом жизни князя Александра было создание замечательной библиотеки, посвященной истории России, начатое под руководством А.Д. Черткова (1789-1858), на старшей дочери которого, Елизавете Александровне, он был с 1846 года женат. Библиотеки самого А.Д. Черткова и А.Н. Голицына были в 1870 году подарены Москве и широко известны как "Чертковско-Голицынская" объединенная библиотека, на базе которой издавался журнал "Русский архив" и которая легла в основу библиотеки Исторического музея [26]. При Александре Николаевиче в Роще в 1876 году к Воскресенской церкви был пристроен придел Казанской Божьей Матери. Зодчего в данном случае удалось установить – это Баев Петр Ефимович (1819-1892), в 1836 году-архитекторский помощник, а с 1856 года- свободный художник архитектуры. Проектировал и наблюдал за постройкой жилых и культовых зданий в Москве и Подмосковье, в 1880 году перестроил Иверскую часовню [27, 28]. Но несколько раньше, в 1875 году, Баев разработал проект перестройки Воскресенской церкви в Роще [29]. В проекте к летнему храму предусматривалась пристройка двух теплых приделов, но из-за нехватки средств был построен лишь один южный придел. Финансовую помощь в постройке оказывал Иван Петрович Ланговой, сын тарусского купца 1 гильдии Петра Емельяновича Лангового. Неизвестно, чем был связан с Рощей Иван Петрович, но он, к сожалению, скончался в 1883 году в возрасте 35 лет и был похоронен в ограде Воскресенской церкви. Князь Александр Николаевич Голицын скончался в 1911 году в Париже, но о Роще не забыл. Удалось найти его завещание, где он просит своего сына, князя Владимира: "...по кончине моей книги и рисунки, касающиеся России и периодические журналы, находящиеся в библиотеке в имении моем селе Роще, Тарусского уезда, и в Москве, при квартире моей, передать в собственность Императорскому Историческому музею в Москве все, сколько таковых окажется...;...в первые шесть месяцев со дня кончины моей внести на вечное время четырехпроцентную рентою на имя Московского Донского монастыря одну тысячу рублей и Воскресенской села Рощи...церкви одну тысячу рублей с тем, чтобы проценты с этих сумм поступали в пользу монастырской братии и церковного причта за поминовение родителей моих и меня при богослужениях" [30]. Князь Владимир выполнил волю отца. В 1912 году он передал в Исторический музей оставшуюся часть библиотеки, дополнившую собрание 1870 года [31]. Само имение в 1911 году было продано с торгов александровскому мещанину Кривошее Василию Павловичу, который и сам через два года разорился, и Роща прекратила существование как усадьба. Воскресенская же церковь, постепенно ветшая без должного ремонта, продолжала работать до 1963 года, и лишь тогда разделила судьбу большинства храмов (в Тарусском уезде из 48 церквей не осталось ни одной).

Возвратимся в Барятино. В 1815 году имение унаследовал родной брат Михаила Васильевича майор князь Николай Васильевич Голицын (1762-1835). Жил он в основном в Москве, в начале Большой Дмитровки [32], управлял имением не слишком удачно, так что часть недвижимости ему пришлось даже заложить в Московском опекуном совете. Николай Васильевич был дружен с семьей своей родной сестры княгини Елены Васильевны

Шереметевой, дочь которой вышла замуж за князя Сергея Дмитриевича Горчакова (1794-1882), троюродного брата лицейского друга А.С. Пушкина, канцлера, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова (1793-1883). Николай Васильевич был восприемником их сына Дмитрия, и именно ему, своему внучатому племяннику князю Дмитрию Сергеевичу Горчакову завещал он Барятино. И хотя на имение претендовали его родные племянницы княгини Вера Дмитриевна Голицына и Мария Дмитриевна Ухтомская, юридическая победа осталась за Горчаковым [10]. Имение перешло к близкому родственнику, но по женской линии, а это формально означало, что в 1835 году в истории Барятино закончился 138-летний Голицынский период.

Князь Дмитрий Сергеевич Горчаков (1828-1907) получил Барятино в 7-летнем возрасте, и некоторое время имением управлял его отец Сергей Дмитриевич в качестве опекуна. В 1843 году он обратился в Калужскую духовную консисторию с просьбой разрешить ему построить в Барятино каменную церковь вместо обветшавшей деревянной [33], а в 1850 году Успенская церковь уже была построена [16]. В 1867 году и сам Дмитрий Сергеевич, уйдя в отставку в звании полковника, со своей молодой женой Верой Ивановной Бек (приемной дочерью князя Павла Петровича Вяземского и троюродной сестрой М.Ю. Лермонтова), фактически полностью поселяется в Барятино и активно обустраивает усадьбу [34]. Он строит (скорее, достраивает) каменный усадебный дом, выполненный пока неизвестным нам архитектором с сохранением "хоромного" русского стиля XVII века. Мы об этом здании уже говорили, оно живо и сейчас, в нем находится Барятинская средняя школа. Не сохранилась лишь угловая башня, но существует описание дома [35], есть акварель 1876 года [36] и более поздние фотографии. Дмитрий Сергеевич на территории 25 га разбивает прекрасный пейзажный парк с некоторыми элементами регулярного, спускающийся от дома к огромному (около 5 га) пруду с двумя островами. Не вдаваясь в описание, я приведу лишь оценку парка, сделанную в 1989 году архитектором И.Ю. Яровым и включенную в паспорт усадьбы: "Выдающийся памятник садово-паркового искусства. Один из лучших усадебных парков не только Калужского края, но России. Редкий пример тонкого сочетания приемов конца XVIII и середины XIX веков. Имеет большое научное, художественное, познавательное значение. Обладает богатым рекреационным потенциалом" [37]. К сегодняшнему дню парк пришел с потерями, но существуют еще много деревьев-ветеранов, сохранились элементы подпорной стенки, есть информация о парке. Горчаковыми была собрана в усадьбе интереснейшая коллекция художественных изделий из бронзы, серебра, стекла и фарфора; обширная коллекция (свыше 115 единиц) огнестрельного, холодного и защитного вооружения; целая картинная галерея – около 150 картин маслом, акварели, гравюры, миниатюры; большая библиотека, начало которой, возможно, было положено Голицыными.

Единственный сын Горчаковых, действительный статский советник князь Сергей Дмитриевич (1861-1927) оказался последним владельцем Барятино. Побывал он Архангельским, Олонецким и Херсонским вице-губернатором, был губернатором Вятки и Калуги [38]. После кратковременного брака с княжной Софьей Дмитриевной Голицыной женился вторично на Анне Евграфовне, урожденной графине Комаровской. Сергей Дмитриевич пытался сохранить коллекции и библиотеку в Барятино, но они были национализированы и разрознены [39]. Подробнее о судьбах владельцев читайте в отдельных очерках.

В заключение следует отметить, что степень сохранности дошедших до нас строений, усадебного парка, наличие информации о коллекциях и исторические сведения позволяют надеяться не только на сохранение этой частички нашего культурного наследия, но и на частичную реставрацию и обеспечение, пусть не музеефикации, но какой-либо из форм преемственности культурных традиций в современной жизни Барятино и Роши.

Примечания.

1. Калужский край (документы и материалы). Кн. 1. Калуга, 1976, с. 25.
2. В.В. Ханыков. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года. М., 1878. с. 94.
3. РГАДА (Российский гос. архив древних актов). Ф. 1355, оп. 1, д. 489, лл. 56-57.
4. В.В. Ханыков. Летопись калужская. М., 1878, с. 34.
5. РГАДА, ф. 1209, оп. 64, д. 11584, л. 41.
6. Там же, л. 50
7. РГАДА, ф. 1209, оп. 64, д. 11594, л. 313.
8. Г.А. Власьев. Потомство Рюрика. Т. 1, ч. 2. СПб., 1906. с. 81.
9. Там же, с. 60.
10. Бессонов В.А. Из истории села Барятино. / Материалы IV Голицынских чтений. Б. Вяземы, 1998.
11. РГАДА, ф. 1209, оп. 64, д. 11594, л. 319
12. П.Ф. Симсон. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича. / Известия Калужской ученой архивной комиссии. № 3. Калуга, 1894. с. 59.
13. КОКМ (Калужский обл. краеведческий музей), кл. 7074, л. 256.
14. Там же, лл. 241-244.
15. Там же, лл. 262-262об.
16. Н.И. Рошефор. Опись церковных памятников Калужской губернии. СПб., 1882, с. 41.
17. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 489, лл. 27-57.
18. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 490, лл. 181-182.
19. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 489, лл. 39-85.
20. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 490, лл. 126-128.
21. Н.И. Булычев. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии. Калуга, 1910, с. 120.
22. Кн. А.Н.Г. Из рассказов старого лейб-гусара. / Русский архив. 1887. Кн. III, сс. 192-197.
23. История лейб-гвардии конного полка. 1731-1848. ч. III. СПб., с. 187.
24. Записки гр. М.Д. Бутурлина. / Русский архив. 1897. Кн. III, сс. 590-597.
25. Записки гр. М.Д. Бутурлина. / Русский архив. 1898. Кн. I, сс. 125-164.
26. Галутва Г.В. Князь Александр Николаевич Голицын и А.Д. Чертков / Материалы VI Голицынских чтений. Б. Вяземы, 1999.
27. М.В. Дьяконов. К биографическому словарю московских зодчих XVIII-XIX веков. / Русский город. М., изд. МГУ, 1976. Вып. 1, с. 274.
28. Рогачев А.В. Московские зодчие второй половины XIX- начале XX века. / Биографический справочник. М., 1997. Том 1, с. 19.
29. ГАКО (Гос. архив Калужской области), ф. 62, оп. 17, д. 654, лл. 2-7.
30. ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы), ф. 142, оп. 5, д. 531, л. 18об.
31. Отчет РИМ за 1912 год. М., 1913, с. 45.
32. Л.А. Мартынов. Московская старина. / Рус. архив. 1878. Вып. 4, с. 469.
33. ГАКО, ф. 62, оп. 9, д. 203; ГАКО, ф. 111, оп. 4, д. 34а л. 123об.
34. ЦИАМ, ф. 4, оп. 13, д. 196, лл. 42-49.
35. Дунаев М.М., Разумовский Ф.В. В среднем течении Оки. М., 1982, сс. 70-81.
36. КОКМ, инв. № Кл. 976.
37. Усадьба Барятино. Паспорт. / Дирекция по охране, реставрации и использованию памятников и земель историко-культурного назначения. Калуга. ф. Р875, оп. 7, д. 38.
38. ЦИАМ, ф. 4, оп. 13, д. 196, лл. 20-31.
39. Л.В. Иванова. Вывоз из усадеб художественных ценностей. / Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. М., 1992. № 25, сс. 71-75.

СЛЕДЫ РОМАНОВЫХ НА ТАРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Тема эта для Тарусы совсем не очевидна. Дело в том, что памятников, отмеченных непосредственным пребыванием или каким-либо деянием кого-либо из представителей великокняжеской династии в районе нет. Не сохранились физически. Но, с другой стороны, сам Тарусский уезд может рассматриваться как памятник, связанный с Романовыми многими нитями, пусть и не самыми короткими. Часть из них дошла до нашего времени лишь в виде информации, т.е. существует сегодня только виртуально, но некоторые вполне материальны. А кое-что, без сомнения, полностью утеряно. Что же мы знаем сегодня?

Начнем со старинного дворянского рода Нарышкиных. Тут не приходится обсуждать, сколь тесно эту фамилию судьба связала с Романовыми. Но ведь и с Тарусской землей тоже. Еще **Полукт Иванович Нарышкин**, дед царицы Натальи Кирилловны, в начале XVII века получил «за Московское за осадное сиденья» от Шуйского (как и интересующий нас князь Б.М. Лыков) вотчину под Тарусой и стал значиться в родословиях как «Тарусский сын боярский» [1]. Затем и **Кирилл Полуктович** (1623-1691) – «сын Тарусского сына боярского» имеет (еще до обрушившихся на него царских милостей) владения в Тарусском уезде, села Буриново и Тростье с пустошами. Здесь родилась и жила до замужества будущая царица Наталья Кирилловна, ненадолго пережившая своего отца (1651-1694). Связан с Тарусой и младший брат Полукта Ивановича – **Филимон Иванович Нарышкин** (ум. в 1653 г.), которому Наталья Кирилловна приходится внучатой племянницей. Он возглавляет среднюю линию рода и в поколенной росписи, составленной В.С. Арсеньевым, числится **тарусским** и серпуховским помещиком [2].

С этих пор представители обеих линий рода Нарышкиных уже не покидали Тарусской земли. Вот и сын Филимона Ивановича – боярин **Григорий Филимонович Нарышкин** (ум. в 1706 г.) – значится **тарусским** и орловским помещиком [2]. После же внука – камергера **Михаила Григорьевича Нарышкина** (1699-1744) – средняя линия расщепляется на две ветви. Правда, у нас нет пока сведений о тарусских владениях самого Михаила Григорьевича, но его потомки, представляющие обе эти ветви, прочно связаны с тарусской землей. Сын, генерал-майор **Сергей Михайлович Нарышкин** (1706-1765), владел селом «Знаменским-Игнатовским тож», расположенным по обе стороны речки Нагайны рядом с Тарусой, и являлся здесь строителем усадебного дома, к сожалению, деревянного [3].

Если же мы теперь, воспользовавшись результатами генерального межевания земель российских, сделаем «моментальный снимок» тарусских земель конца XVIII века, то следы Нарышкиных в виде их владений обнаружатся по всему Тарусскому уезду. Познакомимся с ними поближе.

Вот владения представителя старшей линии рода – обер-гофмаршала **Александра Александровича Нарышкина** (1726-1795), правнука Кирилла Полуктовича. Это, прежде всего, «родовое гнездо» – группа селений по берегам речки Аложи (участок 1). Сюда входит сельцо Тростье с усадебным домом, село Покровское с деревянной церковью Покрова Пресвятой Богородицы и село Комарево с церковью великомученицы Параскевы [4]. Кроме того, есть у Александра Александровича и отдельные земельные участки, где имеются и покосы, и лесные угодья. Совсем недалеко, на правой стороне речки Ракитны, находятся его пустоши Беляева, Ларина и Озарова (уч. 2) [5]. Вообще же линия рода, идущая от Кирилла Полуктовича, естественно, изучена лучше других, и мы не будем более на ней останавливаться.

А вот представитель средней линии – линии Филимона Ивановича – внук Михаила Григорьевича, генерал-майор **Василий Сергеевич Нарышкин** (1740-1800). Он хозяйничает в уже знакомом нам пригородном селе Знаменском-Игнатовском (уч. 6) [6]. При этом активно участвует в жизни уезда, избирается тарусским уездным предводителем дворянства [3]. Правда последнее упокоение Василий Сергеевич вместе с женой, графиней Анной Ивановной Воронцовой (1750-1807), обрел не в своем имении, а в Московском

Новоспасском монастыре. Были, конечно, у Василия Сергеевича и земельные угодья, разбросанные по Тарусскому уезду. К северу от Тарусы, вблизи большой Калужской дороги, по обе стороны речки Сухменки расположилась принадлежавшая ему пустошь Кузьмина (уч. 5) [7].

Интересно, что совсем рядом с ней, на правой стороне реки Протвы, находилось село, которое в «Экономических примечаниях» к 1780 году не значилось владельческим (уч. 4). Но оно носило говорящее название «**Елсуновское Нарышкино тож**» [8]. Несомненно, тут не обошлось без кого-либо из Нарышкиных предыдущих поколений.

Переместившись на юг от Тарусы все по той же большой Калужской дороге, можно обнаружить следующее владение Василия Сергеевича – пустошь Малая Хвастовка, раскинувшаяся по обе стороны верха (оврага) Верещагина (уч. 12) [9]. И, наконец, несколько западнее, на правой стороне речки Осны, у большой Боровской дороги, находится пустошь Уваровка (уч. 9), где и сенных покосов-то было три десятины, а в основном лес – 227 десятин. И эту пустошь Василий Сергеевич каким-то образом делит с еще четырьмя владельцами, среди которых присутствует и князь Михаил Михайлович Голицын [10]. К последнему мы еще возвратимся.

Остается добавить, что и сын Василия Сергеевича – **Иван Васильевич Нарышкин** (1779-1818) – будет обитать в том же селе Знаменском-Игнатовском и тоже побывает тарусским уездным предводителем дворянства. Был он человеком известным, камер-юнкером, адъютантом графа Остермана, участником Наполеоновских войн, получившим за храбрость золотую саблю. И погребены они будут с супругой Елизаветой Ивановной Метем уже не в московском монастыре, а здесь же, в селе Знаменском [3]. Вообще же о его семье мы знаем довольно много благодаря известным запискам его зятя, графа М.Д.Бутурлина, недавно переизданным.

На этом представительство средней ветви рода Нарышкиных на тарусской земле не заканчивается. Еще один внук Михаила Григорьевича – полковник **Иван Иванович Нарышкин** (1739-1800) – обитает в это же время недалеко от Тарусы, в селе Лопатине, на полпути к селу Роще (уч. 7). Совладелец здесь значится и одна из его дочерей – **Марья Ивановна**, вышедшая замуж за Федора Алексеевича Бахметева [11]. Село расположилось в живописной местности, на правой стороне реки Тарусы. Его пререзает большая Калужская дорога, существующая здесь и поныне, только теперь она ведет лишь из Тарусы в Рощу. Люди селились здесь издавна. Сама история смотрит на село из-за реки, с высокого берега – там дремлет древний мощинский курган. Да и Иван Иванович приложил немало усилий для превращения Лопатина в уютный уголок. Он разбил прекрасный парк, построил просторный усадебный дом (опять, к сожалению, деревянный) с флигелями и своеобразными галереями, каменную церковь. Здесь шла полнокровная жизнь. В разных местах по уезду расположились земельные угодья Ивана Ивановича, почти всегда в совладении с дочерью Марьей Ивановной. Это пустошь Сидоренки по обе стороны одноименной речки (уч. 8) [12]; отхожие пустоши Кудашева и Кунакова на левой стороне речки Опаки (уч. 10) [13]; а также отхожие пустоши Мансурова, Знаменок и Мусина на правой стороне речки Иловой и у верховьев речки Батинки (уч. 13) [14]. Присутствуют здесь же, к югу от Тарусы, и участки, принадлежащие только Марье Ивановне. Это село Яблоново на правой стороне Яблоновского верха и деревня Шерапово на левой стороне речки Дрящи (уч. 15), а также деревня Износкова на правой стороне речки Костинки (уч. 14) [15]. Имеется у Марьи Ивановны и собственная пустошь – Лукьяновка, расположенная на правой стороне Крутицкого верха у большой Калужской дороги (уч. 11) [16].

Были у Ивана Ивановича и еще две дочери. Старшая – **Анна Ивановна** – благополучно вышла замуж за князя Алексея Петровича Щербатова (1750-1810) и перебралась к нему в село Высокиничи (уч. 3), оставив там весьма скупой след, поскольку отличалась исключительной, скажем так, бережливостью. Средняя же дочь – **Евдокия Ивановна** – было полной противоположностью сестре. Пережив в юности неудачную любовь, она так никогда и не вышла замуж, но, посвятив себя полностью гостям и

благотворительности, обеспечила небывалый расцвет жизни в лопатинском доме, став его хозяйкой и доброй феей после смерти родителей. Этот период (с 1829 по 1854 год) прекрасно описан в «Записках» М.Д. Бутурлина – родственника Нарышкиных, частенько навещавшего Лопатино. В эти годы у Авдотьи Ивановны (так её звали в обиходе) дня не проходило без гостей. «По мало-мальски заметным праздникам у нее обедали сразу более 40 человек, ну а жены чиновников из близкой Тарусы вообще дежурили здесь постоянно. Приезжали сюда семьями и всегда находили теплый прием. Конечно, частенько гостил у Авдотьи Ивановны легендарный тарусский француз – аптекарь, лекарь и отчаянный охотник Осип Августинович Тридон с женой и дочерью. Приезжала с детьми из своего не такого уж далекого Бегичева, а то и прямо из Калуги жена калужского губернатора Александра Осиповна Смирнова-Россет – достойная собеседница великих писателей и поэтов, «черноокая Россети» и гостила по нескольку дней, оставляя в этих стенах дух Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Вяземского» [17]. Евдокия Ивановна прожила долгую жизнь и скончалась 14 апреля 1854 года в возрасте 83 лет.

Унаследовал Лопатино племянник Евдокии Ивановны, сын её сестры Марьи Ивановны – Николай Федорович Бахметев. Судьба вроде бы давала шанс возникновению здесь настоящего культурного центра, ведь женой Николая Федоровича была Варвара Александровна Бахметева (1815-1851) – та самая Варенька Лопухина, любовь к которой М.Ю. Лермонтов пронес через всю свою короткую жизнь, посвятив ей множество стихотворений, и в том числе «Демона». Но не сложилось – слишком рано она ушла из жизни. А потом Лопатино вообще выпало из семьи, и усадебная жизнь здесь вскоре угасла.

В итоге мы можем сказать, что следы столь широкого представительства Нарышкиных на тарусской земле, конечно, остались, и их поиски нужно продолжать, но все они пока носят характер информации. Предметных памятников практически не сохранилось. Нет ни одного изначального усадебного дома, что неудивительно – ведь все они были деревянные. Лопатинской усадьбе еще повезло, А. Ростиславов в 1910 году побывал здесь, застал дом Ивана Ивановича почти целым, описал и даже зарисовал его [18].

Не сохранилось и большинство захоронений. В родословных, в частности, указывают, что Иван Иванович Нарышкин погребен в Лопатине, что было бы естественно. Но тот же Ростиславов обнаружил, что Иван Иванович и его жена нашли последнее прибежище не у своей Знаменской церкви в Лопатине, а в селе Лысая Гора, километрах в пяти от усадьбы, у приходской церкви. Был и памятник, давно утерянный, но по описанию Ростиславова мы вполне можем его себе представить: «Памятник в Лысой Горе был красно-мраморным и состоял из подставки и четырехугольной пирамиды, увенчанной урною. На нем надпись: «Под сим камнем лежит тело полковника Ивана Ивановича Нарышкина. Род. 1739 Июня 5 числа, скончался Авг. 5 числа 1800»; на другой стороне: «Под сим камнем лежит тело его супруги Елены Николаевны Нарышкиной. Родилась 1746 Апр. 19, скончалась 1829 Июня 26 дня» [18].

Но есть на тарусской земле и памятники другого рода. Вот старинное село Ладинское, ныне именуемое Рощей. Древняя история его затерялась где-то в глубине оборонительных валов, сглаженных потоками времени почти до неразличимости. Но нас интересуют сейчас более близкие времена – двадцатые годы XVII века. Кругом, как и на всей Калужской земле, да и в самой Калуге – разорение и малолюдье, вызванные смутным временем и польской войной. Но есть и исключения. П.Ф. Симсон пишет: «Только вотчина царского дяди Ивана Никитича Романова – село Спасское Новое под самую Калугу, да, пожалуй, вотчина другого знатного боярина князя Бориса Михайловича Лыкова в Роцинском стану своим многолюдством нарушали общую картину запустения, которая от этого делалась еще разительнее». [19]. Так было не всегда, и только в 1628 году это «село Ладинское Роща тож с деревнями: Андреева Орехова тож, Михалкова, Гнездина, Познякова, Кочукова и Шахова» [20] царем Михаилом Федоровичем были пожалованы князю Борису Михайловичу Лыкову «за Цря Василево за Московское за осадное сиденья и за многие ево службы, как он боярин Князь Борис Михайлович на Медвежьем Броде побил Лисовского с литовскими и с полскими и с

русскими воры, как Лисовский шол под Москву» [21]. С тех пор и тянется за Рощей романовский след, ибо хозяевами здесь стали князь Лыков и его супруга – **Анастасия Никитична, урожденная Юрьева-Романова**, сестра патриарха Филарета и тетка царя Михаила Федоровича. Поскольку женская линия, с генетической точки зрения, как минимум, равнозначна мужской, можно считать, что этот романовский след в Роще протянулся более, чем на три столетия, ибо все это время хозяевами здесь были прямые потомки Анастасии Никитичны.

Правда, был период, когда Роща на мгновение ускользнула из семьи. Но этот эпизод, пожалуй, нисколько не уменьшает значения Рощи как своеобразного памятника Романовым. Ведь эта запинка в истории усадьбы вызвана событиями, странным образом связанными с драматическим приходом Петра I к власти. Сначала все шло традиционно – хозяйкой Рощи после Анастасии Никитичны стала её дочь **Елена Борисовна**, бывшая замужем за князем Федором Юрьевичем Хворостининым, скончавшимся в 1655 году. Но потом все резко меняется – какие-то неясные для нас обстоятельства заставляют её в 1682 году продать усадьбу за изрядную сумму (5000 рублей) князю **Василию Васильевичу Голицыну**, олицетворяющему в данном контексте для нас царевну Софью Алексеевну. А вскоре последовало еще более резкое изменение – рывок Софьи к трону терпит поражение, и 25 февраля 1689 года появляется крепко связанная с этим поражением дарственная: *«Боярин князь Василий Васильевич Голицын поступая на вечные времена племяннику своему князь Василию Борисовичу Голицыну купленную свою вотчину в Рощинском стану село Ладинское Роща тож с деревнями <...>* [22]. Вот и все – короткий разрыв в истории Рощи ликвидирован. Её хозяевами становятся родители 8-летнего князя Василия, князь **Борис Алексеевич Голицын** (1654-1714), олицетворяющий Петра I, и супруга Бориса Алексеевича – **Марья Федоровна** (1651-1723), урожденная княжна Хворостинина, родная внучка Анастасии Никитичны. С этих пор и до конца 1907 года всем, что происходило в Роще, управляли только их прямые потомки. Мы не останавливаемся на этом периоде, поскольку он подробно освещен в уже упоминавшейся книге «Точка на русской равнине».

Конечно, до наших дней не дожил деревянный усадебный дом, как и деревянная же церковь Параскевы Пятницы времен Анастасии Никитичны. Но стараниями правнука Бориса Алексеевича и Марьи Федоровны – **князя Михаила Михайловича Голицына** (1735-1802), а в значительной степени и матери последнего – **Евдокии Михайловны** (1703-1768), урожденной княжны Щербатовой, вместо этой деревянной церкви в 1757 году была сооружена замечательная каменная церковь во имя Воскресения Христова. Заметим в скобках, что именно за внучатого племянника Евдокии Михайловны князя Алексея Петровича Щербатова в свое время выйдет замуж уже знакомая нам Анна Ивановна Нарышкина, завершая очередной виток генеалогических кружев. В Роще же в 1876 году еще один потомок Голицыных и Романовых – князь **Александр Николаевич Голицын** (1857-1923) – добавил к Воскресенской церкви придел, освященный во имя Казанской иконы Божьей Матери, нисколько её не испортивший, поскольку проектировал придел известный архитектор Петр Ефимович Баев (1818-1892), бережно отнесшийся к первоначальному строению храма. А вот автор храма 1757 года пока точно не установлен. Сегодня у нас есть лишь предположение, что это мог быть Карл Иванович Бланк (1728-1793). Это был мастер, строивший храмы в стиле московского барокко, к которому и относится Воскресенская церковь. Кроме совпадения по времени и по стилю, нужно заметить, что Роща близка и к территориям, на которых он работал. Будучи московским архитектором Бланк много работал и во владениях графа И.Л. Воронцова. Бланку иногда приписывают храм Живоначальной Троицы в селе Троицком, в 18 километрах от Рощи, а владения Дашковых-Воронцовых подходили вплотную к Роще.

Как бы там ни было, но прекрасный рощинский храм является замечательным памятником Голицыным и Романовым, дошедшим до наших дней. Пролетевшие века, конечно, оставили на нем свои отметины, но судьба преподнесла нам этот храм все же в

таком состоянии, что еще почти явственно ощущается аромат его молодости и касание рук его строителей. И нельзя это потерять.

Нам удалось разыскать прямого потомка владельцев Рощи – князя **Петра Дмитриевича Голицына**, нашего современника, который оказал большую помощь в восстановительно-реставрационных работах. Сейчас храм находится на попечении Калужской епархии, и работы продолжаются, но медленно в связи с недостатком средств. Тем не менее есть надежда, что этот памятник не только будет защищен теперь от разрушительного воздействия времени, но и получит новую жизнь, как действующий православный храм.

Остается добавить лишь, что наши хрупкие гены часто оказываются куда прочнее любого каменного сооружения. Канули в лету многие усадебные дома и гранитные обелиски, а в тарусской глубинке, в трех километрах от Рощи, в Фатьянове, и сегодня можно встретить представительницу младшей линии рода Нарышкиных, берущей свое начало от Фомы Ивановича – родного брата Полуекта Ивановича Нарышкина. Это **Наталья Михайловна**, представляющая также и достойный род Афанасьевых, но рассказ о нем выходит за рамки обозначенной тематики.

Примечания.

1. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Том 2. СПб., 1985. С. 6.
2. РГАЛИ. Ф. 2558, оп.2, ед.хр. 1707, л. 1.
3. Арсеньев В.С. Нарышкины. Потомство Василия Сергеевича Нарышкина. (Машинопись). РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2, ед.хр. 1707, л. 2.
4. Участок № 389 по ген. плану. РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д.491, л.41.
5. Участок № 409. РГАДА. Ф. 1355, оп.1, д. 491, л. 43.
6. Участок № 6. РГАДА, Ф. 1355, оп. 1, д. 491, л. 3об.
7. Участок № 84. Там же. Л. 10об.
8. Участок № 159. Там же. Л.18.
9. Участок № 39. Там же. Л. 6об.
10. Участок № 130 РГАДА. Ф. 1355, оп.1, д. 489, л. 27.
11. Участок № 50, РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 491, л. 7об.
12. Участок № 131. Там же. Л. 14об.
13. Участок № 49. Там же. Л. 7об
14. Участок № 34. Там же. Л. 6.
15. Участок № 112. Там же. Л. 13.
16. Участок № 103. Там же. Л. 12.
17. Галутва Г.В. Точка на русской равнине. М., 2006. С. 148.
18. Ростиславов А. Деревянный дом XVIII столетия // Старые годы. 1911. С. 44 – 45
19. Симсон П.Ф. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1894. № 3. С. 9
20. РГАДА, ф. 1209, оп. 64, д. 11594, л. 312; д. 11584, л. 41.
21. Симсон П.Ф. Указ. Соч. С. 59, 162 – 163.
22. КОКМ (Калужский областной краеведческий музей). Инв. № Кл 7074. Л. 262 – 262 об.

НЕОКОНЧЕННАЯ БИОГРАФИЯ ГОЛИЦЫНСКОГО ХРАМА В РОЩЕ

Голицынские храмы... Долгие рассказы в камне о душе их создателей, об их родине, о пролетевших над ними веках. Храмов этих на Руси немало, и все они разные, как разными были сами князья Голицыны. Каждый из голицынских храмов, даже если он не является выдающимся архитектурным творением, несет свою весть и интересен для нас, тем более, что не все они дожили до наших дней, а из доживших – не все замечены нами. Об одном из таких незамеченных и пойдет речь.

Причины такой незаметности более всего географические. Все знают Оку и старинный город Тарусу на ее берегу, но уже не все знают, что здесь в Оку впадает речка Таруса, и уж почти никто не знает, что в Тарусу в свою очередь впадает небольшая речушка Роща, когда-то разделявшая владения Голицыных и Дашковых. Вот здесь, в 30 км от города Тарусы, на правом, Голицынском, берегу нашей речушки, в селе Роща "Ладинское тож" и приземлился в XVIII веке храм Воскресения Христова.

Можно и сейчас, преодолев ухабистую дорогу тарусской глубинки, подойти к небольшому пологому холму, на котором прочно стоит до сих пор этот храм. Забудьте на минуту о повседневной суете, и вас охватят необычные ощущения, проходящие волнами по мере приближения к его стенам. Я даже затрудняюсь передать их словами: это и какое-то замедление времени, и явственное ощущение почти материального присутствия прошедших эпох, прерываемое досадными диссонансами забытых чем-то окон или валяющейся детали от "Беларуси", и еще – тишина, почему-то не разрушаемая звуками современной жизни села, какая-то не сегодняшняя тишина со смутным эхом вечности. Само место это не случайно – здесь и раньше стоял православный храм. Появился он, вероятно, в начале XVII века, когда Роща стала вотчиной наиболее выдающегося представителя князей Лыковых, боярина Бориса Михайловича, чей пресекшийся род нашел свое продолжение в потомках князя Бориса Алексеевича Голицына. Во всяком случае, в 1631 году в Роще уже стоит "вотчинникова строения" храм "Христовы мученицы Параскове и нарицаемая Пятницы". Храм деревянный, но не маленький, с двумя приделами – во имя святителя Николая и "страстотерпца Христова Емеляна" [1].

С 1682 года Роща стала вотчиной князей Голицыных, начиная с Василия Васильевича "Великого", едва успевшего до своей пожизненной ссылки в Яренск передать ее семье своего двоюродного брата и соперника Бориса Алексеевича, пестуна Петра I, а по женской линии – Анастасии Никитичны Юрьевой-Романовой, сестры патриарха Филарета и тётки царя Михаила Фёдоровича. Деревянный храм в Роще еще крепок, и службы в нем продолжаются.

Шло время, менялись владельцы усадьбы. Конечно, деревянная церковь постепенно ветшала, но для того, чтобы воздвигнуть новый храм, требовались особые побудительные мотивы. Часто подобным толчком оказывались события трагические. Так и случилось. С 1862 года Роща стала вотчиной князей Голицыных, начиная с Василия Васильевича Великого, едва успевшего до своей пожизненной ссылки в Яренск передать ее семье своего двоюродного брата Бориса Алексеевича, пестуна Петра I.

И вот правнуки Бориса Алексеевича на месте деревянного ставят новый каменный храм, посвященный Воскресению Христову, хотя прежняя церковь отнюдь еще не обветшала. Об этом говорит тот факт, что ее не ломают, а разбирают и переносят в соседнее, голицынское же, село Барятино, где она проживет еще целый век [2]. Кто же именно это делает и почему? Побудительными импульсами к воздвижению храма чаще всего оказывались события трагические, и их вполне можно проследить в жизни роцинских Голицыных.

Как известно, судьба настолько неровно относилась к потомкам Бориса Алексеевича, что это вполне могло восприниматься как наказание Господне за грехи, которых предостаточно знал за собой князь Борис. Умирает при родах в возрасте 25 лет жена его

среднего сына Василия, за которым числится Роща. Он женится вновь, но и сам 29-летний Василий вместе со второй женой в 1710 году погибают под обрушившимся потолком. У самого Бориса Алексеевича – крупные "служебные неприятности", а когда в 1713 году в расцвете сил умирает и его старший сын Алексей, он порывает с миром и уходит в монастырь. Ему не дано было ведать то, что знаем мы с вами – линии и Алексея, и Василия не пресекутся, они даже объединятся в той же Роще (праправнук Алексея князь Николай Яковлевич женится в 1829 году на праправнучке Василия, владелице Рощи княжне Вере Дмитриевне Голицыной) и продлятся до наших дней. Пока же несчастья семьи продолжаются. В 1716 году тонет на Волге дочь Бориса Алексеевича Марфа с двумя своими детьми. Роща переходит к его внуку Михаилу Васильевичу, но в 1749 году он умирает в возрасте 46 лет, оставляя свою еще молодую вдову с многочисленными детьми. Евдокия Михайловна (1703-1768), урожденная княжна Щербатова, оказалась женщиной сильной. Она одна растит шестерых детей и управляет с владениями в десяти уездах. Лишь в 1755 году она выделяет сына Василия, дочь Авдотья отказывается от недвижимости, получая соответствующую компенсацию, остальные же трое сыновей (Александр, Николай и Михаил) получают свои владения только в 1766 году.

Здесь и встает вопрос о строителе Воскресенской церкви. И хотя в клировых ведомостях значится, что она "построена в 1757 году тщанием князя генерал-майора Михаила Михайловича Голицына" [3], это вызывает сомнения. Михаил Михайлович (1735-1802) действительно получил во владение Рощу, но в 1766 году, во время же строительства церкви будущий генерал-майор был еще лейб-гвардии сержантом, только начинал службу в Петербурге и не мог даже приехать на первый раздел владений. Вот что пишет он своему брату, будущему владельцу соседнего Барятино: "Государь мой братец князь Александр Михайлович! Понеже матушка изволила принять намерение движимое и недвижимое наше имение нам не расписать, а брата князя Василия Михайловича, дав ему надлежащую изо всего часть, отделить от нас прочь, а нам бы троим то есть брату князю Николаю Михайловичу, вам и мне остатца в одном доме вместе при матушке не разбивая наши части и на оное я ... согласен. Того ради вас покорно прошу в небытность мою в Москве при разделе вместо меня быть ... Я вам во всем в том верю и что изволите учинить прекословить не буду... Июля 31 дня 1755 году" [4].

Поэтому князя Михаила следует все же исключить из строителей церкви, да и возраст у него был неподходящий – 20 лет. А вот у его матери были все возможности и резоны возвести храм. Княгиня стремилась остановить злой рок, тяготевший над семьей, искупить грехи понятными ей средствами. В этом стремлении Евдокию Михайловну могла лишь утвердить смерть ее дочери Анны, только что вышедшей замуж за князя Долгорукова М.И. Она умерла 21-летней в том же 1755 году. При этом можно допустить, что в строительстве Воскресенской церкви принимал участие кто-либо из братьев Михаила. Не исключено, что это мог быть Николай, старший и наиболее склонный к созиданию, как это показала его последующая деятельность в Вяземах. Но это всего лишь предположение, и все равно строителем храма следует считать Евдокию Михайловну, управлявшую в это время финансами и семейной "стратегией".

И вот вместо деревянной церкви была воздвигнута замечательная каменная церковь во имя Воскресения Христова. Создан был этот храм из роцинской же глины, тысячелетиями дремавшей буквально за околицей, в Воскресёнках. Здесь, в нынешних владениях фермеров Шаповаловых, и сегодня можно увидеть выработки и пережжённые отходы голицынского кирпичного заводика. Конечно, для такого превращения глины потребовались не только воля и средства владельцев, но и несомненный талант зодчего, имя которого пока нельзя считать установленным с полной достоверностью. Однако, учитывая тот факт, что в то время на Руси жили и творили не так много архитекторов, создававших подобные храмы, можно достаточно уверенно предполагать, что это мог быть Карл Иванович Бланк (1728-1793). Это был мастер, строивший храмы в стиле московского барокко, к которому и относится Воскресенская церковь. Для Бланка характерно также и

бесстолпное строение храма, перекрытое массивным куполом с люкарнами (например, его московский храм Екатерины на Всполье). Кроме совпадения по времени и по стилю, нужно заметить, что Роцца близка и к территориям, на которых он действовал. Бланк был московским архитектором, но много работал и во владениях графа И.Л. Воронцова, почти как его домашний архитектор. Бланку приписывают и храм Живоначальной Троицы в селе Троицком, в 18 километрах от Роцци – владения Дашковых-Воронцовых подходили вплотную к голицынским.

И вот 1757 год. Храм в Роцце построен и оказался не каким-либо типовым сооружением, а прекрасным образцом русского барокко середины XVII века, вполне индивидуальным и чрезвычайно редким для сельской местности. 48 храмов стояли в Тарусском уезде, но здешние перелески и поля никогда не видели такого удивительного купола над храмом – массивного каменного свода, спокойно смотрящего на окружающий мир своими овальными люкарнами и увенчанного короной восьмигранного светового барабана. А рядом легкая, элегантная двухъярусная колокольня устремила в тарусские небеса прямо-таки адмиралтейский шпиль и не взлетает на волнах колокольного звона только потому, что крепко связана притвором с основательным двухсветным центральным объемом храма. А какой хоровод декора окружает церковь со всех сторон: кирпичные пилястры с белокаменными базами и капителями, полуциркульные окна со сложными наличниками, развитые карнизы с белокаменной венчающей частью, рустованные "ноги" колокольни. К сожалению, мы не знаем пока имени зодчего, создавшего Воскресенскую церковь, но был он, несомненно, талантлив и заслужил благодарность многих поколений прихожан и людей, случайно заносимых судьбой в Роццу. Храм достоин более широкой известности, и время, видимо, недаром пощадило его.

Новорождённый храм оказался прекрасным образцом русского барокко середины XVIII века, чрезвычайно редким для сельской местности. Основной объём этого сравнительно небольшого, но очень гармоничного здания завершается массивными сомкнутыми сводами купола сложной формы, прорезанного люкарнами и увенчанного восьмигранной короной светового барабана. Лёгкая двухъярусная колокольня стоит на четырёх рустованных «ногах», причем верхний ярус не совсем традиционно располагается ниже основного купола храма. Однако возвышающийся над колокольней двенадцатиметровый, прямо-таки «петропавловский», шпиль прекрасно уравнивает силуэт здания. Белокаменный декор на общем красном фоне не страдает избыточностью и придает храму праздничную торжественность, что немаловажно в условиях серых сельских будней и пасмурной осени.

В своем первоначальном виде Воскресенская церковь оставалась при последующих четырех владельцах: сыне Евдокии Михайловны генерал-майоре Михаиле Михайловиче Голицыне (1735-1802); его племяннике Михаиле Васильевиче (1759-1815); племяннике последнего Василии Дмитриевиче (1804-1827) и родной его сестре, княжне Вере Дмитриевне, вышедшей замуж за своего пятиродного брата Николая Яковлевича Голицына, генерал-лейтенанта, участника всех наполеоновских войн. Но вот в 1850 году Роцца почти одновременно лишилась обоих владельцев: в январе от старой раны скончался Николай Яковлевич, а через три месяца Вера Дмитриевна была зарезана в Москве бывшим послушником Донского монастыря Николаем Зыковым.

Хозяином Роцци стал их неожиданно осиротевший единственный сын князь Александр, незадолго до смерти родителей женившийся на Елизавете Александровне Чертковой. Основным делом жизни Александра Николаевича было собирание библиотеки, посвященной истории России, которая была им в 1870 году подарена Москве. Но был у него и еще один душевный импульс, вероятно, усиленный драматичным уходом из жизни его родителей – расширение Воскресенской церкви. Он заказал проектирование Баеву Петру Ефимовичу (1819-1892), получившему к этому времени звание свободного художника архитектуры. Из его работ наиболее известна, пожалуй, перестройка Иверской часовни в Москве, выполненная им позже, в 1880 году.

Жизнь Воскресенской церкви была полной и долгой. Среди ее настоятелей встречались не только обычные сельские батюшки. Особенно заметный след, как активные церковные деятели и просветители, оставили отцы Василий Петрович Смирнов (1830-1880) и его преемник Матвей Никифорович Тихомиров, служивший в Роще с 1880 по 1906 год. Пять поколений князей Голицыных и крестьяне окрестных деревень любили свой храм и заботились о нём. При этом дары простых прихожан нередко оказывались удивительно крупными. Например, крестьянин деревни Воскресенской Михаил Беляков в течение восьми лет ежегодно жертвовал церкви различные вещи на общую сумму 1290 руб., а крестьянин деревни Кочуковой Михаил Свечников в 1868 году пожертвовал 1581 руб., требовавшиеся для отливки колокола. Позже появилась в храме и особая редкость – список с чудотворной Борской иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Крестьянин деревни Поздняковой Алексей Бигуров в 1904 году пожертвовал для неё резной дубовый киот, а крестьянка деревни Велёмы Евдокия Шурыгина в 1910 году передала храму 4% Государственную ренту в 500 руб. на сооружение ризы на эту икону.

Между тем число прихожан рощинской церкви росло – регистрировалось уже более 800 душ мужского пола. И в 1876 году храм обогатился зимним приделом во имя Казанской иконы Божией Матери, прекрасно вписавшимся в общий стиль здания. Это не удивительно, поскольку проектировал придел московский архитектор Пётр Ефимович Баев (1818-1892), отнёсшийся к первоначальному строению храма чрезвычайно бережно. Одно из творений Баева – воссозданная ныне в Москве Иверская часовня – известно всем. Средства на возведение придела давал, прежде всего, владелец – князь Александр Николаевич Голицын (1830-1911). Однако денег у князя, известного собирателя огромной и ценной исторической библиотеки, безвозмездно переданной им городу Москве и лёгшей, вместе с библиотекой А.Д. Черткова, в основание Императорского Исторического музея (ныне ГИМ), не хватало.

К июню 1875 года проект был разработан [5]. В соответствии с ним к летней Воскресенской церкви должны были симметрично пристраиваться два теплых придела, каждый из которых включал в себя трапезную и полукруглую алтарную апсиду. Оформление фасадов полностью соответствовало основной части храма. Но жизнь внесла свои изменения. К концу семидесятых годов удалось построить только южный придел, северный же так никогда и не появился. Причиной этого явились, конечно, финансовые затруднения. Несколько позже Роща даже выставлялась на торги за не взнос очередных платежей по ссудам Государственного Дворянского Земельного банка. Несмотря на это, князь Александр настойчиво пытался осуществлять оба важнейших для него дела: создание библиотеки и достройку церкви Воскресения. Наверно, он выбрал правильный путь – время пыталось замести его следы на российской земле, да не смогло.

Но все это впереди, пока же нехватка средств проступает даже в тексте Баевского проекта: "Для избежания в стенах сырости, полагая по выведении цоколя сверх земли средней мерою на 1,5 аршина, проложить осмоленною с одной стороны березовою скалою (берестой). За ограничением капитала другие средства к отвращению сырости применять невозможно..."

Может, и не осилил бы всего князь Александр, но на Руси постройка храма часто была делом общим и находились помощники и "спонсоры". Мысль о том, что был такой спонсор и в Роще, невольно возникает при виде могильной плиты, и сегодня лежащей на небольшом кладбище при Воскресенской церкви. На плите выбита хорошо различимая надпись: "Иван Петрович Ланговой. Строитель придела во имя Казанской Иконы Божией Матери. 1876. Родился 1848 года января 30. Скончался 1883 года марта 18". Строителем в те времена обычно называли лицо, финансирующее строительство. Но кем же он был, Иван Петрович Ланговой, как был связан с Рощей и князем Александром?

Лишь недавно удалось найти частичные ответы на эти вопросы. Оказался Иван Петрович "московским 1 гильдии купеческим сыном", пользовался, несмотря на молодость, уважением в Тарусском уезде и не раз избирался присяжным заседателем [6]. Был избран он, причем уже не от Тарусы, а от Рощи, и на 1883 год – видимо, ничто не предвещало его

безвременной кончины [7]. Вот почти и все, что мы пока знаем о его жизни, но погребен он был в церковной ограде, а это тоже о многом говорит. Ведь по указу Святейшего Синода в то время так хоронили протоиереев и священников, "что же касается прочих лиц, погребение оных при церквах в селениях допускать сколько можно реже и не иначе, как по особенному разрешению епархиального архиерея и по самым уважительным причинам, как то: в благодарность создавшему храм своим иждивением, или обеспечившему содержание причта и при том имевшему житие благозаконное и кончину не постыдную". [8]. Отец Ивана Петровича, купец 1 гильдии Петр Емельянович Ланговой, не забыл Рощу и после смерти сына. В 1885 году он пожертвовал Воскресенской церкви "священническое облачение из сребровызолоченной парчи ценою в 200 руб, одежду на престол и жертвенник из бархатной парчи" [9].

Вот так, с помощью представителей беспокойного купеческого сословия, и был возведен один из спроектированных Баевым приделов. Конечно, он несколько отличался от основной части храма. Если центральный объем был перекрыт сомкнутым сводом, прорезанным люкарнами, а притвор – коробовым сводом, то в приделе использовался воздушный свод. Апсида храма, перекрытая полулотковым сводом, была прямоугольной с полукруглой пучиной на восточной стене, апсида же придела целиком полукруглая. Различалась и кладка – в храме использовалась русская (рядовая), а в приделе – тычковая кладка и несколько меньших размеров кирпичи. Но, несмотря на все это, единство и гармония храма несколько не пострадали, жизнь же церкви стала более полной, "всепогодной" – в теплом приделе были установлены две изразцовые печи [10].

Настоятелем Воскресенской церкви во время строительства придела был отец Василий Петрович Смирнов, большое внимание уделявший и обучению прихожан грамоте [11]. Не совсем традиционным сельским батюшкой был и его преемник, бывший учитель Калужского духовного училища отец Матвей Никифорович Тихомиров, служивший в Роще с 1880 по 1906 год [12]. Был он не только законоучителем известного в свое время Рошинского сельского училища, но и товарищем председателя Тарусского церковного братства, и благочинным 2 участка Тарусского уезда, и членом Калужского епархиального комитета православного миссионерского общества [13]. При отце Матвее церковь больше не расширялась, но обогатилась многими новыми иконами: Св. Архистратига Михаила, Св. Александра Невского, Св. Троицы. Вот и князь Александр Николаевич Голицын пожертвовал в храм икону Скорбящей Божьей Матери [14].

Но старел князь, неизлечимая болезнь старшего сына Николая [15] и ухудшающееся финансовое положение семьи стали все больше сказываться на здоровье, и 18 февраля 1911 года в почтенном возрасте 81 года он скончался. И хотя умер князь Александр далеко от родины, в Париже, он не забыл Рощу, где в окружении неброской среднерусской природы и живой истории Руси он проводил незабываемые часы над книгами и рукописями, не забыл и свою церковь. Он хочет, чтобы именно здесь на Земле поминали его: "Вменяю в обязанность сыну моему князю Владимиру Александровичу Голицыну и прошу его, в первые шесть месяцев со дня кончины моей внести на вечное время четырехпроцентную ренту на имя Московского Донского монастыря (здесь, рядом с родителями, он завещал себя похоронить – Г.В.Г.) одну тысячу рублей и Воскресенской села Рощи церкви одну тысячу рублей с тем, чтобы проценты с этих сумм поступали в пользу монастырской братии и церковного причта за поминовение родителей моих и меня при богослужениях" [17].

Князь Владимир выполнил волю отца, хотя все ухудшающееся финансовое положение вынудило его вскоре расстаться с имением. Рощу приобрел с торгов александровский мещанин Василий Павлович Кривошея [17], но через два года сам разорился, и Роща перестала существовать как усадьба. Настоятелем Воскресенской церкви в это время был уже отец Лука Яковлевич Тверской [18]. И хотя 1917-й год попытался разорвать "вечные времена", именно отцу Луке довелось протянуть связующую нить в изменившийся мир России – он продолжал служить в Воскресенской церкви и после революции. Но все утончалась эта нить, закрылись один за другим 46 храмов Тарусского

уезда, остались лишь в Роще и Истомине. В Воскресенской церкви началась какая-то судорожная смена настоятелей: Николай Дамианович Гуловский, Семен Стефанович Королек, Илларион Владимирович Жуков, Николай Николаевич Лебедев [19]. Судьбы их трудно проследить, лишь могильная ограда одного из них стоит и сейчас вблизи придела Воскресенской церкви. Не сохранилась на ней надпись, но удалось установить, что здесь нашел свой последний приют отец Илларион. Был он человеком одиноким, в 1930-37 гг. отсидел 7 лет по статье 61. Став в 1949 году настоятелем Воскресенской церкви, пользовался уважением во всех окрестных селениях. Жил отец Илларион в сторожке при церкви, здесь и скончался в 1964 году. Вскоре, в 1967 году, и сама церковь в Роще была закрыта.

Дальнейшая судьба храма типична. Он использовался в качестве склада, постепенно ветшал, но ни у кого не поднялась рука разобрать его. Пять лет назад обрушился проржавевший шпиль колокольни, прохудилась кровля. Деревца, вырастающие на полузаброшенных окрестных полях, стали перебираться на крышу храма. Но крепко строили наши предки, и Воскресенская церковь дождалась августа 1998 года. Архиепископу Калужскому и Боровскому поступило прошение об открытии храма в Роще, подписанное 44 жителями села. Сейчас эта формальная часть пути позади, и начался трудный и медленный процесс возрождения храма в камне, и еще более непростой – в душах.

Церковь в Роще окончательно была закрыта в 1967 году и всё её внутреннее убранство было утрачено, но икону «Взыскание погибших» удалось спасти. Сегодня она живет в ровеснице рощинского храма – в Воскресенской церкви г. Тарусы. Для рощинского же храма замечательным мастером Евгением Георгиевичем Утенковым сделан ещё один список этой иконы.

Не забыла Воскресенская церковь и о том, что она – голицынский храм, хотя за пролетевшие годы судьба далеко увела потомков ее создателей. Последним Воскресенскую церковь мог бы видеть князь Владимир Владимирович Голицын (1887-1974), единственный внук Александра Николаевича, навсегда покинувший Россию со всей своей семьей в 1920 году на французском военном корабле. С ним был и его шестилетний сын Дмитрий. Начались скитания – Югославия, Аргентина, Перу и, наконец, Нью-Йорк, где и обосновалась большая часть семьи. Здесь в США, в Массачусетском технологическом институте получил образование инженером и князь Петр Дмитриевич Голицын, родившийся в 1955 году в далекой Мендосе, в Аргентине. Именно ему было суждено завершить вынужденные странствия семьи и возвратиться с женой и детьми в Россию.

И вот май 1998 года. Воскресенская церковь буйствующей сиренью впервые встречает князя Петра Дмитриевича Голицына с полным составом его семейства – княгиней Марией-Анной, шестью детьми: Ксенией, Татьяной, Александрой, Марией, Дмитрием и Иоанном, и даже с моментально освоившейся здесь овчаркой Чайкой. Все ясно с генеалогическим древом князя Петра Дмитриевича, но и его супруга, в девичестве эрцгерцогиня фон Габсбург, по своей матери, графине Ксении Сергеевне Чернышевой-Безобразовой, оказалась связанной с тарусскими краями не одной ниточкой. Прапрадед Марии-Анны, граф Ипполит Иванович Чернышев-Кругликов был двоюродным братом княгини Елизаветы Александровны Голицыной, владелицы Рощи. Прапрабабка графиня Екатерина Павловна Шереметева – сводная сестра владелицы соседнего Барятино, княгини Веры Ивановны Горчаковой, с которой они были очень близки. Жизнь же другого прапрадеда Марии-Анны, графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, вообще очень тесно связана с Тарусским уездом: по соседству с Рощей его имение, от уезда он баллотировался в Государственный Совет. Такое вот удивительное переплетение прошлого с настоящим.

К тому же Петр Дмитриевич – председатель попечительского совета благотворительного общественного Центра "Сельская церковь." И это уже почти семейная традиция. Родной дед Петра Дмитриевича по материнской линии Петр Сергеевич Лопухин сыграл значительную роль в создании зарубежной Русской Православной Церкви и был автором широко известных просветительских и духовных трудов. Один из братьев деда,

Алексей Сергеевич Лопухин, был близок с отцом Павлом Флоренским, второй, Николай Сергеевич, много сделал для создания русских церковных общин за рубежом. В его усадьбе под Парижем была построена одна из первых эмигрантских церквей.

Могли ли Петр Дмитриевич и его семья при всем этом остаться равнодушными к судьбе рошинской церкви? И вот уже в июне проходят первые субботники по очистке храма и прилегающей территории. С помощью центра "Сельская церковь", особенно его директора Светланы Александровны Мельниковой, а также самого Петра Дмитриевича удалось приобрести часть необходимых материалов. Технологи центра провели предварительное исследование храма и разработали проект реконструкции. Восстановлена кровля на куполе светового барабана и на основном куполе храма. Художники отделения церковно-исторической живописи петербургской Академии художеств безвозмездно разработали эскизы наружной росписи люкарн купола и готовятся к воспроизведению их на металле. Изготовлены новые рамы для оконных проемов светового барабана, восстановлена винтовая лестница колокольни. Но большая часть работы, разумеется, еще впереди.

Пожалуй, в итоге можно сказать, что судьба оказалась благосклонной к рошинской церкви. Корпус здания без невосполнимых потерь пережил российское лихолетье, и сегодня, после почти полувековой летаргии, храм обретает вторую жизнь. Это уже не склад и не живописные развалины. С помощью прямого потомка владельцев Роши князя Петра Дмитриевича Голицына и директора центра «Сельская церковь» Светланы Александровны Мельниковой удалось восстановить сложную кровлю храма, отреставрировать световой барабан и воссоздать малую главку, то есть в основном остановить естественное разрушение храма под воздействием климатических факторов.

Шло время, и однажды начавшееся возрождение храма уже не останавливалось, хотя и двигалось с перерывами из-за трудностей с финансированием. Основным источником средств продолжал оставаться центр «Сельская церковь», то есть князь Петр Дмитриевич Голицын и Светлана Александровна Мельникова. В критические моменты приходили на помощь и жители Тарусы – Олег Викторович Симонов и прихожане тарусской Воскресенской церкви. Работы велись молдавской бригадой Петра Васильевича Сливки, арочные же рамы для окон светового барабана безвозмездно изготовил житель Роши Николай Андреевич Шуйков.

Несмотря на множество разнообразных тарусских забот, немало своего времени и внимания уделяет рошинской церкви отец Леонид Петрович Гвоздев. Его можно увидеть здесь и на строительных лесах, и внутри храма. Ремонтно-реставрационные работы ещё далеки от завершения, но освящён и установлен над луковкой светового барабана чудом сохранившийся, пробитый осколком во время Великой отечественной войны крест, и отец Леонид проводит в рошинской церкви первые, пока периодические службы. Уже двенадцать человек приняли крещение в этих старых стенах. Активная позиция отца Леонида способствовала тому, что дальнейшие работы по восстановлению Воскресенской церкви в Роше, начиная с 2008 года, проводятся на средства епархии. Обеспечение дальнейших работ взяло на себя Калужское епархиальное реставрационно-производственное объединение (директор Л.Л. Попкова) и надежды на полное завершение реконструкции не погасли. Уже произведена вычинка цоколя и стен с восстановлением утраченных участков мелкой пластики, изготовлены и установлены арочные окна, но в настоящее время финансовые трудности прервали работы.

Как бы там ни было, но прекрасный рошинский храм является дошедшим до наших дней замечательным памятником Голицыным и Романовым. И не только. Пролетевшие века, конечно, оставили на нём свои разрушительные отметины, но Провидение преподнесло нам этот храм всё же в таком состоянии, что ещё почти явственно ощущается аромат его молодости, овеществлённое вдохновение зодчих, касание рук его строителей, множество материальных и духовных следов омывавших его веков. И нам нельзя это потерять. Да и время пришло такое – пора собирать камни. При этом надеяться лишь на государственные силы по сохранению культурного наследия, расплывшиеся по нашим пространствам почти до

неразличимости, и на почти столь же расплывённые средства епархии, совершенно недостаточно. Надёжно сделать это можно только «всем миром», как это чаще всего и делалось на Руси.

Это все о камне, а теперь немного и о душе. Конечно, в этой нематериальной, но, наверное, самой главной сейчас для нас части бытия возрождение храма не может быть столь же быстрым. Еще предстоит пройти долгий путь через конъюнктуру, просто любопытство, моду и многое другое. А сделать это, никуда не сорвавшись и ничего не отталкивая, так трудно при нашей российской категоричности!

В тарусском уезде теплились лампы в 49 таких храмах, сегодня же более или менее сохранились и восстановлены единицы. Тем дороже они для нас, а Воскресенская церковь в селе Роще Тарусского района Калужской области – особенно. С формальной же точки зрения это – единственный в Тарусском районе памятник архитектуры федерального значения.

Но путь начался. Уже несколько служб провел в Роще настоятель тарусской Воскресенской церкви отец Леонид Гвоздев, одновременно принимающий активное участие в восстановительных работах и прекрасно понимающий, как выпускник философского факультета МГУ, всю сложность и необходимость возвращения церкви в современную культуру России. Сам же рощинский храм Воскресения Христова можно считать голицынским не только в историческом плане, но и в сегодняшней жизни. Его биография продолжается.

Примечания.

1. П.Ф. Симсон. Калужский уезд во времена Михаила Федоровича. \ Известия Калужской ученой комиссии. Калуга, 1894. № 3, с. 162.
2. Н.И. Рошефор. Опись церковных памятников Калужской губернии. СПб, 1882, с. 41.
3. Гос. архив Калужской области (ГАКО), ф. 33, оп. 3, д. 1094.
4. Отдел рукописей РГБ, ф. 64, карт. 12, ед.хр. 11, л. 19.
5. ГАКО, ф. 62, оп. 17, д. 654, лл. 2-7.
6. Калужские губернские ведомости (КГВ), 1876, № 92, с. 369.
7. КГВ, 1883, № 14, с. 73.
8. Калужские епархиальные ведомости (КЕВ), 188, № 21, сс. 293-294.
9. КЕВ, 1885, № 7, с. 303.
10. РГИА, СПб, ф. 799, оп. 33, д. 526, лл. 55-55об.
11. ГАКО, ф. 33, оп. 3, д. 1054, лл. 52-53об.
12. КЕВ, 1880, № 16, с. 123; 1906, № 14, с. 266-267.
13. КЕВ, 1900, № 1, сс. 2-4; № 6, с. 85; 1898, № 8, сс. 122-126.
14. КЕВ, 1885, № 1, сс. 5-6.
15. Отдел письменных источников ГИМ, ф. 455, д. 352.
16. Центр. гос. исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 142, оп. 5, д. 531, л. 19.
17. ЦИАМ, ф. 577, оп. 9, д. 30.
18. Калужский церковно-общественный вестник. 1912 № 4; 1916 № 17, с. 12.
19. ГАКО, ф. Р-3501, оп. 1, д. 16.

И ВНОВЬ ИЛЬИНСКОЕ, КОТОРОЕ БАРЯТИНО ТОЖ

Мы уже не раз вспоминали богатую историю села Барятина, вернее, ту её часть, которая разными путями дошла до нас, но два обстоятельства заставляют нас обращаться к этому предмету снова. Во-первых, жизнь села продолжается, и все свершившиеся события немедленно превращаются в историю, дополняющую долгую барятинскую летопись. Во-вторых, дымка времени иногда вдруг редет, и мы можем увидеть какую-либо доселе остававшуюся нам неизвестной часть прошлого. А чтобы эти новые и неожиданно всплывшие старые кусочки истории не канули опять в Лету, их необходимо зафиксировать, а также сделать достоянием, как минимум, самих барятинцев, а вообще-то – всех тарусян. Именно это мы и пытаемся здесь осуществить.

Для начала давайте ещё раз вспомним то, что нам уже известно. Прежде всего, ничего не изменилось в том положении, что история села Барятина (бывшего Ильинского), как и соседней Рощи, почти бесследно теряется в немереной глубине веков. С некоторой долей вероятности мы можем лишь предполагать, что село Ильинское князь Василий Григорьевич Барятинский (старший внук основателя рода) получил 2 октября 1550 года от Ивана Грозного «за службу». Во всяком случае точно известно, что в это время Василию Григорьевичу было пожаловано некое владение под Тарусой, других же земель, кроме Ильинского, принадлежавших князьям Барятинским, здесь не обнаруживается. Уверенно же можно говорить пока только о времени позже 1628 года. Документы утверждают, что в течение почти всего XVII века Ильинским владели шесть поколений князей Барятинских из старшей ветви рода. Следов пребывания их здесь практически не сохранилось, кроме, конечно, некоего виртуального присутствия в самом названии «Барятино». Пока же село по-прежнему называлось «Ильинским», но можно полагать, что со 2 октября 1550 года оно начало движение в сторону «Барятина», завершившееся в 1697 году, когда это имение у Алексея Афанасьевича Барятинского приобрел за 4000 рублей князь Борис Алексеевич Голицын, объединив его со своими рощинскими владениями. Теперь уже пять поколений князей Голицыных – «Алексеевичей» хозяйствовали в «Ильинском Барятине тож». Назвать же с точностью до дня или даже года тот момент, когда название Ильинское полностью исчезло, мы не можем. По-видимому этот процесс был довольно продолжительным.

Наконец в 1835 году в истории села произошло важнейшее событие – очередной владелец, бездетный князь Николай Васильевич Голицын, вызвав негодование ближайших родственников, передал Барятино по завещанию своему внучатому племяннику князю Дмитрию Сергеевичу Горчакову (1828-1907). Всего два поколения Горчаковых успели основательно связать свои судьбы с Барятиным, и тем не менее сегодня мы говорим о нем только как об имении Горчаковых. И на это есть свои резоны. Во первых, Барятино было для Горчаковых основным домом, а не «дачей». Во вторых, сказался сам масштаб личности новых владельцев, их широкие интересы и склонность к созидательной деятельности. И, наконец, Горчаковы явились последними владельцами Барятина, наиболее близкими к нам по времени, и почти все дошедшие до нас материальные свидетельства прошлого усадьбы оказались связанными с ними.

Итак, Барятино начала XXI века. Память о князьях Барятинских сохранилась здесь только в названии села. Князья же Голицыны оставили более заметные следы. Пожалуй, расцвет эпохи Голицыных приходится на «царствование» в Барятине правнука Бориса Алексеевича – князя Александра Михайловича Голицына (1730-ок. 1805). Он расширил владения за счет окрестных деревень до 4452 десятин, а число его крестьян достигло 1830 человек. В Барятине был заведен свой конный завод, на речке Тарусе появилась мельница «*о двух поставах*», в усадьбе построен каменный господский дом. Князь активно участвовал и в жизни Тарусы, а в 1785-1788 гг. избирался уездным предводителем дворянства. Это было время тесного родственного общения между молодыми хозяевами разделенных в 1766 году на три части владений княгини Евдокии Михайловны Голицыной (1703-1768), между тремя

родными братьями – Александром в Барятине, Михаилом в Роще и Николаем в Вяземах. Рощу и Барятино частенько навещала и жена их двоюродного брата – княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная графиня Чернышева (1739-1837). Именно здесь, охотясь в барятинском лесу, она умудрилась подстрелить черного, как смоль, зайца, что не удавалось никому ни до, ни после нее. И не удивительно, ведь Наталья Петровна – это знаменитая и загадочная «Пиковая дама».

При следующих владельцах жизнь усадьбы постепенно теряла яркие краски. И наконец вблизи приобретенной еще Александром Михайловичем деревни Кареевой появилась Рождественская церковь, оказавшаяся символом перехода Барятина к другому княжескому роду. Храм этот сегодня разрушен до основания, но сохранились документы, свидетельствующие о том, что Рождественскую церковь в 1832 году начал возводить уже упоминавшийся Николай Васильевич Голицын (1762-1835), но не успел, завершил же работы в 1835 году *«душеприкащик его полковник и кавалер»* князь Сергей Дмитриевич Горчаков (1794-1873), являвшийся к тому же отцом и опекуном первого владельца Барятина из рода Горчаковых – князя Дмитрия, получившего усадьбу в семилетнем возрасте. И сегодня мы можем сказать, что ставшие отныне барятинскими Горчаковы не посрамили своих знаменитых родственников – ведь Сергей Дмитриевич приходился родным братом генерал-фельдмаршалу Михаилу Дмитриевичу Горчакову и троюродным – лицейскому другу Пушкина, канцлеру, светлейшему князю Александру Михайловичу Горчакову.

Если до сих пор мы говорили об информационных следах прошлого, то теперь можно обратиться и к материальным свидетельствам. Начнём с того, что в центре Барятина стоят крепкие ещё, хотя и пока ещё обезглавленные стены Успенской церкви, построенной в довольно редком для православного храма псевдоготическом стиле. Возведена же эта церковь была в 1850 году всё тем же Сергеем Дмитриевичем Горчаковым. В начале XX века она была наполовину разрушена, а в начале XXI-го вновь начала возрождаться, о чём недавно уже писал «Октябрь». Все же прочие приобретения Барятина и сам его расцвет как настоящего дворянского гнезда связаны уже с именами его сына и внука. Вот вблизи церкви, за деревьями парка просматривается барятинская средняя школа. Однако это отнюдь не современное типовое школьное здание, а княжеский усадебный дом со всеми характерными чертами хоромного стиля. Он таким и родился, только время и человеческое бескультурье уничтожили его «выступающие» части – угловую башню, балкон, внешнюю южную лестницу и оранжерею. Вместо последней был пристроен спортзал. Понятно, что он очень нужен для школы, только стиль его оказался весьма далёким от хоромного. А вот князь Дмитрий Сергеевич Горчаков (1828-1907), пристраивая в своё время к существовавшему двухэтажному голицынскому дому г-образный корпус с башней, сохранил первоначальный стиль несмотря на всё своё «западничество». Что-ж, были другие времена, другие ценности, другие потребности и другие возможности. Так в 1870-е годы в Барятине и появилось это замечательное архитектурное воспоминание о русском стиле, характерном вообще-то для XVII века.

Оставил Дмитрий Сергеевич в Барятине и другой след, который можно назвать живым во всех смыслах этого слова. Это расположенный на 25 га своеобразный пейзажный парк с некоторыми элементами регулярного. Князь Дмитрий, боевой офицер и флигель-адъютант Александра II, женившись на Вере Ивановне Бек (1842-1912) – падчерице князя Павла Петровича Вяземского, неожиданно выходит из свиты и в 1859 году совсем уезжает в свое Барятино, где вкладывает душу в дело, никак не связанное с его прежним опытом – создание парка. Выбор растений, как и работа лопатой и секатором получаются у князя ничуть не хуже, чем у современного дачника. Даже парк в его сегодняшнем состоянии (погибла часть старых деревьев, спущен пруд с островами, обрушена подпорная стенка террасы, утеряна сеть дорожек) позволяет высоко оценить замысел князя Дмитрия.

Сохранились в разной степени и многие фундаментальные хозяйственные постройки, а также дом управляющего, новая жизнь которого оборвалась совсем недавно. Однако особенно интересным для нас оказалось ещё одно постоянное увлечение Дмитрия

Сергеевича. Он превратил Барятино в значительный культурный центр. Здесь были созданы богатые коллекции старинных художественных изделий из бронзы, серебра, стекла и фарфора, мебели XVIII века, вооружения XVI-XIX веков. В усадебном доме появились вполне достойная картинная галерея и ценная библиотека. Сегодня предметы из этих коллекций находятся во многих музеях: в Эрмитаже, Третьяковской галерее, ГМИИ, ГИМе, в областных музеях Саратова, Твери, Вятки, но более всего в Калуге.

Продолжил пополнение коллекций и библиотеки и сын Дмитрия Сергеевича – князь Сергей Дмитриевич Горчаков (1861-1927), успешно работавший губернатором Вятки, а потом Калуги в очень тяжелый период с 1906 по 1915 годы. При нём имение продолжало развиваться, хотя экономическая ситуация в стране приводила множество усадеб, как и соседнюю Рошу, к полному краху. Его жена Анна Евграфовна, урожденная графиня Комаровская (1873-1918) немало способствовала этому относительно процветанию. Созданный ею в Барятине конный завод и передовое для своего времени животноводческое хозяйство имели высокий уровень и не раз отмечались на различных выставках. Но ничто не могло помочь усадьбе преодолеть революционный перелом. Сергей Дмитриевич кончил свои дни в сибирской ссылке, а Анне Евграфовне выпала участь заложницы в годы «красного террора», и она была застрелена в тарусской ЧК «при попытке к бегству». Следы их детей Татьяны и Дмитрия безнадежно затерялись. Во всяком случае, так мы полагали до 2012 года. Коллекции были национализированы и в значительной степени обезличены. И никому из Горчаковых не довелось покоиться в любимой усадьбе. Лишь Анна Евграфовна находится где-то недалеко – в Тарусе, в безвестной могиле. Да сын её от первого брака, Василий, как удалось недавно точно установить, погребён в Барятине, но где именно, – неизвестно. Может быть, в южной оконечности парка, где существовал склеп, который помнят барятинские старожилы.

Конечно, это не лучший конец усадьбы. Однако повторить путь недалёкого Поленова Барятину было невозможно по многим причинам, и прежде всего в связи с княжеским титулом и губернаторским прошлым Сергея Дмитриевича. И всё же большое количество сохранившихся зданий, элементов парка и информации, а также возродившийся интерес российского общества к своей подлинной истории позволяют надеяться на сохранение этого кусочка усадебной культуры. Об этом говорят и последние события в жизни Барятина. Дарами спонсора восстанавливается храм Успения Богородицы, над ним засиял новый купол. Барятинской школе несколькими московскими художниками (Б.А. Смирновым-Русецким, Ю.И. Рогозиным, А.П. Шеко, Минаковой, Г.В. Галутвой, З.П. Грибовой) передано в дар в 1992 году 12 написанных маслом и пастельных работ, а также книги о художнике Смирнове-Русецком и группе художников «Амаравеллы»

Однако возвратимся к уже упомянутому и совсем ещё недалёкому 2012 году. К этому времени уже почти век на барятинскую землю, и в том числе на берега обширного барятинского пруда, не ступала нога Горчаковых. И хотя самого пруда сегодня нет, но берега сохранились, а 4 июня 2012 года эта разлука земли и человека прервалась – на сохранившуюся часть плотины взошла Татьяна Павловна Диденко со своей семьёй. Глядя на сухопутные ныне острова и петлявшую по бывшему дну пруда речку Горожанку, Татьяна Павловна – правнучка князя Сергея Дмитриевича Горчакова, – наверное, могла представить себе, как выглядела эта часть усадьбы. Пруд, кстати, вполне мог бы быть сегодня восстановлен, но мешает этому, даже при наличии стремления и финансовых возможностей, как обычно, наша омертвляющая всё бюрократия.

Однако почему для нас так важно и интересно восстановление живой связи именно с Горчаковской линией бывших владельцев усадьбы? Были ведь здесь и другие хозяева. Были, конечно. Но неумолимое время и, в не меньшей степени, образ жизни и личные качества других владельцев привели к тому, что следов их пребывания здесь, как мы уже говорили, почти не обнаруживается. Но вот то, что осталось от последних владельцев Барятина – двух поколений князей Горчаковых, – даже не хочется называть просто следами. Это культурно-историческое наследие, одно из наиболее богатых в Тарусском районе.

Поэтому для нас, для истории и будущего Барятина очень важно было выяснить, сохранилась ли на земле сама эта барятинская ветвь Горчаковых, заслуживших память россиян о них? Но на этот вопрос до последнего времени вразумительного ответа дать не удавалось. Конечно, мы знали, что у последнего владельца имения, князя Сергея Дмитриевича Горчакова, было двое детей, но на этом наше знание, в общем, и заканчивалось. Вот что я сам собственноручно написал в книге «Точка на русской равнине» в 2006 году:

«Судьба детей Горчаковых неизвестна. Они могли и выжить в неразберихе первых послереволюционных лет. Татьяна была в это время уже взрослой, а Дмитрия забрала к себе в Орловскую губернию мать Анны Евграфовны – Элеонора Ивановна Комаровская. Дальнейшие следы Дмитрия теряются, но известно, что Элеонора Ивановна сумела перебраться во Францию и умерла примерно в 1939 году в Безансоне, где она жила с тремя своими дочерьми (сёстрами Анны Евграфовны) – Ван-Зон, Хлебниковой и Петровой. Трудно себе представить, что она не увезла с собой и Дмитрия, так что дальнейший жизненный путь его, вероятнее всего, пролегал где-то за рубежом, и можно надеяться, что и сегодня живы какие-то потомки Сергея Дмитриевича и Анны Евграфовны.»

Оказалось, что всё происходило далеко не так, как предполагалось в этой цитате, которая лишь ещё раз доказывает, что жизнь всегда гораздо богаче, чем наши предположения, не основанные на документах.

Как же развивались события на самом деле? Обратимся к началу 90-х годов уже прошлого, XX века. Тарусский район, как и вся страна, переживал трудные времена. А много южнее Тарусы, в городе Евпатории, 8 октября 1992 года в весьма почтенном возрасте скончалась некая Татьяна Сергеевна Горан. Ну, казалось бы, что особенного, скончалась старушка – дело житейское, да и возраст 90 лет – дай Бог каждому. А между тем в этот день, всего 21 год назад, покинула наш мир последняя представительница Горчаковых, успевшая пожить в Барятине и навсегда сохранившая не просто память об этой усадьбе, но и многие семейные традиции. Потому что девичья фамилия Горан Татьяны Сергеевны – Горчакова, она – дочь князя Сергея Дмитриевича. Правда, сам Сергей Дмитриевич вряд ли возлагал особые надежды на свою весьма своенравную дочь, унаследовавшую взрывоопасную смесь из темперамента Анны Евграфовны и решительности Сергея Дмитриевича. Однако судьба распорядилась так, что именно Татьяна, а не её младший брат Дмитрий, передала дальше огонёк жизни барятинской ветви князей Горчаковых, пусть и по женской линии. К слову сказать, генетически не менее важной, чем мужская.

Почему же мы обо всём этом узнаём так поздно? Ведь живут же сегодня потомки Татьяны Сергеевны, которым вряд ли безразлична история их рода. Впрочем, всё это, пожалуй, вполне объяснимо. Внучки Татьяны Сергеевны, наши современницы, если и знали или догадывались, кем были их не такие уж далёкие предки, по понятным причинам долго не предпринимали никаких опасных генеалогических изысканий. Когда же ситуация в стране изменилась, и сестра уже знакомой нам Татьяны Павловны – Наталья Павловна активно занялась семейной историографией, то оказалось, что поиски документального подтверждения своих корней – дело довольно сложное и медленное, тем более, что Наталья Павловна живёт достаточно далеко и от центральных архивов, и от Барятина. Так и получилось, что сообщение о существовании потомков Сергея Дмитриевича я получил лишь в конце 2011 года от Натальи Гавриловны Мольнар, до которой в свою очередь кружным путём, через Калугу, наконец долетел зов Натальи Павловны.

Пора обратиться к некоторой реконструкции событий с учётом появившейся новой информации. Как известно, в сентябре 1918 года Анна Евграфовна Горчакова была арестована тарусскими чекистами, Сергей Дмитриевич и Татьяна находились в Москве, а 12-летний Дмитрий остался в Барятине без родителей. Но ведь была ещё гувернантка – француженка Зоя Викентьевна Адлер, – та самая, которую местные жители называли «немкой Зусей Веникентьевой». Правда, она тоже была вскоре арестована, но почти сразу же выпущена и возвратилась в Барятино. Именно она, а не бабушка Дмитрия Элеонора

Ивановна, которой, очевидно, не удалось забрать к себе внука, и сыграла важнейшую роль в судьбе детей Горчаковых. Это повышает значение любой информации, имеющей отношение к Зое Викентьевне, и нам придётся ввергнуть читателя в дополнительные труды прочтения одного довольно обширного протокола, извлечённого из калужского архива. В этом документе чувствуется, что тарусские чекисты ещё не определились в своём отношении к гувернантке (с одной стороны, она почти член семьи Горчаковых, но с другой – прислуга, «социально близкий» элемент). Заслуживает внимания этот рукописный протокол и потому, что в нём, несмотря на невразумительное содержание, оживают некоторые барятинские имена, а сам стиль и полностью сохранённая при нашем воспроизведении «чрезвычайная» разновидность русского языка, на которой был написан сей документ, сразу же погружают нас в ту эпоху, в барятинскую осень 1918-го. Итак, читаем:

«Протокол № 103.

1918 г. сентября заведующего Тарусской Чрез. К.

По опследованию по доставлению от 24 сент. с/г пакета в Тарусскую чрезвычайную следс. комиссию с личностью немки из имени при селе Борятине быв. Горчакова Зои Викентьевны и по распространению слухов в поселении села Борятинна и между служащими при имени Горчакова, что Зоя Викентьевна ходит в гор. Тарусе на свободе и наряду с последствием свободы выясняются причины ареста сопровождавшимся 24 сентября, находя с своей стороны явно противоречащие выступления против Советской Власти раскрытия темного обследования ареста и раскрытия такового какими то темными контр-революционными силами

Постановил

Произвести дознание с допросом тех лиц которые распространяют вредные слухи значащие контрреволюционные выступления в числе сбивающих массы населения против Советской Власти.

1) Опрос доставителя пакета 24 сентября с личностью Зои Викентьевной фельдшера Павла Ларионова Пятакова.

Сказанный Пятаков пояснил, что он врученный ему пакет и с личностью немки Зои Викентьевной доставил по принадлежности в Тарусскую чрезв. след. Ком. от которой и заручился распиской о принятии пакета и личности юристом и исдатчиком представления. Этот пакет и личность немки Викентьевой на лицо.

На вопрос, сделал ли распоряжение принимающий пакет и личность исдатт. о предварительном аресте нет и вышесказанная немка со мною вместе на каком основании для меня Пятакова неизвестно из под ареста, на вопрос доставился ли пакет в целом его виде или был распечатан Пятаков пояснил, что пакет доставлен в целом и нераспечатанном виде.

На вопрос почему распространились слухи чрез посредство учительницы местной Барятинской школы Елены Степановны Жиляевой и которая находилась во время доставления пакета и личности немки Зои Викентьевной в г. Тарусе о том, что Зоя Викентьева находится на свободе, и сказанная приятельница заручилась знанием сего протокола с арестом немки, Пятаков доставитель (это фельдшер) пояснил подобнаго в связи с данным он не знает но из Тарусы 24 сентября он Пятаков ехал совместно с вышеупомянутой учительницей и французом, обратно ехавшим в имение. Учительница ехала на одной бричке со мной Пятаковым. На вопрос имел ли право Пятаков сажать на народных из имени лошадей сторонних людей без разрешения по командировке в связи со службой без разрешения завед. земл. или завед. по имению Пятаков ответил что нет и Пятаков пояснил что посадил учительницу и француза на свой собственный риск. На вопрос известен ли Пятакову тот самый протокол от 24 с/г с препровождением личности немки неизвестен и связи с арестом немки я с учительницей не имел разговора. Вышеозначенное показание прочитано ему Пятакову вслух в присутствии заведующего Кар. волост. землед. Л.И. Пузакова и местн. Милиц. И.В. Воробьева в чем подписуется фельдшер-оспопрививатель П. Пятаков.

2) Опрос учительницы Елены Степановны Жиляевой была ли она в Тарусе 24 сентября с/г. Пояснила что была. На вопрос Жиляева того же числа в Ч. след. ком. где находится издатчик ответила что была. Слышала ли Жиляева того протокола, который был представлен издатчику с личностью Зои Викентьевой Жиляева пояснила что слышала данный протокол но не во всех его частях. Кроме того Жиляева пояснила, когда был передан пакет с протоколом фельдшером Пятаковым издатчику Пятаков просил настоятельно расписку в получении пакета и личности Зои Викентьевой. Издатчик отказался дать впредь до распечатания такового когда он распечатал пакет и сказал что таковой подлежит в комиссию по борьбе с контрреволюцией возвратил настоящий пакет в распечатанном виде доставителю сего фельдшеру Пятакову с коим пакетом и личностью Зои Викентьевой и совместно со мною Жиляевой вышли от издатчика вслед за нами издатчик догнал нас и извинился что пакет по существу принадлежит ему и взял его а немку отпустил.

На вопрос по какой надобности учительница Жиляева распространяла в Экономии вредныя слухи угрожающие опасностью прислуги Экономии и подрыв авторитета Советской Власти учительница Жиляева по вышеуказанному вопросу просит объяснить какой именно с ее стороны есть подрыв Советской Власти. На этот вопрос заведующий милицией объяснил, все лица предающиеся по контр-революционным делам и свидетели выдающие таковых а равно переписка должна быть секретна и всякого рода секреты в связи с вышеупомянутым не должны до времени их изследования быть выяснены дабы не дать скряться контрреволюционерам.

Далее Жиляева пояснила что она задавала вопросы прислуги Экономии где была немка, Варваре Беляковой правда ли что немка хотела отравить княжонка Дмитрия. Вопрос по отравлению она слышала тогда когда читал протокол вслух издатчик.

3) Опрос прислуги при имении быв. Горчакова. Варвара Петровна Белякова на вопрос что после 24 сент. с/г с арестом немки Зои говорила ей учительница Е.С. Жиляева пояснила увидав учительницу Жиляеву и сказанная без всякого повода с моей стороны стала мне выговаривать, что вы сделали с Зоей Викентьевой а я ответила Белякова ей Жиляевой что мы с немкой ничего не делали. Тогда Жиляева сказала, как ничего! Я в г. Тарусе читала ваш протокол откуда она Жиляева знает меня удивило и в виду этой пропаганды жизнь прислуги находится в опасности. (Подп. Беляковой).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Настоящий протокол с произведённым дознанием о злоупотреблении по службе издатчика который дал повод к раскрытию незаконченного следствия и тем самым прервал таковое и дал повод к подрыву авторитета лицам в связи со службой Совет. Власти фельдшера Пятакова о превлечении за злоупотребление огласки протокола и Жиляеву как угрожающей опасности личности прислуги имения быв. Горчакова настоящим протоколом препровождаю в Комиссию по борьбе с контр-революцией.

1918 г. сентября 27 дня

Завед. милицией

1 Уч. Тарус. уезда К. Ерин.»

Можно не комментировать. Но, видимо, в доносах горничной Беляковой о том, что «Зуся» собиралась то ли отравить, то ли похитить «княжонка», были какие-то отголоски реальности. В конце концов упорной и решительной Зое Викентьевне, которая и сама находилась под следствием, удалось нечто почти невысказанное: она всё же «похитила» Дмитрия, увезла в Москву, захватила находившуюся здесь Татьяну и переправила обоих в Петроград. Там и продолжилась жизнь этих, в большом городе уже мало заметных людей – брата и сестры Горчаковых (фамилию они не меняли). Жили они, по крайней мере первое время, вместе с сёстрами Адлер – Зоей Викентьевной и Леокади Викентьевной. Конечно, их жизнь постепенно менялась.

Сначала эти изменения коснулись, естественно, старшей – Татьяны. Она вскоре вышла замуж за Михаила Никитина, о котором мы пока ничего не знаем. При этом исчезла

её девичья фамилия, которая вполне могла оказаться весьма заметной мишенью для чекистов. Да и своё географическое положение Татьяна снова поменяла; во всяком случае известно, что её дочь от этого брака Люба в 1924 году родилась не в Ленинграде, а в Мелекесе (ныне г. Димитровград Ульяновской области). Однако брак по каким-то причинам распался, и вскоре мы обнаруживаем Татьяну Сергеевну опять в Ленинграде. При этом у неё уже определилось основное жизненное направление, в котором перед нами буквально оживает её мать, Анна Евграфовна, с её интересами и её энергией. В 1927 году Татьяна Сергеевна нашла себе дело по душе – она работает конюхом и помощником наездника на ленинградском ипподроме и учится в школе верховой езды. В этом же году она вступает во второй брак – с Павлом Ивановичем Шматовым, работавшим в то время в милиции. Детей в этом браке не было. Татьяна Сергеевна пока растит Любу и при этом её вполне хватает и на профессиональную деятельность. В 1930 она уже сама преподаёт в Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школе, а с 1931 года служит в армии в качестве инструктора-наездника. Вскоре, в 1932 году, распался и второй брак, о котором мы также ничего определённого не можем сказать. А в 1936 году Татьяна Сергеевна выходит замуж за Семёна Григорьевича Горана, курсанта Артиллерийской академии имени Дзержинского, и этот брак многое определил в её жизни. В 1938 году у них родилась дочь Жанна. Произошло это ещё в Ленинграде, но вскоре академию перевели в Москву, и вторая дочь, Елена, родилась уже здесь в 1939 году. А затем началась кочевая жизнь. После окончания академии Семён Григорьевич был направлен в Евпаторию. Так в этой семейной эпопее появился юг, ставший в конце концов основным местом жительства. Здесь Татьяна Сергеевна продолжила свою деятельность в качестве инструктора-наездника, но уже в ОСОАВИАХИМе. Правда, оставались они в Евпатории в этот раз недолго – загремела война. Семья эвакуировалась в Чкаловскую область, в г. Донгуз. Татьяна Сергеевна и здесь не осталась без работы – она выезжала лошадями для кавалерийских частей. Ушла на фронт выросшая старшая дочь Люба. В качестве связистки она принимала участие в боях на Украине и Дальнем Востоке.

Однако прервём на время семейную эпопею Татьяны. Мы оставили в Ленинграде её младшего брата Дмитрия. Он не менял своей фамилии, и это, похоже, заметно помешало ему в учёбе. Но жизнь продолжалась, и он смог устроиться на работу в качестве электрика, а в 1927 году женился на Анне Михайловне, фамилия которой нам пока неизвестна. Детей у них не было, и ко всему прочему вскоре подоспела война. Мы не знаем пока всех довоенных перемещений новой семьи, и лишь в справке из военкомата сообщается последний домашний адрес Дмитрия: Кировский пр., 73/75, кв.76. Отсюда он ушёл на фронт, служил в стрелковом полку в должности командира отделения и погиб 3 мая 1942 года. Похоронен Дмитрий Сергеевич в Мгинском районе Ленинградской области, у деревни В. Назия. На этом его такая короткая биография завершилась, жену же его спохватившиеся чекисты уже после его гибели арестовали как «врага народа», и с тех пор о её судьбе ничего не известно.

Но возвратимся к Татьяне Сергеевне. После войны семья возвратилась на Украину, в пос. Высокий Харьковской области. Правда, речь здесь уже идёт лишь о женской части семьи, поскольку в 1946 году брак Татьяны Сергеевны с Семёном Григорьевичем был расторгнут. Но жизнь продолжалась. Жанна и Елена окончили школу, а вскоре повзрослевшая Жанна вышла замуж и покинула посёлок, перебравшись к родителям мужа в Измаильский район Одесской области. Потом и Татьяна Сергеевна с дочерью Леной оставила Высокий, переехав в начале 60-х годов в Евпаторию. Так в жизни семьи появились Измаил и Евпатория – два города, с которыми и сегодня связаны их судьбы. Старшая дочь Люба после окончания военной службы тоже приехала в Евпаторию, уже с собственной семьёй. Здесь теперь живут и её дочери Зоя и Татьяна. Сама же Татьяна Сергеевна и в Евпатории продолжила активную деятельность, несколько не изменяя своим увлечениям. Работать она старалась всегда поближе к лошадям, а уже в преклонном возрасте успешно занялась дрессурой овчарок, использовавшихся в охране предприятий. Она даже читала в здравницах Евпатории лекции о животных и демонстрировала класс дрессуры и

возможности своих питомцев. В Евпатории и завершилась бурная жизнь дочери князя Сергея Дмитриевича, здесь она и похоронена

А ведь я бывал в те годы в Евпатории и вполне мог видеть Татьяну Сергеевну, да только не появились ещё в то время в моей жизни ни Таруса, ни Барятино, ни Горчаковы, так что это пересечение путей оказалось преждевременным и прошло незамеченным.

Остаётся сказать, что все эти сведения пришли к нам не из Евпатории, а из Измаила, где живут сегодня со своими семьями дочери Жанны – Наталья Павловна и Татьяна Павловна. Обе они уже посетили Барятино, а Наталья Павловна продолжает активные поиски информации о своих предках и делится новыми сведениями с нами. И немудрено – ведь Наталья Павловна кроме всего прочего была директором музея Украинского Дунайского пароходства в Измаиле и хорошо понимает значение истории в нашей жизни. История же жизни самих сестёр, теперь уже хорошо знакомых нам, только создаётся ими и говорить о ней ещё рано.

На этом можно было бы и закончить, но возникло одно досадное обстоятельство, о котором нам следует знать. Оказывается, появление «детей лейтенанта Шмидта» не осталось в нашем легендарном прошлом. Совсем недалеко от Измаила и, что более существенно, – от славной Одессы, в городе Очакове, недавно обнаружился некий чрезвычайно титулованный молодой человек – Андрей Анатольевич Федотенков. Является он одновременно членом-корреспондентом Международной академии геральдики, действительным членом Международной культурологической ассоциации, ректором Одесской академии эзотерического наследия, потомственным целителем и магом, снимающим любую порчу, и прочая и прочая, а также – обратите внимание – Главой Княжеского Дома Горчаковых. При этом зачислил он себя в потомки, как вы уже, наверное, догадываетесь, именно князя Сергея Дмитриевича Горчакова.

А вот внешний вид человека всё же о чём-то говорит. Пожалуй, иногда и о многом. Во всяком случае, увидев впервые фотографию этого потомка, я как-то даже расстроился. Если Наталья Павловна и Татьяна Павловна с их семействами с первого взгляда на них, не говоря уже о беседах, производят нормальное, а, можно сказать, и прекрасное впечатление, то Федотенков с его неестественной осанкой и напыщенностью немедленно вызывает довольно сильное неприятие. И очень не хочется, чтобы он представлял достойный род Горчаковых, да ещё в качестве некоего «главы».

Но как же Федотенков вышел в князи? А очень просто и вполне современно. Как известно, в Одессе есть всё. Имеется там и специалист, за умеренную плату отыскивающий желательные генеалогические корни, как минимум княжеские и графские, а то и королевские.. К нему и обратился Федотенков, когда его вдруг перестал удовлетворять статус простого мага. И специалист не подвёл. Почему он обратился к Горчаковым, неизвестно, но – нужно отдать ему должное – именно здесь он обнаружил почти не представленный документами последний период жизни князя Сергея Дмитриевича – ссылка в Сибирь, брак с Лидией Николаевной Весёлкиной. Брак считается бездетным, поскольку никаких свидетельств о наличии у них хотя бы одного ребёнка не имеется. Но в научном обороте нет (вернее, не было) и ни одного документа, прямо подтверждающих эту бездетность. Именно это использовал одесский специалист и своей волей без труда произвёл на свет некоего позднего ребёнка – ещё одного сына Сергея Дмитриевича, якобы и ставшего предком Андрея Федотенкова. Последний же немедленно стал именоваться Андреем Горчаковым-Федотенковым.

Я не называю имени этого замечательного специалиста, поскольку сведения о нём получены из Интернета – источника, не слишком отличающегося надёжностью и ответственностью. О нашем же новоявленном потомке князей Горчаковых я пишу лишь потому, что недавно Наталье Павловне удалось обнаружить в ГАРФ интересный документ, имеющий прямое отношение к данной истории. Это письмо Лидии Николаевны Горчаковой в ПКК (Политический Красный Крест) от 29.07.1927 года. Пишет она его уже после смерти Сергея Дмитриевича из Тобольска, где она осталась практически без средств существования.

Она сообщает о том, что в одном из банков на севере Италии на счету Сергея Дмитриевича имеется некая денежная сумма, и в связи со своим бедственным положением просит хотя бы какую-то часть этих денег переслать ей. Для нас же важно то, что при этом она перечисляет всех прямых наследников Сергея Дмитриевича. А их всего трое – дочь, сын и она. Как видите, самой Лидии Николаевне неизвестно о том, что и у неё имеется сын, обнаруженный в XXI веке неким одесским специалистом.

Выводы можете делать сами, но при этом хочется подчеркнуть лишь одно: эта печальная история никоим образом не должна расхолаживать вас в поисках своих истоков. Только опираться нужно на подлинные документы, а не созданные по собственному желанию. И эти поиски очень важны, о чём прекрасно сказал выдающийся русский учёный-энциклопедист и религиозный философ Павел Александрович Флоренский:

«Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого – познать собственное своё место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою – как члена рода, как органа высшего целого. Только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества».

И это относится не только к княжескому, но к любому крестьянскому роду и, в частности, к семейной истории любого жителя Барятина.

В завершение же всей этой неоконченной барятинской летописи посмотрите ещё раз сегодняшнюю фотогалерею горчаковских образов.

КОНЕЦ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Усадьбы как люди – они рождаются, расцветают и умирают, иногда насильственно, но часто естественной смертью. В этом смысле старинные дворянские усадьбы Барятино и Роща являют почти хрестоматийный пример, и его стоит узнать поближе.

Вот Барятино начала XX века, любимая усадьба князей Горчаковых. Это время упадка усадебной культуры, но в Барятино есть пока все: и работа, и отдых и многогранное хозяйство, и искусство. Жизнь еще полнокровна, и вдруг – обрыв. Множество человеческих судеб затянуло в эти скорострительные воронки тонущих усадеб. В нашем случае это и смерть от тифа 3 июня 1927 года Сергея Дмитриевича Горчакова, выброшенного на поселение под Тобольск [1], и бессмысленное убийство 22 декабря 1918 года в тарусской ЧК княгини Анны Евграфовны Горчаковой [2], и затерявшиеся следы их детей – Татьяны, оказавшейся в это время в Москве, и Дмитрия, которого уже после ареста Анны Евграфовны забрала её мать, графиня Элеонора Ивановна Комаровская, урожденная Орлова. Между прочим, в этом же 1918 году в Новочеркасске был расстрелян двоюродный брат Анны Евграфовны, потомок донских атаманов Иван Давыдович Орлов [3]. Видимо, с казачьего Дона происходила и трепетная любовь Анны Евграфовны к лошадям, поначалу даже отсрочившая её гибель [4].

Человеческие трагедии на этом здесь не кончаются. 25 ноября 1918 года, через два с небольшим месяца после ареста Анны Евграфовны, заведующая Отделом по делам музеев Наркомпроса Наталья Ивановна Троцкая подписала мандат эмиссару Главмузея Дмитрию Дмитриевичу Иванову, который командировался в Барятино «...для осмотра и научной описи находящихся в имении предметов художественно-исторического значения, охраны их, наложения на них печатей и в случае надобности вывоза их в хранилище Национального Музейного Фонда» [5]. Он их и вывез, а потом следы большей части вывезенного полностью исчезли. Часть оказалась в Калуге, есть отдельные случайные находки в Эрмитаже, ГИМ и ГПИБ (Москва), из «научной описи» удалось найти лишь общее количество вывезенного да карточки на восемь миниатюр на слоновой кости XVII – XX веков [6]. То же самое Иванов проделал и с многими другими усадьбами – Архангельским, Борисоглебом, Иловной, Мурзиным, Андреевским и др.

Каюсь, я для себя поспешил зачислить Иванова в ряды губителей русской культуры, однако все оказалось сложнее. Дмитрий Дмитриевич прекрасно знал и ценил мир усадьбы, был он потомственным дворянином, вырос в имении своей матери Солнцево Рязанской губернии, в окружении старинных картин, фарфора, бронзы, мебели, оставшихся от двух его дедов – героев войны 1812 года. В 1823 году он окончил юридический факультет Московского университета, сделал блестящую карьеру и к 1917 году был уже товарищем обер-прокурора Правительствующего Сената. Но душевная тяга к искусству привела к тому, что он фактически стал искусствоведом, досконально изучил собрания лучших музеев Европы и много размышлял о сохранении культурных ценностей во время разрушительных событий истории. В ежемесячнике «Les Arts» он опубликовал работу «Защита произведений искусства во время войны» – и это в 1904 году, еще до первой мировой войны, которую он считал неизбежной! А в 1918 году в прошении о приеме его в Музейный отдел Наркомпроса он сформулировал свои взгляды: «...особенно желал бы работать в дорогом мне деле охраны памятников искусства и старины, воспрепятствованию вывоза их из России и сосредоточении их в государственных хранилищах для общего пользования». Это он и осуществлял, пока мог.

Прекрасно знал Дмитрий Дмитриевич и Барятино, хотя и имел свое особое мнение о национальном русском стиле в архитектуре, считая его скорее финским, не органичным для русского пейзажа. «Русские усадьбы, – писал он, – белые среди зелени, как-то сами собой выросли при посредстве людей, совершенно неграмотных, но отлично усвоивших этот стиль. В них жили целыми поколениями, в них сформировались выразители русской души – Пушкин, Тургенев, Толстой... Наоборот, как бесплодны, как художественно скудны усадьбы

в так называемом русском стиле. Если вы обратитесь к такой усадьбе как Борятино, то она вам кажется до такой степени чуждой, что вы готовы признать её нерусской, эти башенки кричат на фоне русского пейзажа». Между прочим, это высказывание, пусть и весьма спорное, является косвенным свидетельством того, что усадебный дом Горчаковых был какое-то время разноцветным (видимо красным с белой отделкой), так как это основное, что не нравилось Иванову в «хоромном стиле» – он считал, что русскому вкусу больше соответствует чисто белое пятно на фоне растительности. Сейчас дом в Барятино так и выглядит и, действительно, прекрасно вписывается в пейзаж. Да и сразу после постройки дом был полностью белым, если верить акварели неизвестного нам пока Мордерина, написанной в Барятино в августе 1876 года [7]. Собранные же в этом доме коллекции Дмитрий Дмитриевич ценил уже без всяких оговорок.

С 1922 года Иванов возглавил Оружейную палату, написал пять томов научно-инвентарной описи собрания палаты, спас от обезличивания, переплавки и распродаж множество произведений искусства, на самых верхних уровнях доказывая «...крайнюю убыточность для государства починки финансовых прорех за счет культурных ценностей страны». Однако к концу 20-х годов начались губительные разрушения памятников и бездарное разбазаривание культурного наследия. Рушилось дело жизни Дмитрия Дмитриевича, а он ничего сделать уже не мог, и в возрасте 58 лет он ушел из жизни, бросившись под поезд. Можно предполагать, что от Иванова потребовали выставить на продажу и многие предметы из его Оружейной палаты, так как он покончил с собой 12 января 1930 года, а 13 января в Оружейную палату уже пришел представитель Антиквариата и предъявил мандат об изъятии из палаты длинного списка вещей [8].

Вот так выглядел насильственный конец усадьбы князей Горчаковых. Однако Барятино с 1697 года принадлежало князьям Голицыным и уже пережило в 1835 году один конец, как голицынская усадьба, когда праправнук князя Бориса Алексеевича Голицына, бездетный князь Николай Васильевич (1762-1835), передал Барятино по завещанию своему внучатому племяннику князю Дмитрию Сергеевичу Горчакову (1828-1907). Конечно, это тоже было потрясением для имения, сопровождалось судебными тяжбами [9], но это был совсем другой конец, без «летального» исхода для самой усадьбы. В этом году в результате поисков, проведенных жительницей села Рощи Шуйковой Ириной Николаевной, обнаружился, пожалуй, некий материальный символ благополучной передачи усадьбы – храм в селе Маковец, входивший во владение Голицыных. Этот большой каменный храм во имя Рождества Христова с двумя приделами – чудотворца Николая и мученика Пантелеймона начал строить в 1832 году вместо ветхой деревянной церкви Николай Васильевич Голицын [10]. И построил успешно, а 9 декабря 1835 года благочинный о. Александр Соколов направил епископу Калужскому и Боровскому преосв. Николаю рапорт: «... церковь каменного здания и колокольня верить по данному плану и фасаду выстроены майором князем Николаем Васильевичем Голицыным, который сего года ноября 7 дня по воле Божией умре, и придельный при оной церкви храм во имя Святителя и Чудотворца Николая приуготовлен к освящению... и как душе-прикащик его полковник и кавалер князь Сергей Дмитриевич Горчаков просит Ваше Преосвященство освятить сей придельный храм...» [11]. С.Д. Горчаков (1794-1873) – это отец и опекун несовершеннолетнего нового владельца усадьбы Дмитрия Сергеевича. Конец голицынской усадьбы вылился в данном случае почти в эстафету: храмозданную грамоту получает Н.В. Голицын, освящается голицынский храм уже при С.Д. Горчакове, а в 1843 году Сергей Дмитриевич и сам начинает строить каменную церковь в Барятино, которая, стоит здесь и сейчас. Усадьба при этом продолжает развиваться.

Совсем по-другому окончила свою усадебную жизнь соседняя Роща, до самого конца остававшаяся голицынской. И причины угасания усадьбы в основном субъективные – владельцы не смогли вписаться в меняющуюся экономику страны. В 1902 году в имении было все, что нужно: 3280 десятин земли, из которой лишь 68 десятин составляли неудобья; земля обрабатывалась по 6-польному севообороту и обеспечивалась высокая урожайность.;

был парк и два фруктовых сада; все необходимые сельскохозяйственные постройки – кузница, конный двор, скотный двор, в котором содержалось до 150 голов крупного рогатого скота, приносящий значительный доход кирпичный завод; фундаментальная паровая мельница с каменными сводами; 791 десятина неплохих лесных угодий, причем лесоохранительным комитетом разрешалась ежегодная вырубка до 25 десятин [12]. И несмотря на это князь Александр Николаевич Голицын (1830-1911) в сентябре 1902 года берет в Московском Земельном банке ссуду 300.000 рублей [13]. Ссуда давалась на 66 лет, но уже через три года имение выставляется на торги за неуплату очередных взносов по ссуде. Александр Николаевич болен, и его сын Владимир Александрович (1858-1923) обращается с просьбой к князю С.Н. Щербатову, члену Правления Земельного банка: «Обращаюсь к Вам с превеликой просьбой похлопотать за меня перед Правлением Московского Земельного банка об отсрочке платежа по имению отца моего села Роши... Имение это лесное и доход с него получается единственно от продажи дров и вот уже третий год, что дрова не находят себе сбыта, отчасти вследствие вообще тяжелого экономического положения, а главным образом вследствие закрытия соседней фабрики, куда мы дрова поставляли.

Теперь я усиленно приискиваю сторонних покупателей – дровяников, которые и начали уже появляться по оплаченной мной публикации... Как только мне удастся сбыть дрова, то само собой разумеется немедленно внесу в банк следующее...» [14]. Хлопоты удались, торги отменили, но князь Владимир даже не попытался переориентировать свое хозяйство, и, конечно, опять долги, а 18 декабря 1907 года после безуспешных долгов имение перешло в собственность банка [15], и на этом история Роши как дворянской усадьбы закончилась.

Кончина, можно сказать, естественная и самая распространенная для этого периода. Причиной такого конца никак не назовешь революцию. Скорее, наоборот – неспособность большинства усадеб, покрывающих своей сетью почти всю Россию, вписаться в меняющуюся экономику могла явиться одним из детонаторов, вызвавших революционный взрыв.

Впервые опубликовано в сборнике докладов, сообщений, тезисов 2-й конференции «Таруса в исследованиях краеведов». Таруса. 20-21 декабря 2001 г. С. 76-81.

Примечания.

1. Мусихин В.Е. Вятский губернатор Сергей Дмитриевич Горчаков // Из истории Вятского края. – Киров, 1997. с. 37-52.
2. Зверева М.В. Жизнь и смерть Анны Евграфовны Горчаковой // Материалы Калужской городской краеведческой конференции. – Калуга, 2000.
3. Безотосный В. Просто Орловы. Источник, № 3, 1998. с. 30.
4. ГАКО. Ф.Р-961, оп. 1, д. 1, лл. 45-46
5. ОПИ ГИМ. Ф. 54, ед. хр. 38, л. 5.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 54, ед. хр. 285, лл. 77-82 об.; ед. хр. 248, лл. 191-192 об.
7. Фонд КОКМ, Кл. 976.
8. Иванов Д.Д. Искусство в русской усадьбе // Русская усадьба. Вып. 4. Москва, 1998, с. 180-198.
9. Бессонов В.А. Из истории села Барятино // Материалы IV Голицынских чтений. Б. Вяземы, 1998, с. 92-103.
10. ГАКО. Ф. 33, оп. 2, д. 151, лл. 1-7 об.
11. ГАКО. Ф. 33, оп. 2, д. 151, лл. 18-18 об.
12. ЦИАМ. Ф. 277, оп. 2, д. 845, лл. 4-5 об.
13. ЦИАМ. Ф. 277, оп. 2, д. 845, л. 22.
14. Там же, л. 77.
15. Там же, л. 118.

КОКТЕБЕЛЬ И ТАРУСА

МНОГО ИМЕН И МНОГО СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Говорят, что случайностей вообще не бывает. Однако крымско-тарусская переключка, по крайней мере та её часть, с которой мне довелось соприкоснуться, содержит множество переплетений человеческих судеб, выглядящих совершенно случайными. Впрочем, давайте начнем не со случайностей, а с имен.

Вот перед нами открытие в Москве Елисеевского магазина. Молебен. Наконец, неспешно появляется и долгожданный гость – «громадная могучая фигура, с первого взгляда напоминающая Тургенева, только ещё выше и с огромной седеющей львиной гривой – прямо былинный богатырь... Это был самый дорогой гость, первый знаток вин, создавший огромное виноделие Удельного ведомства и свои образцовые виноградники «Новый Свет» в Крыму и на Кавказе, Лев Голицын», – так писал В.А. Гиляровский о князе Льве Сергеевиче (1845-1915), потомке по младшей линии первого хозяина Рощи, Бориса Алексеевича Голицына. Всё было необычно в Льве Сергеевиче – внешность, поступки, взаимоотношения с государем, сам подход к делу. Блестяще образован (Сорбонна и Московский университет), магистр римского права, но душа его требовала другого. В середине семидесятых годов князь приобретает первые два имения в Крыму под Судаком, а в 1889 году вина из его коллекций уже завоевывают золотые медали на Всемирной выставке в Париже, во Франции, имеющей тысячелетний опыт виноделия. Экспертиза производилась «втемную», и после её завершения на торжественном обеде в ресторане Эйфелевой башни председатель комитета экспертов граф Шандон поднял бокал с победившим шампанским «за непревзойденное мастерство французских виноделов». К нему сейчас же обратился представлявший Россию Лев Голицын: «Я очень Вам благодарен, граф, за рекламу, сделанную во Франции моему шампанскому, которое Вы сейчас пьете». В бокалах было шампанское «Коронационное», изготовленное в крымском имении князя «Новый Свет». Концепция Голицына – не копировать лучшие зарубежные вина, а создавать свои, с новыми качествами – оказалась верной, а его высказывания о «помощи из-за рубежа» актуальны до сих пор: «Наша слабость заключается в том, что мы себе не верим. Мы читаем иностранные книги, мы слушаем иностранных людей и вместо критики отступаем перед ними с благоговением. Да разве иностранец желает, чтобы наша промышленность возникла, чтобы мы ему явились конкурентом на всемирном рынке? Никогда!»

Удивительно, насколько этот подход совпадает со взглядами одного из представителей тарусской династии Ланговых – профессора Николая Петровича Лангового (1860-1920), утверждавшего, что: «До тех пор, пока промышленность будет в руках иностранных техников, она будет промышленностью «подражательной», лишенной национального характера, а следовательно, и не имеющей залога к прочному развитию». А ведь этот купеческий сын был не только теоретиком, автором 11 книг, но и практиком, доказавшим созидательность своих идей. Став с 1896 года вице-директором Департамента торговли и мануфактур, он очень много сделал для организации отечественного текстильного производства и выбора долгосрочной стратегии его непрерывного развития.

Пока же – 1888 год. Встреча двух, как оказалось единомышленников – императора Александра III и князя Льва Сергеевича. Оба с тревогой отмечали пагубность распространения пьянства в народе и пришли к выводу, что один из путей борьбы с ним – популяризировать и сделать доступными для всех качественные натуральные вина. Нам с вами сегодня очевидно, что это была утопия, но Лев Сергеевич не мог не попытаться её реализовать доступными ему средствами – он завел прямо у губернаторского дома на Тверской свой магазин и стал продавать там свои прекрасные виноградные вина по 25 копеек за бутылку.

Самому же князю становление российского виноделия обошлось недешево. Чего стоили трехкилометровые винные подвалы – туннели глубоко в теле скалы! А плантации,

винзаводы, создание школы отечественных специалистов, дороги, наконец! Богат был Лев Сергеевич, но все свои три наследственные состояния он вложил в любимое дело. Между тем к делу этому он относился не как к коммерческому предприятию, а как к чему-то, стоящему между наукой и искусством. Результаты были блестящими и прочными, специалисты и сегодня связывают имя князя Голицына со всемирно известными Массандрой, Новым Светом и Абрау-Дюрсо, но сам-то Лев Сергеевич, как водится, разорился. Но и здесь сказалась неординарность его личности, – он сумел спасти свое детище от дробления на нежизнеспособные клочки – широким жестом князь принес его в дар государю. При этом сам Лев Сергеевич получил пост главного винодела Удельного ведомства и продолжил свою бурную деятельность. Когда же чиновники Главного управления, привыкшие к спокойной жизни, начали против него интриги, Лев Сергеевич, не раз повторявший что он «не посрамлен никакими чинами и орденами», немедленно потребовал расчета. Получив положенные ему свыше 100 тысяч рублей, он тут же внес всю эту огромную сумму в казну в качестве фонда для выдачи шести ежегодных премий лучшим виноделам и виноградарям, а также лучшим ученикам Никитского училища. Скончался Лев Сергеевич в 1915 году на ходу, по дороге из Коктебеля в Судак, и был, по его завещанию, погребен в склепе-фонтане среди виноградников Нового Света, но покоиться там ему довелось недолго. В ноябре 1920 года в Новый Свет вошли краснофлотцы, разрушили склеп, а останки князя выбросили в Черное море. Россия не оставила в памяти имена этих несчастных своих сыновей, так и не успевших (может быть и не по своей вине) узнать историю собственной страны, не научившихся мыслить самостоятельно и искренне не ведающих, что творят. Имя же Льва Сергеевича прочно вошло в историю России, пусть даже вместо подобающего надгробия с толпящимися туристами, у этого неугомонного потомка первого владельца Рощи и Барятино – Черное море.

Может показаться, что я слишком много внимания уделил князю Льву Сергеевичу Голицыну и его крымским начинаниям. Отчасти это так, поскольку я, – никуда не денешься, – пристрастен. Мы с женой очень любим именно восточный берег Крыма, от Феодосии до Нового Света, эту сушь среди волн, Волошинскую Киммерию. Да и оказались мы на тарусской земле благодаря Коктебелю. Поэтому у меня особое отношение к переключке этих мест с тарусскими краями, а она не так уж и редка. Это и счастливая Марина Цветаева в Коктебеле, и Константин Богаевский, чуть-чуть не успевший перебраться в Тарусу из Феодосии и уже купивший здесь дом! А еще и Карадаг Константина Паустовского из его «Черного моря».

И это лишь самые известные связи двух совсем небольших, но удивительно своеобразных населенных пунктов – Коктебеля и Тарусы. Между восточным Крымом и тарусской землей протянулось и еще много почти незаметных нитей, натываясь на которые, долго удивляешься фантастическим переплетениям судеб и множеству случайных, казалось бы, совпадений. Вот мы, например, никак не догадывались, что путь нашего семейства в тарусские края начался в тот момент, когда мы, приехав в Коктебель, случайно остановились по соседству с дачей Ариадны Александровны Арендт.

Ариадна Александровна, дожившая несмотря на превратности своей судьбы до преклонных лет (она скончалась в 1997 году в возрасте 91 года), оказалась одной из ключевых фигур нашего повествования, неким центром притяжения, множества вроде бы случайных встреч, и о ней нельзя не рассказать. Была она человеком удивительной душевной силы и интереснейшим скульптором. Последнее нарушало семейные традиции рода, но мне кажется, что её предки – выдающиеся медики – не имели ни малейшего основания обижаться на это замечательное нарушение. Да и начиналась российская династия Арендтов с некоего пленного шведа-артиллериста времен Петра I. И интересные для нас случайные пересечения тоже начинались здесь не сегодня. Вот перед нами двоюродный прадед Ариадны Александровны – лейб-медик Николай Федорович Арендт (1785-1859), облегчивший страдания умирающего Пушкина и считавшийся в то время лучшим хирургом и диагностом России. Это ему писал Петр Андреевич Вяземский (1792-1878), поэт и государственный

делец, приемная внучка которого окажется в свое время хозяйкой Барятино – княгиней Верой Ивановной Горчаковой:

«В болезнь мою я поручил жене передать Вам после моей смерти мои брегетовые часы. Но Вы умереть мне не дали, и я нахожу гораздо приличнее и приятнее еще заживо просить Вас, почтеннейший и любезнейший Николай Федорович, принять их от меня и хранить на память о Ваших искусных и дружеских обо мне попечениях и на память о неизменной благодарности телесно и душевно Вам преданного и обязанного Вяземского.

13 марта 1842 года. Петербург».

Эти брегетовые часы были переданы Николаю Федоровичу, но нет их сегодня среди семейных реликвий Арендтов. Зато в записной книжке Вяземского появилась запись: «На другой день Арендт привез мне часы обратно и просил дозволить ему хранить одну записку. Он никогда не хотел брать от меня денег за лечение» И это касалось совсем не одного Вяземского – Николай Федорович был не только замечательным хирургом, но и исключительно бескорыстным человеком. Подобными качествами отличался и брат его, родной прадед Ариадны Александровны, Андрей Федорович Арендт. Он занимал более скромное место, заведая больницей в Симферополе, но и здесь среди его пациентов, кроме множества не оставивших заметного следа, оказались и хорошо знакомые нам лица – у него лечились приезжавшие сюда Лермонтов и Белинский. Дед же Ариадны Александровны – Николай Андреевич Арендт (1833-1893), обучавшийся в Петербургской Военно-медицинской академии у самого Пирогова, хотя и стал известным врачом, доктором медицины, но уже несколько нарушил семейные традиции, оказавшись еще и одним из основоположников планеризма, впрочем без отрыва от медицины.

Сама же Ариадна Александровна пошла дальше – она окончила Симферопольский художественный техникум и скульптурное отделение ВХУТЕИНа, преобразованного к концу её учебы в Институт Пролетарского искусства. Ей довелось учиться у В.И. Мухиной, Л.А. Бруни, В.А. Фаворского. Но для нас особенно интересно, что среди её преподавателей был и скульптор Александр Терентьевич Матвеев, земляк и друг Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова. Это он изваял из куска питерского крупнозернистого гранита того беззащитно спящего мальчика, который и сегодня лежит высоко над Окой на могиле В.Э. Борисова-Мусатова. Пройдет время, и Ариадна Александровна со своим мужем скульптором Анатолием Ивановичем Григорьевым специально поедут в Тарусу, чтобы посмотреть на этот памятник. А ведь это будет для нее труднее, чем для нас с вами, потому что еще в 1936 году, уже переехав в Москву, она лишилась в трагическом происшествии обеих ног. Однако это не сломило её духа – она продолжала вести творческую и просто человеческую полноценную жизнь – растила маленького сына Юру, ставшего не врачом и не скульптором, а палеонтологом, работала над скульптурами, забираясь высоко на антресоли в мастерской на Масловке, каждое лето проводила в Коктебеле, плавала в море как дельфин, а в их открытом доме и в Москве, и в Коктебеле, всегда кипел интереснейший людской круговорот. Здесь можно было встретить М.А. Волошина, К.Ф. Богаевского, Анастасию Ивановну Цветаеву, палеонтолога и писателя И.А. Ефремова, Александра Меня, художника Бориса Алексеевича Смирнова-Русецкого и еще множество людей, очень заметно прошедших по нашей земле.

Не обойтись в этой истории и еще без одного очень тарусского человека – замечательного скульптора и графика Василия Алексеевича Ватагина, на долгом жизненном пути которого тоже обнаруживаются пересечения с семейством Арендт, да и с князьями Голицыными из «нашей» ветви – «Алексеевичами». Вот что можно найти в довольно грустных воспоминаниях писателя Сергея Михайловича Голицына (автора светлых детских книг, отца академика Георгия Сергеевича Голицына, ныне директора Института физики атмосферы, и дяди еще одного академика – художника Иллариона Владимировича Голицыны): «Во время нэпа в Москве и в Питере успешно действовало несколько частных книжных издательств. Энергичные люди насаждали в народе «разумное, доброе, вечное» и, разумеется, получали большие барыши. Одним из них был Мириманов, выпускавший

большими тиражами маленькие, с цветными картинками детские книжечки по гривеннику штука. В каждом газетном киоске продавались эти дешевые подарки для детей, все больше сочинения классиков, которым Мириманов не платил. <...>. Художник Ватагин, живший с женой и маленькой дочкой на Волхонке, на чердаке дома напротив Храма Спасителя, иллюстрировал детские книжки для частного издательства Мириманова, помещавшегося недалеко, на Пречистенском бульваре. А я на обложках этих книжек выводил надписи. <...>. Устроил меня к нему брат Владимир (моряк с легендарного «Персея» и художник, князь Владимир Михайлович Голицын, отец академика И.В. Голицына, «планово» и бессмысленно погубленный в Гулаге – Г.Г.). <...>, А три года спустя я перестал помогать Ватагину; задушенный налогами Мириманов закрыл свое культурное начинание». Все это происходило в тридцатые годы, а гораздо позже В.А. Ватагин, ставший уже известным скульптором – анималистом, оказался совсем рядом с А.А. Арендт. Он поселился в доме № 2 на Петровско-Разумовской аллее, выходящий на один и тот же двор с домом Ариадны Александровны. Как рассказывает участница этих событий Елена Евгеньевна Арендт (невестка Ариадны Александровны), по трудолюбивому и организованному Василию Алексеевичу можно было проверять время – настолько точно он следовал каждый день через упомянутый общий двор в свою мастерскую. Дружеские же встречи Ватагина с семейством Арендт возникли вполне естественно, поскольку у Ариадны Александровны оказалось с Василием Алексеевичем много общих интересов – ведь она тоже занималась анималистической скульптурой. А Лена и Юра Арендт неоднократно посещали Ватагина и в самой Тарусе.

Здесь же, в гостеприимном доме Арендтов, мы познакомились с художницей Татьяной Николаевной Второвой, числящей среди своих предков Зинаиду Серебрякову и Бенуа. Добирались до её дачи (так именовалась живописная развалюха в деревне Татьянинской), мы и попали впервые в тарусскую глубинку и ощутили, что мы – дома. Остается добавить, что фамилия Арендт напомнила о себе и гораздо позже, когда я уже основательно погрузился в историю этих мест. Оказалось, что в 1913 году, когда распродавались части роцинского имения князя Александра Николаевича Голицына, один из участков размером 173,3 десятины приобрело товарищество крестьян – немецких колонистов, среди которых я наткнулся на некоего Кристиана Генриховича Арендта. Вероятно, это еще одно случайное совпадение, но кто знает... Существовала ведь не только русская династия Арендтов – вдруг мы встретились на тарусской земле с одним из листочков германо-скандинавской ветви этого же рода?

А вот еще одна запутанная крымско-тарусская ниточка, уже не затрагивающая Арендтов. Я довольно давно обнаружил, что между тарусскими имениями князей Александра Михайловича и Михаила Михайловича Голицыных было буквально вклинено село Беликово, не входившее в их владения. Принадлежало же оно генерал-аншефу князю Ивану Андреевичу Прозоровскому, скончавшемуся в 1786 году. И хотя этот представитель старинного княжеского рода (угасшего в 1870 году) был женат на княжне Марии Михайловне Голицыной (1717-1780), а их дочь Варвара (1750-1806) была супругой А.В. Суворова, этих сведений в свое время почему-то оказалось недостаточно, чтобы привлечь мое внимание к судьбе князей Прозоровских. Но осенью 2003 года, после долгого перерыва мы вновь посетили Коктебель, и я тут же получил недостававший импульс. В мои руки попал новый путеводитель, выпущенный в Крыму к столетию Дома М.А. Волошина. В нем вдруг обнаружилась такая фраза: «В частности, Паллас первым высказал предположение о вулканическом происхождении минералов Карадага, предвосхитив тем самым работы А. Прозоровского-Голицына и А. Лагорио». И никаких ссылок.

Стало совершенно невозможно уйти от выяснения личности и карадагских трудов этого Прозоровского-Голицына, объединившего две значимые для тарусской земли фамилии. Оказывается, внучатая племянница упомянутого владельца села Беликово княжна Анна Александровна Прозоровская (1782-1863), приходившаяся по женской линии правнучкой князю Борису Алексеевичу Голицыну, вышла замуж на прямого потомка того же Бориса Алексеевича – князя Федора Сергеевича Голицына (1781-1826). Оказавшись

последней в своем роду, она сумела в 1854 году добиться разрешения на присоединение фамилии Прозоровских к фамилии своего старшего сына Александра (1807-1898). Нужно сказать, что княжеский род Прозоровских за последние 100 лет своего существования очень тесно переплетался с Голицыными. Шесть браков в нескольких поколениях сделали Прозоровских и Голицыных близкими родственниками, и слияние фамилий выглядело вполне естественным. Правда, жизнь самой фамилии Прозоровских продлилась всего на два поколения. Судьба подарила генерал-лейтенанту Александру Федоровичу Прозоровскому-Голицыну и его супруге Марии Александровне, урожденной княжне Львовой, только одного сына Александра. Две сестры последнего – Анна и Мария – вышли замуж и поменяли фамилии. Судьба младшей дочери Ольги оказалась трагичной. В 1879 году в цветущем возрасте (22 года) она была по нелепой случайности отравлена собственным поваром в их любимом имении – саратовской Зубриловке. Эта история, да и сама великолепная и романтическая Зубриловка с её тенистыми аллеями, водоемами и замком произвели неизгладимое впечатление на такого необычного художника как В.Э. Борисов-Мусатов. Именно поэтому Зубриловка, полностью уничтоженная в 1905 году при первых «пробных» погромах усадеб, живет сегодня в знаменитых картинах Борисова-Мусатова, созданных в 1902-1903 годах: «Гобелен», «Призраки», «Прогулка на закате», «Водоем».

Сам же владелец Зубриловки – князь Александр Александрович Прозоровский-Голицын делал вроде бы обычную для отпрыска знатного рода карьеру: предводитель дворянства балашовского уезда, действительный статский советник, церемониймейстер. Однако, натываясь на рассыпанные в разных источниках факты из его жизни, приходится делать вывод, что он, как и многие другие представители Голицыных линии «Алексеевичей», тоже не вписывался в княжеские стандарты. Начнем с того, что он был меломаном и даже являлся товарищем (заместителем) председателя московского Общества любителей оркестровой, камерной и вокальной музыки.

Что же касается упомянутой работы А. Прозоровского-Голицына, посвященной Карадагу, её оказалось не так просто отыскать. Не упоминается наш автор ни в каких библиотечных каталогах. И все же работа Александра Александровича существует. Она называется «Об изверженных породах горы Карадага в Крыму» и представляет собой статью, опубликованную в 1892 году в Трудах Петербургского Императорского общества естествоиспытателей. Серьезное это было Общество. Отделение геологии и минералогии возглавлял в нем академик А.П. Карпинский, и уровень работ, публикуемых в «Трудах», был соответствующий. Впрочем, это и не удивительно. Ведь Александр Александрович окончил естественное отделение Петербургского университета, а позже, по меньшей мере с 1894 по 1903 годы, работал в этом университете, являясь хранителем геологического кабинета. Вот и такая довольно неожиданная грань имелась в личности этого церемониймейстера императорского двора и, пожалуй, его вполне можно зачислить в стан Голицыных-геологов, существующий и поныне.

Воспевший же Зубриловку В.Э. Борисов-Мусатов последние свои мазки накладывал уже на берегу Оки. «Теперь я в Тарусе, – писал он Александру Бенуа – в глуши. На пустынном берегу Оки. И отрезан от всего мира. Живу в мире грез и фантазий среди березовых рощ, задремавших в глубоком сне осенних туманов. Уже давно я слышал крик журавлей. Они пролетели куда-то бесконечными рядами в виде треугольников < ...>». И появилась его «Осенняя песнь» – исключительно музыкальное изображение осеннего умирания природы, причем узнаваемо тарусской. Но уже наступал октябрь 1905 года, а 26 числа Виктор Эльпидифорович скончался. Умер он внезапно и не успел узнать, что в этом же году и в этом же месяце не стало и его любимой Зубриловки. А мальчик, заснувший на высоком тарусском берегу Оки, совсем недалеко от камня Марины Цветаевой, с некоторых пор символизирует для меня букет этих состоявшихся случайностей, неожиданных пересечений человеческих судеб – В.Э. Борисов-Мусатов и Голицыны, А.А. Арендт, М.И. Цветаева, А.Т. Матвеев и В.А. Ватагин, Коктебель, Зубриловка, Масловка и Таруса.

Это все человеческие связи, но и в каких-то чертах природы этих мест иногда явственно проступает нечто родственное. Вероятно, это очень субъективно, но в сухую тарусскую осень вдруг слышится совершенно коктебельский шелест ветра в золотых злаках и кружеве ветвей редких боярышников на просторах склонов и долин Роши и Тарусы.

«И горький дым костра, и горький дух полыни,

И горечь волн – останутся во мне.»

Есть это все на тарусской земле, лишь волны из «горькой» триады этого волошинского посвящения Богаевскому отхлынули когда-то от побережья Оки, оставив здесь не только окаменевшие кораллы и морские лилии, но и какое-то короткое замыкание пространств и биосфер, игнорирующее климат. Можно наткнуться на магнолию в тарусском саду Ракицкого или на цветущий кизил вблизи Барятино. А в нашем фатьяновском саду золотой скипетр (коровяк олимпийский), лох серебристый, боярышник Турренфора с желтыми плодами, напоминающими яблочки, груша лохолистая и т.д. Море же, между прочим (правда в виртуальном варианте) посещало Тарусу и в исторические времена. Среди зимних снегов 15 декабря 1848 года во многих местах Тарусского уезда изумленные жители долго наблюдали мираж – волнующееся теплое море темно-лазоревого цвета, в котором к тому же отражались оказавшиеся «на берегу» окрестные предметы.

К этой переключке хочется добавить, что и еще один Борис Алексеевич, но не Голицын, а наш современник, замечательный художник Смирнов-Русецкий, донесший до нас живой отсвет серебряного века и уже упоминавшийся в связи с А.А. Арндт, к своему циклу картин «Крымская сюита» на склоне лет добавил еще и цикл «Фатьяново», где он работал в 1986-1987 годах. Я не останавливаюсь на этих работах, поскольку подробно и глубоко жизнь и творчество Смирнова-Русецкого представлены в недавно вышедшей монографии Грибовой Зинаиды Петровны «Путь длиною в век».

Вот и Лев Сергеевич Голицын, с которого мы начали наше крымско-тарусское исследование, кружным путем вплеп свою ниточку в эту связь, а любимые его мускатные гроздья наливаются сегодня у меня под окном, в Фатьянове, на тарусской земле.

Впервые опубликовано в тарусской газете «Октябрь»
№ №137-138, 139, 140-141 – 12, 23, 24 ноября 2004 г.

МОСКВА – РОЩА – ПАРИЖ

СЛЕДЫ СОЗДАНИЯ ГОЛИЦЫНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ПРОСТУПАЮТ НА ТАРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

«Вменяю в обязанность сыну моему князю Владимиру Александровичу Голицыну и прошу его, по кончине моей, книги и рисунки, касающиеся России, и периодические журналы, находящиеся в имении моем селе Роще Тарусского уезда и в Москве, при квартире моей, передать в собственность Императорскому Историческому музею все, сколько таковых окажется»

Париж, 16/ 29 октября 1901 г.

Из духовного завещания князя

Александра Николаевича Голицына.

Начало XXI века. На тарусской земле не слишком заметно живут два соседствующих села: Барятино и Роща. А между тем когда-то они были не такими уж незаметными, и хотя нынешним их населением утрачена прямая преемственность отшумевшей здесь жизни (вообще-то это наша общая заслуга), чудом сохранившиеся в этих селах замечательные каменные свидетели прошлого не позволяют бесследно исчезнуть нашей традиционной золушке – местной истории. Старинные эти стены ничего от нас не требуют, а лишь пытаются что-то рассказать. Наша же задача, а, скорее, долг – услышать их, сохранить то, что еще можно сохранить, и попытаться как можно полнее восстановить саму историю этих мест. Значение-то её совсем не местное – это ничем не заменимая часть нашей общей истории и, конечно – русской усадебной культуры. Около трех веков Барятино (Ильинское) и Роща (Ладинское) являлись княжескими владениями. Помнят они князей Барятинских, Лыковых, Хворостининых, но более всего – Голицыных и Горчаковых. Есть у них и свое место в богатой мозаике усадебной культуры России, место, выявленное еще далеко не полностью. Но, пожалуй, о современной судьбе этой части нашего потрепанного исторического наследия уже можно говорить с известной долей оптимизма. Прежде всего потому, что в работе по его сохранению так или иначе принимает участие все больше людей, наших современников, причем формально не обязанных это делать: князь Петр Дмитриевич Голицын, Светлана Александровна Мельникова, Олег Викторович Симонов, семья Шуйковых, Алексей Семенович Ириунца, семья фермеров Шаповаловых, Евгений Георгиевич Утенков, Виктор Анатольевич Кострубский и многие другие. Есть среди них и люди, не имеющие прямого отношения к Тарусе. Например, физик Иван Михайлович Лобановский из Протвина или профессор Петербургской Академии художеств Александр Константинович Крылов.

Конечно, в одной статье невозможно дать сколько-нибудь полный культурно-исторический портрет этих тарусских усадеб. Многое уже собрано и опубликовано, особенно по Барятину: описания замечательных коллекций князей Горчаковых, конного завода, самих строений усадьбы. Меньше материалов по Роще, а между тем 2007 год для нее некоторым образом юбилейный. Воскресенскому храму в Роще, этому уникальному памятнику отечественной церковной архитектуры (единственному памятнику федерального значения в районе) исполняется 250 лет. Сейчас церковь, хотя и медленно, но реставрируется, и появилась надежда провести этот процесс в полном объеме. Последним человеком, очень много сделавшим для Воскресенской церкви (был выстроен теплый придел), являлся владелец Рощи князь Александр Николаевич Голицын (1830-1911), завещавший вечно поминать его в этой церкви. Но было у князя и еще одно, не совсем традиционное, важное дело жизни – создание замечательной библиотеки, посвященной истории России. Эта

Голицынская библиотека, наряду с Чертковской, легла в основу собрания Императорского Российского исторического музея. Жива она и сегодня, основная часть её находится в отдельном зале Государственной Публичной Исторической библиотеки. То есть, в Москве. А Роща имеет ли к этой библиотеке какое-либо отношение? Вот это мы и попытаемся выяснить в данной статье.

Начнем с конца земного пути князя:

*«Французская Республика
Свобода – Равенство – Братство
Префектура Департамента Сены
Тысяча девятьсот одиннадцатого года 5 марта, в 10 часов утра.
Свидетельство о смерти.*

Князь Александр Голицын, 80 лет от роду, полковник гвардии в отставке, родившийся в Москве (в России), скончался 3-го сего марта в 8 ½ часа утра, в месте своего жительства в Париже, улица Виль-л'Эвек № 11, – сын князя Николая Голицына и княгини Параскевы Голицыной, вдовый по браку с Елизаветой Черткой»

Александр Николаевич не только скончался вдали от родных мест. Семейные неурядицы, а потом и состояние здоровья заставили его и жить последние годы почти постоянно в Париже, всё реже посещая свое единственное и любимое имение – Рощу. Но пристрастий своих он не менял, и создание библиотеки, посвященной российской истории, всегда и всюду оставалось его главным занятием. Он встречался со специалистами, изучал специальную литературу, выписывал и штудировал груды периодических изданий, в том числе и знаменитый «Русский Архив», выпускаемый Петром Ивановичем Бартевым. Постепенно Александр Николаевич и сам стал квалифицированным библиографом и историком. Библиотека росла и уже не помещалась ни в московской квартире князя, ни в Роще, и в конце концов он разместил её в Москве, в одном помещении с чертковской, близкой по специализации библиотекой. В 1870 году он, как и его друг Григорий Александрович Чертков, передал основную часть своей библиотеки в дар городу Москве, а еще через семь лет эти без малого 10000 томов поступили в только что созданный Императорский Исторический музей [3].

Однако сложившийся у Александра Николаевича образ жизни – на два или даже на три дома – хотя и допускал непрерывное перетаскивание за собой некоторого количества книг и периодики, все же надолго отрывал его от основного собрания. Книгам же требовался постоянный библиотекарь, и им стал уже упоминавшийся П.И. Бартев. Это был блестящий выбор. Прекрасный специалист, да к тому же и единомышленник князя, Бартев стал и одним из близких друзей Александра Николаевича. То же обстоятельство, что Бартев находился более всего в Москве, при библиотеке, а Голицын – где-нибудь в отдалении, породило обширную переписку между ними. Значительная часть писем Александра Николаевича к Бартеву сохранилась – их удалось обнаружить в РГАЛИ, и именно это дает нам возможность хотя бы частично взглянуть на процесс создания библиотеки «изнутри», в какой-то степени оживить его, ну и прояснить место Рощи.

Прежде чем обратиться непосредственно к письмам, нужно заметить, что Александр Николаевич и после передачи библиотеки городу продолжал свое собирательство. Переданной же библиотекой еще долго занимался все тот же Бартев, и его «Русский Архив» по-прежнему продолжал выходить в основном на базе Голицынской и Чертковской библиотек, включавших в свой состав множество ценных рукописных материалов.

И вот письмо. Далеко не первое в этой переписке, но с первым упоминанием своего имения.

«Париж, 30/18 мая 1872 г.

Получил Ваше письмо от 27 апреля, почтеннейший Петр Иванович!

Посылаю при сем список книг, посылаемых в Москву. <...>. Все журналы, посланные мною, как то Русский Архив и Вестник Европы, не нужно включать в библиотеку; эти потрудитесь отложить в сторону и я по приезде их возьму в деревню [в Рощу Тарусского

уезда – Г.Г.]. Многие, которые Вы видели книги, все большею частью будут доставлены при оной посылке.

Интересует меня очень, оставит ли Вас Дума библиотекарем. От этого будет зависеть судьба моей библиотеки, и очень желательно мне было бы, чтобы Вы остались при оной, когда она будет принадлежать городу <...>.

Будьте здоровы и благополучны. Я полагаю быть в Москве в конце июня или начале июля и пробыть до октября или конца сентября.

Князь Александр Голицын».

То, что под не названной деревней имелась в виду Роцца, подтверждает следующее письмо:

«Москва, 22 июня 1872 г.

Очень сожалею, что Вас не застал в Москве, любезный Петр Иванович. Завтра еду к себе в Роццу вероятно на три недели не менее, или месяц, а оттуда может быть в Орел. В Москве не буду ранее сентября или конца августа. Если Вам возможно и есть время, то приезжайте ко мне в Роццу дня на два или три и напишите заранее, когда будете, чтобы я мог Вам выслать лошадей в Серпухов. Мы с Вами переговорим насчет библиотеки и решим что-нибудь. Я полагаю, что я поднесу её городу если им угодно; но на каких условиях и на каких кондициях, это надобно будет сообразить <...>»

Очевидно, в Роцце шла работа с библиотекой и вполне возможно, что именно здесь было принято решение о передаче её городу, хотя у нас и нет прямого подтверждения приезда в Роццу Бартенева. Это могло произойти и позже – ведь Голицын в этот период приезжал в Роццу каждое лето. К сожалению, большинство писем не сохранилось, но спустя пять лет перед Бартевым появилось послание, отправленное непосредственно из тарусского имения князя:

«С. Роцца, 4 июля 1887 г.

Любезнейший друг, Петр Иванович, уже более недели, как сижу в своей Роцце и пользуюсь здоровым воздухом, хотя погода не вполне благоприятствует до сих пор. По вечерам читаю я с великим вниманием и удовлетворением письма Кн. Семена Б...овича [Отчество забито штампом – Г.Г.] к сыну. Сколько интересного, важного и достойного есть в этих письмах, какой был дальновидный человек и сколько он предсказал событий, которые и сбылись к несчастью русскому. Нет уж, таких людей не будет к несчастью опять России. Это было особое фундаментальное великое царствование Екатерины – и теперешние наши деятелишки государственные, как вы их нам не назовите, и в подметки не годятся им. Мечтателей много, а деятелей мало и совсем нет. Что будет дальше, прошедшее царствование сформировало каких-то скорее идиотов во всех классах общества. Эти же идиоты, боюсь, опять произведут новых идиотов.

Велик Бог Русский! Только одно и спасение. <...>

Жаль, я не могу пересылать в Тарусу ваши журналы, так буду в Москве около шести недель и более, у Черткова. Готовлю по возвращении мою объявленную Вами статейку.

Кстати, об Архиве; я часто думаю о том, что Вы мне говорили, что Архив плохо идет и что Вы потеряли до 40 подписчиков. Позвольте Вам дать мое скромное мнение: Не убавить ли Вам цену на него хотя бы до 7-ми рублей прежних. Тогда возвратятся подписчики. Два рубля – это теперь много для многих. Не подумайте, чтобы я говорил оное для себя. Если бы он был у Вас и за 15 р, я бы его все равно брал у Вас. А то я говорю об Вашей пользе и повторяю – подумайте и если возможно только – убавьте цену на него!!

Не удивляйтесь, что прошлое мое письмо опоздало [Значит, и прошлое посылалось из Роцци – Г.Г.]. В блаженной Тарусе еще царствует [неразборчивое слово – Г.Г.], почта и приходит и отходит всего два раза и иногда лишь три раза в неделю, только с такой скоростью, что подходит более к выражению Гоголя: хоть 30 лет скачи, ни до какого государства не доскачешь, и действительно, по состоянию проселочных дорог так и есть – Их Превосходительство Губернатор не большой охотник объезжать раз хотя бы в год свою губернию, и особенно в конце весны, когда дороги в ужаснейшем виде <...>.

Увы, все так многое и до сих пор <...>»

Князь ежегодно работал в Роще по крайней мере до 1901 года. Потом ухудшение здоровья заставило его реже покидать Париж, а с 1906 года он уже не бывал в России. Его сын Владимир не справился с ведением хозяйства, и 18 декабря 1907 года имение за неуплату долгов перешло в собственность банка. Александр Николаевич узнал об этом, может быть, не сразу. Во всяком случае лишь в 1910 году, за год до смерти, он написал Бартеневу: *«В ужасе я думаю, что мое имение родовое Рощу пришлось продать Крестьянскому Банку. Мой сын Владимир очень неискусно и неосмотрительно вел дела и запутался сильно в банках. Теперь я более не землевладелец.»*

Но это уже другая история. Главный же результат этого коротенького исследования тот, что у нас появились уже не предположения, а уверенность в том, что и в Роще шла работа над созданием знаменитой библиотеки, и, наверное, многие из хранящихся в Москве томов Александр Николаевич Голицын перелистывал под шум тарусского грибного дождика. И это извлеченный из небытия еще один небольшой кусочек истории тарусских усадеб.

Впервые опубликовано в тарусской газете «Октябрь»
№ 178-179, 21 декабря 2007 года

КНЯЗЬЯ ПРОЗОРОВСКИЕ-ГОЛИЦЫНЫ

КОРОТКИЙ ПУТЬ ФАМИЛИИ

Князья Голицыны оставили на нашей земле столь широкий след, что, наверное, один человек не в состоянии сколько-нибудь подробно исследовать его весь, целиком. Более или менее плодотворно можно изучать лишь какую-то небольшую часть – отдельную выбранную веточку, а то и листик могучего родового древа Голицыных, и выбор этот, совершенно субъективный, обычно определяется какими-то вроде бы случайными обстоятельствами. Опустив неуместные здесь подробности, можно сказать, что меня, например, к некоему тарусскому ответвлению князей Голицыных – "Алексеевичей" привел Коктебель, связанный с тарусскими краями многими человеческими судьбами. Ну, а откуда же Прозоровские-Голицыны?

Прежде всего, уже довольно давно обнаружилось, что между тарусскими вотчинами князей Александра Михайловича (1730-до 1805) и Михаила Михайловича (1735-1802) Голицыных было буквально вклинено село Беликово, не входившее в эти владения. Принадлежало же это село генерал-аншефу князю Ивану Андреевичу Прозоровскому, скончавшемуся в 1786 году [1]. И хотя этот представитель старинного княжеского рода (угасшего в 1870 году) был женат на княжне Марии Михайловне Голицыной (1717-1780), а старшая их дочь Варвара (1750-1806) вышла замуж за А.В. Суворова, этих сведений в то время почему-то оказалось недостаточно, чтобы привлечь более пристальное внимание к судьбе князей Прозоровских. Но осенью 2003 года после долгого перерыва я вновь посетил Коктебель, и тут же получил недостававший импульс. В мои руки попал новый путеводитель, выпущенный в Крыму к столетию Дома М. Волошина. В этой интересной книге вдруг обнаружилась такая фраза: *«В частности, Паллас первым высказал предположение о вулканическом происхождении минералов Кара-Дага, предвосхитив тем самым работы А. Прозоровского-Голицына и А. Лагорио»* [2]. И никаких ссылок. Что за работы и какого именно Прозоровского-Голицына? Выходит, Прозоровские-Голицыны, кроме нескольких строчек в генеалогических трудах и дважды погибшей Зубриловки, оставили еще какой-то след? Это уже явно требовало более пристального расследования.

Нужно заметить, что княжеский род Прозоровских в последние 100 лет своего существования очень тесно переплетался с Голицыными. Шесть браков в нескольких поколениях сделали Прозоровских и Голицыных близкими родственниками, и поэтому совершенно естественным выглядело объединение этих знаменитых фамилий, уже обсуждавшееся на IX Голицынских чтениях [3]. Внучатая племянница упомянутого генерал-аншефа Ивана Андреевича Прозоровского Анна Александровна, последняя в своем роду, приходившаяся еще и правнучкой князю Борису Алексеевичу Голицыну и вышедшая замуж за прямого потомка того же Бориса Алексеевича – князя Федора Сергеевича Голицына (1781-1826), – сумела продлить жизнь фамилии Прозоровских, добившись в 1854 году присоединения её к фамилии своего старшего сына Александра (1807-1898). К сожалению, ненадолго. Всего двум поколениям, а точнее – двум князьям Голицыным – "Алексеевичам" довелось носить фамилию Прозоровский-Голицын. Так получилось, что генерал-лейтенант Александр Федорович Прозоровский-Голицын и его супруга Мария Александровна, урожденная княжна Львова, вырастили единственного сына Александра (1853-1914). И это все. Старшая их дочь Анна (1852 г. рожд.) приняла фамилию мужа – Владимира Михайловича Горяинова, вторая дочь Мария (1854 г. рожд.) также вышла замуж за князя Григория Григорьевича Гагарина. Судьба Ольги – младшей дочери оказалась трагичной. Она в цветущем возрасте по нелепой случайности была отравлена собственным поваром в Зубриловке в 1879 году. Сам же Александр Александрович женился на княжне Марии Петровне Трубецкой, но мужского потомства не оставил и завершил тем самым жизненный путь фамилии князей Прозоровских.

Однако и двух князей Прозоровских-Голицыных оказалось достаточно, чтобы и сегодня время от времени наткаться в самых разных областях на следы их деятельности. Вот, например, перед нами воспоминания московского "пишущего" купца Ивана Андреевича Слонова, впервые появившиеся в 1914 году. Рассказывая о том, что Москве представлялся удобный случай ликвидировать архаические сооружения Охотного ряда, но "отцы города" проворонили его, он пишет: "Г-н Журавлев, владелец Охотного ряда, предлагал городу купить его за 1 500 000 рублей, но городская дума нашла эту цену слишком высокой и отклонила это выгодное предложение. Вскоре после этого Охотный ряд был продан князю Прозоровскому-Голицыну за 2 000 000 рублей" [4]. Точной даты продажи не указано, и пока не удалось совершенно уверенно определить, какой именно из двух князей приобрел Охотный ряд. Из контекста воспоминаний следует, что это скорее был старший – князь Александр Федорович. Но есть некоторая вероятность, что покупку мог совершить и его сын, Александр Александрович, который одно время был гласным Московского губернского земского собрания и мог иметь сведения о предложении Журавлева [5]. В любом случае фамилия Прозоровский-Голицын оказывается связанной с историей Москвы, хотя Охотный ряд при новом владельце никакой заметной реконструкции и не подвергся.

Вообще же основные сведения об Александре Федоровиче так или иначе связаны с его владениями, двумя майоратами – замечательной саратовской Зубриловкой и гораздо более скромным подмосковным Раменским (хотя и расположившимся почти на 20 тыс. гектаров), а также с довольно обычным для знатной фамилии движением по службе – от лейб-гвардии Гусарского полка до императорского двора. В отставку он ушел в звании генерал-лейтенанта. Однако эта часть жизни князя Прозоровского-Голицына известна достаточно хорошо [6], и мы не будем на ней останавливаться. Скажем лишь, что В.П. Старк сравнительно недавно атрибутировал два акварельных портрета работы П.Ф. Соколова из частного московского собрания, числившиеся в качестве портретов "неизвестных лиц из семейства князей Прозоровских-Голицыных". Поэтому мы сегодня можем познакомиться воочию с "рослым, веселым молодцом", как его описывал В.А. Соллогуб [7] – тридцати семи-летним гусарским полковником князем Александром Федоровичем Прозоровским-Голицыным и его будущей женой (а пока невестой) Марией Александровной Львовой [8]. Ну а их любимую Зубриловку, романтическую и блестящую, еще не знавшую страшного погрома, успела навсегда связать с Тарусой еще одна человеческая судьба. Здесь, на высоком берегу Оки нашел свой последний приют Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов, оставивший нам, быть может, самый поэтичный образ Зубриловки [9]. Он ушел из жизни в октябре 1905 года, внезапно, и не успел узнать, что в этот же год и в этот же месяц за одну ночь не стало Зубриловки.

О последнем же владельце этого имения, князе Александре Александровиче Прозоровском-Голицыне можно сказать гораздо больше. Стандартный набор его данных для генеалогической таблицы – действительный статский советник, церемониймейстер, предводитель дворянства балашовского уезда – еще не дает представления о многогранности его личности. Но вот россыпь разных мелких фактов из жизни Александра Александровича. Начнем с того, что он был меломаном и даже являлся товарищем (заместителем) председателя Московского общества любителей оркестровой, камерной и вокальной музыки [10]. При этом можно отметить еще одно случайное, но для меня, например, многозначительное совпадение. Общество это собиралось на Большой Лубянке, в помещении 3-й Московской мужской гимназии, а ведь это была "фамильная" гимназия Ланговых, да и преподавал здесь в это время Александр Петрович Ланговой, младший брат Ивана Петровича Лангового, строившего вместе с князем Александром Николаевичем Голицыным Воскресенскую церковь в Роще [11, 12]. Налицо еще одно, пусть и случайное, пересечение жизненных путей Голицыных и Ланговых.

Насколько Александр Александрович интересовался живописью, сказать трудно. Он унаследовал оставшееся зубриловское собрание и даже перевез в Раменское, а позже в Петербург, куда он в 1902 году перебрался из Москвы, часть портретной галереи и тем

самым спас её от погрома. Из этого собрания известны по крайней мере три портрета кисти западноевропейских мастеров, экспонировавшиеся на различных выставках [13]. К сожалению, более 40 миниатюр, включавших портреты многих членов семей Прозоровских-Голицыных и их родственников, были похищены в Петербурге прямо из письменного стола князя Александра Александровича и распроданы разным антикварам. Многие из них были случайно куплены Великим Князем Николаем Михайловичем. Последний, узнав, что это миниатюры, похищенные у Прозоровского-Голицына, предложил вернуть их ему, но Александр Александрович отказался. Тогда Великий Князь завещал эти работы Музею императора Александра III. Возможно, они сохранились в собраниях каких-либо музеев и до наших дней.

А вот еще одна грань личности Александра Александровича. Он несколько не был чужд построению развитого капитализма с отечественным лицом и в 1902 году размещает во "Всея Москве" свою рекламу по продаже... сена и овса. Обращаться на Ольховскую в дом Перевезенцева к "кн. Прозоровским-Голицыным Александру Александровичу и Марии Александровне" [14]. Очевидно, здесь имеется в виду мать, а не сестра Александра Александровича, поскольку последняя еще в 1875 году стала княгиней Гагариной и проживала в Петербурге [15]. Представляете такую нелепую ситуацию – обращаться за сеном и овсом к церемониймейстеру двора Его Императорского Величества или к его матери, внучке двух знаменитых дедов – архитектора и поэта Н.А. Львова и адмирала Н.С. Мордвинова?! Но в этом свете покупка Прозоровскими-Голицыными Охотного ряда, пожалуй, уже не выглядит столь неожиданной. Однако результаты всей этой коммерческой деятельности были плачевными. Все равно пришлось распродавать по частям Раменское, да и остатки Зубриловки были целиком проданы в казну. Очевидно, Прозоровские-Голицыны стали предпринимателями по нужде, а совсем не по призванию.

Что же касается упомянутой в начале статьи работы А. Прозоровского-Голицына, посвященной Карадагу, её не так то просто оказалось отыскать. Не упоминается Прозоровский-Голицын ни в каких библиотечных каталогах. И все же работа Александра Александровича существует. Называется она "Об изверженных породах горы Карадага в Крыму" и представляет собой статью, опубликованную в 1892 году в Трудах Санкт-Петербургского Императорского Общества Естествоиспытателей [16]. Серьезное это было Общество. Отделение геологии и минералогии возглавлял в нем академик Карпинский А.П., и уровень работ, публикуемых в "Трудах" был соответствующий. Впрочем, это не удивительно. Ведь Александр Александрович окончил Петербургский университет, а позже, после переезда из Москвы в Петербург на постоянное жительство, работал в этом университете, являясь хранителем геологического кабинета [17]. Вот и такая довольно неожиданная грань имела в личности все того же Александра Александровича, и, пожалуй, его вполне можно зачислить в стан Голицыных-геологов, существующий и поныне.

Вот, пожалуй и все. Остается лишь добавить, что после смерти Александра Александровича, последовавшей в 1914 году, фамилия князей Прозоровских-Голицыных еще некоторое время звучала только в женском роде, и я встречал её в адресных справочниках [18], откуда следовало, что к этому времени княгини Мария Александровна (в очень солидном возрасте – она родилась в 1826 году) и её невестка Мария Петровна (на 39 лет моложе) объединились в Петрограде и проживали совместно в доме № 30 на Воскресенской набережной, где и встретили 1917 год.

Примечания.

1. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 489, л. 55.
2. И. Левичев, А. Тимиргазин. Коктебель. Старый Крым. Симферополь. 2003 г., с. 18.
3. Б.Б. Давыдов, А.Ю. Донской. О присоединении к фамилии князей Голицыных фамилии князей Прозоровских. // Материалы IX Голицыньских чтений. Б. Вяземы, 2002, с. 137-139.
4. И.А. Слонов. Из жизни торговой Москвы. (Полвека назад). М., 1914, с. 199.

5. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 год. М., 1901, с. 355.
6. Л.А. Перфильева. Усадьба Голицыных и Голицыных-Прозоровских. // Мир русской усадьбы. М., 1995, с. 226-238. М.Г. Аверьянова. Край Раменский. М., 1995, с. 56-59. В. Верещагин. Разоренное гнездо. // Старые годы. 1908. № 3, с. 133-149. Ф.Ф. Вигель. Записки Филипа Филиповича Вигеля. Часть 2. М., 1892, с. 71-76. Сахаров А.А., Сухова Н.В., Шуткина М.А. Владения князей Голицыных в Бронницком уезде Московской губернии. // Материалы IV Голицынских чтений. Часть 2. Б. Вяземы, 1997, с. 88-91.
7. В.А. Соллогуб. Воспоминания. СПб., 1887, с. 38.
8. В.П. Старк. Портреты и лица. СПб., 1995, с. 177-180.
9. Зубриловка нашла свое отражение в знаменитых картинах Борисова-Мусатова, созданных в 1902-1903 гг: "Гобелен", "Призраки", "Прогулка при закате", "Водоем". К.В. Шилов. Борисов-Мусатов. М., 2000.
10. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 год. М., 1901, столбец 938.
11. Там же, столбец 646.
12. Галутва Г.В. Русские судьбы: Голицыны и Ланговые. // Материалы VIII Голицынских чтений. Часть 2. Б. Вяземы, 2002, с. 39-53.
13. На выставке "Ломоносов и Елисаветинское время" в СПб экспонировался принадлежавший князю Прозоровскому-Голицыну А.А. портрет канцлера А.П. Бестужева-Рюмина кисти Людвиг Токке (1695-1772). [Старые годы. 1912. № 5, с. 23].
На Таврической выставке в СПб был представлен принадлежавший князю Прозоровскому-Голицыну А.А. портрет княгини А.А. Голицыной кисти Карла Фогеля (1788-1868), подписанный и помеченный 1810 годом. [Н. Врангель. Иностранцы XIX века в России. // Старые годы. 1912. № 7-9, с. 34 и 49].
Опубликована также репродукция миниатюры работы известного медальера Якова Рейхеля (1778-1856), на которой изображена супруга фельдмаршала А.А. Прозоровского княгиня Анна Михайловна, урожденная кн. Волконская. [Н. Ротштейн. Некоторые сведения о миниатюристах. // Старые годы. 1911. № 3, с. 50-52].
14. Вся Москва на 1902 год. М., 1902, столбец 1785.
15. Н.Н. Голицын. Род князей Голицыных. Том 1. СПб., 1892, с. 228. Весь Петербург. Адресная и справочная книга на 1913 год. П., 1912, с. 131.
16. Прозоровский-Голицын А.А., князь. Об изверженных породах горы Карадага в Крыму. // Труды СПб. Общества Естествоиспытателей. Т. XXII, вып. 1, 1892, с. 4-10.
17. Весь Петербург на 1903 год. СПб., 1902, с. 539 и столб. 439.
18. Весь Петроград на 1916 год. П. 1915, с. 554. Весь Петроград на 1917 год. П. 1916, с. 559.

ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ БЕЗ ЭЙНШТЕЙНА И КОЗЫРЕВА

БУЛЬВАРНАЯ ИСТОРИЯ

Таруса живет в не остановимом потоке времени, как, впрочем, и весь остальной мир. Но, может быть, не совсем как весь остальной, а как-нибудь индивидуально? Да и что такое, собственно, время? Мы без малейшего колебания и не один раз в день вплетаем в свою речь это слово, такое привычное и вполне будничное. А между тем, время – это одна из сложнейших категорий, над которой не перестают ломать голову поколения ученых, прежде всего физиков и философов. Чего стоят одни взаимоотношения времени с материей и энергией или даже с Абсолютом! А пресловутая однонаправленность «стрелы времени» или его дискретность? Но оставим эти проблемы специалистам и ограничимся вполне ощутимыми житейскими проявлениями времени, столь же важными для нас. Например, таким его свойством, как непрерывное течение, выражающееся в столь же непрерывном изменении всего окружающего, включая и нас самих, хотя последнее и не всегда приятно. Однако кое-что в масштабе человеческой жизни менялось так медленно, что вызвало появление известной фразы: «Все боится времени, а время боится пирамид». Это стоит запомнить, пока же заметим, что чаще всего люди сопоставляли бег времени с течением реки. А река в нашем распоряжении имеется, и далеко не последняя среди себе подобных. Я имею в виду, конечно, Оку. Вот и попробуем восстановить кое-что из того, что довелось увидеть её текучим водам, омывавшим когда-то тарусский берег.

Вообще-то своенравная эта река бежала раньше совсем не здесь, а по Суходревской впадине и долине Протвы, попадая в нынешнее русло лишь около Дракина. Но в один прекрасный момент передумала. Конечно, ей помог ледник, надолго перекрывший суходревское направление. Оке ничего не оставалось, как пропилить себе новый кусок русла – Калужско-Алексинский каньон, хотя мне больше нравится полагать, что она сделала это из любопытства – чтобы посмотреть, а что же там происходит в Тарусе? И смотреть на эту картину Оке не надоело до сих пор. Жаль только, что не умеем мы расспросить Оку, а «Октябрь» в качестве летописца в Тарусе появился совсем не в дни её юности. Придется довольствоваться губернской прессой, время от времени вспоминая о тарусском уезде.

Когда же Ока потекла именно мимо Тарусы, а не некоего безымянного (по крайней мере для нас) городища? Прямое упоминание нашего славного града в летописях приводит нас, как известно, к 1246, а с учетом особенностей летоисчисления того времени – к 1245 году. Однако Таруса несомненно приобрела свое имя гораздо раньше. Это можно довольно уверенно предполагать, а можно опираться и на косвенные свидетельства. Вот «Церковно-историческое описание Суздальских достопамятностей», составленное иеромонахом Иоасафом. Он рассказывает здесь, в частности, об открытии в 1214 году обширной Суздальской епархии, в которую в то время вошла и Таруса, причем уже как весьма значимый населенный пункт. Первый суздальский владыка Симон (1214-1226) даже именовался епископом Суздальским, Владимирским, Юрьевским и Тарусским. А это означает, что время появления Тарусы нужно отодвигать по меньшей мере до второй половины двенадцатого столетия. И тарусяне знали об этом, а в Петропавловском соборе хранилось печатное издание упомянутого «Церковно-исторического описания». И все же точная дата основания Тарусы, подходящая для юбилейных торжеств, по-прежнему остается скрытой в дымке времени, хотя более мелкие здешние события удастся установить с точностью до года.

С тех пор много воды утекло в Оке. Всякое случалось на тарусском её берегу, но мы сегодня видим все это лишь отрывками, пунктирно. Вот перед нами 1855 год. Ока свободно течет мимо Тарусы, не преграждаемая никакими мостами. С берега смотрят на нее Воскресенская церковь и Петропавловский собор, а вблизи собора кипят какие-то работы.

Это тарусский городничий, подполковник Владимир Платонович Ломачевский разбивает на берегу Оки бульвар. Посажено было много деревьев, построена беседка и даже возведена ограда. Трудно сказать, заботился ли Ломачевский в данном случае больше о городе или о себе, но очень любил он потом устраивать чаепития в этой беседке, а пребывал Владимир Платонович в славном граде Тарусе по меньшей мере до 1861 года. Впрочем у нас нет причин обижаться на него, а 1855 год можно считать годом рождения тарусского бульвара. И это ведь только начало вторжения цивилизации в город. Можно себе представить, какого уровня достигнет благоустройство Тарусы лет этак через двадцать.

Но можно и не представлять, – благо, у нас есть возможность посетить реальную Тарусу 1875 года. На первый взгляд особых изменений не видно. Паромная переправа нисколько не мешает Оке столь же свободно омывать тарусский берег, на котором по-прежнему выделяются две доминанты – тарусские храмы. Но вот Калужские губернские ведомости затеяли публикацию материалов под общим названием «Калужская летопись», и в поисках информации дотошный губернский корреспондент в начале 1875 года лично обследовал Тарусу, оставив нам такую зарисовку здешнего городского пейзажа: *«Для меня странным показалось, что город, располагая капиталом, которого бы хватило на учреждение банка, до сих пор медлит ввести у себя освещение. Нет ни одного общественного фонаря во всем городе и обыватели его в темные непроглядные весенние и осенние дни ходят по городским стогнам оцупью. Это единственный в нашей губернии город, который не устроил у себя еще ни одного фонаря. В нем нет также ни бульвара, ни общественного сада, хотя в других городах, исключая Малоярославца, есть или то, или другое. И в Тарусе назад тому около 20 лет был бульвар. <...>. Но выбыл из Тарусы Ломачевский и конец бульвару: разволокли изгородь; деревья погибли, а другие поломали; уцелела одна беседка, теперь ветхая и полуразвалившаяся, которая напоминает о бывшем некогда в Тарусе бульваре и строителе его Ломачевском».* Вот вам и неуклонный рост цивилизации!

Однако нужно отдать должное Тарусской городской управе. Она по каким-то причинам (может быть, после прочтения упомянутой корреспонденции) пришла в смущение и буквально через год выделила на возрождение бульвара 50 рублей. Продолжала это делать она и в последующие годы, постепенно охладевая к подобному занятию, так что к 1894 году бульвару доставались уже 24 рубля 75 копеек. Для сравнения можно сказать, что на очистку площади от навоза и бассейнов от ила и льда выделялись 73 рубля, вознаграждение «городового врача» Ивана Зиновьевича Добротворского за бесплатные советы бедным жителям Тарусы составляло 100 рублей, а наем трубочиста влетал городской казне в 240 рублей. Не удивительно, что состояние возрожденного бульвара соответствовала финансированию. И все же он стал основным и вообще-то единственным развлечением тарусян, причем на многие годы. Лишь в 1897 году, и отнюдь не заботами управы, Таруса обзавелась еще и сквером. *«Слава Богу, что у нас находятся люди, которые кроме своей службы, не имея другого отношения к нашему городу, все-таки заботятся о нем, доказательством чего является недавно устроенный вокруг казначейства и полицейского управления сквер, который украсит не только площадь, но и весь город и не раз заставит городских обывателей сказать спасибо инициатору этого дела Н.Д. Сахновскому».*

Похоже, что нормальный ход времени с некоторым скрипом все же восстановился. А в самом начале XX века уже и Ока в буквальном смысле слова столкнулась с тарусскими нововведениями. Сначала, 8 февраля 1900 года в Тарусе был торжественно открыт новый постоянный мост через реку Тарусу, обошедшийся губернскому земству в 41 тысячу рублей. Сумма по тем временам весьма немалая, и калужские газеты несколько странно отозвались на это событие: *«Новый мост в действительности представляет солидное сооружение, весьма при том полезное, а для такого косо-застывшего городка, как Таруса, пожалуй даже и роскошное».* Однако ободренные подобным достижением тарусяне в этот же день подняли вопрос о постройке еще и плашкоутного моста через Оку, взамен весьма скверно справлявшихся с перевозом двух паромов – этих «ноевых ковчегов», как величали их в

Тарусе. Как ни странно, удалось и это. «13 июня [1903 года] в начале 10 часа утра крестный ход в сопровождении городского духовенства, при многочисленном стечении молящихся, направился к месту торжества. Не доходя нескольких метров до моста, начался молебен, лента у входа была разрезана городским старостою, и крестный ход вступил на мост, где и последовал чин освящения. Живописная панорама открылась здесь глазам зрителя, чудные виды Тарусы и окрестностей поистине достойны кисти художника, прекрасная погода, стоявшая в этот день, дополняла впечатление картины; и под влиянием окружающей природы, чудного июньского дня, под влиянием церковных песнопений под открытым небом, присутствующий невольно погружался в мир иллюзий и хотя на время забывал о неприглядной действительности своей многострадальной преисполненной забот и волнений жизни. Молебствие окончилось, крестный ход отправился обратно к собору. В то же время, вероятно ради убеждения в степени прочности моста, проехала местная пожарная команда, после чего движение по мосту было открыто, со введением в действие таксы за проезд, утвержденной Министерством внутренних дел 10 апреля 1903 года».

Ну, а далее большинству читателей все уже довольно знакомо. Взглянув на Тарусу еще лет пятьдесят спустя, можно обнаружить, что Ока опять беспрепятственно течет по своей тарусской излучине, не натываясь ни на какие мосты, а на берегу уже не возвышаются тарусские храмы. Но время продолжало свою работу, и в 2006 году Ока, все так же свободно омывавшая тарусский берег, снова заметила на нем знакомые силуэты Воскресенской церкви и Петропавловского собора. А вблизи собора, как и полтора века назад, кипела работа. Это реконструировался все тот же бульвар. Не было на нем лишь деревянной беседки, да встала на высоком берегу Марина, существование которой не могла предугадать Таруса 1855 года.

Немного странная получилась история. Стражи времени – египетские пирамиды за весь этот период, как им и положено, почти не изменились, растеряв лишь часть своей облицовки. Таруса же вроде бы непрерывно менялась, но как-то циклично, и к 2006 году по многим параметрам оказалась почти такой же, как в 1855. Мы нисколько не оспариваем того, что время боится пирамид, но похоже, что оно побаивается и Тарусы. Однако не кажется ли вам, что занимать столь особое место во времени Тарусе ни к чему, и стоило бы прервать наш бесконечный бег по кругу, превратив эту замечательную траекторию в простую восходящую прямую. Пусть и не слишком крутую.

Таруса. 11 ноября 2007 г.

ВЕЛИЧАЙШАЯ В ЕВРОПЕ?!

Наша жизнь изобилует всевозможными прописными истинами. Наверное кто-то когда-то эти истины добывал с немалыми трудами, но для нас они давно уже являются житейскими аксиомами, помогающими ориентироваться в этом мире, как крепко вкопанные верстовые столбы. Между тем иногда не грех и покачать такой столб, проверить на прочность.

Возьмем, например, одну из таких истин – со школьных лет вырубленное в памяти многих поколений утверждение: «*Волга впадает в Каспийское море*». Казалось бы, какие в этом могут быть сомнения? Ведь и действительно, начинаясь небольшим ручейком на болотистой равнине Волхонского Бора вблизи тверской деревни Волго, Волга пробегает 3530 км и, став попутно самой крупной рекой Европы, без всяких колебаний впадает в это самое Каспийское море. Но вот незадача – по дороге она вбирает в себя множество притоков, причем один из них, а именно наша Ока, встретившись с Волгой в Нижнем Новгороде, как раз и вызывает разные сомнения и вопросы. И прежде всего такой: почему река ниже их слияния, носившая в средневековье имя Итиль, а еще раньше – Ра, получила современное имя Волга, а не Ока? Ответить не так просто, поскольку не существует твердо установленных правил, однозначно определяющих выбор названия реки, образовавшейся в результате слияния двух близких по размеру притоков. И все же в таких случаях практически всегда сохраняется имя более крупного из них, который, собственно, становится уже не притоком, а начальным участком главной реки. А вот в нашем случае это имя не сохранилось – ведь более крупной является как раз Ока. Начинаясь на границе Курской и Орловской областей (она вытекает из двух источников – Оки и Очки, у деревень Очкиной и Александровки), Ока до слияния с Волгой в Нижнем Новгороде проходит около 1500 км, что превышает соответствующую длину Волги более чем на 200 км. Несколько длиннее и судоходная часть Оки.

Таким образом, если придерживаться общепринятых критериев, придется признать, что это именно Ока, а не Волга, впадает в Каспийское море, причем общая длина такой реки составляет около 3750 км – абсолютный европейский рекорд! Нисколько не меняет ситуацию тот факт, что у Волги имеется и более крупный, чем Ока, приток – Кама, длина которой достигает 1805 км. Дело в том, что Кама впадает гораздо ниже по течению и оказывается короче Волги (и уж тем более Оки), измеряемой от истоков до впадения Камы.

Однако оставим цифры. Мы и так уже дорассуждались до того, что пора принимать какие-нибудь меры по ремонту собственной репутации. Чтобы как-то отделаться от подозрений в гипертрофированном местном патриотизме, доводим до сведения читателей, что впервые извлек откуда-то эту неудобную Волго-Окскую проблему совсем не сегодняшней номер «Октябрь». Почти веком ранее, в 1910 году, задался этим же вопросом известный в то время писатель и журналист Петр Оленин-Волгарь. Обратите внимание – Волгарь, а не какой-нибудь Окарь! Волгарем же он прозывался не зря, поскольку сфера его интересов охватывала прежде всего Поволжье. Оленин-Волгарь сегодня практически забыт, и одна из основных причин этого в том, что он являлся автором главным образом статей в периодических изданиях, а также путеводителей для путешествующих по рекам бассейна Волги, то есть не слишком долго живущей продукции. Однако кроме действительно быстро устаревающих расписаний движения пароходов эти путеводители содержали также его замечательные очерки с множеством сведений как по географии, так и по истории прибрежных мест. При этом перед очерком Оленин неизменно ставил эпиграф: «*Изучение родины – долг гражданина!*». Не знаю, откуда он его взял, но этот эпиграф вполне актуален и сегодня. Главное же – Оленин-Волгарь прекрасно знал свой предмет, и тем важнее, что именно он твердо решил нашу дилемму в пользу Оки. А чтобы не возникали какие-либо исторические, географические, гидрологические и прочие сомнения, исследовал проблему с разных сторон и привел целый ряд дополнительных доводов.

Вот один из них. *«Волга до самого г. Нижняго от Городца на протяжении 33 верст является настоящей луговой рекой и течет в низменных берегах. Человек, не знающий географии, глядя с нижегородской горы на слияние обеих рек, Оки и Волги, непременно скажет, что Волга впадает в Оку, а не наоборот. Слияние это происходит под прямым углом, причем река, служащая продолжением Оки, не изменяет своего направления, Волга же около Нижняго делает поворот почти под прямым углом. Характер берегов Оки и нынешней Волги ниже Нижняго совершенно одинаков, и это сходство можно проследить на очень далекое расстояние. Берега же Волги выше Нижняго значительно разнятся с ее берегами ниже Нижняго, и не только по своим ландшафтам, но и по геологическим свойствам, а также и по роду растительности. Непредубежденный наблюдатель, продолжая путь с Оки на Волгу, непременно признает Волгу продолжением Оки по одному только виду берегов».*

В свое время и мне довелось прожить в Горьком около двух месяцев и каждый день оказываться на слиянии Волги и Оки. Я так и не привык тогда надежно различать, которая же из них главнее. Все это происходило еще в стране под названием СССР, я же являл собою в то время студента Новочеркасского политехнического института, отбывавшего преддипломную практику на Горьковском автозаводе. Ни единой мысли о каких-либо речных переименованиях я, естественно, не вынашивал и грядущего возникновения Тарусы в своей жизни не предвидел, то есть со всех точек зрения был как раз этим самым «непредубежденным наблюдателем».

И это еще не все. Обратил Оленин внимание и на гидрологический режим двух рек. Вскрытие Волги ниже Нижнего Новгорода обычно являлось продолжением вскрытия Оки. При этом на Оке и нижней Волге, как на единой реке, открывалась сквозная навигация, в то время, как верхняя Волга еще оставалась скованной льдом. Конечно, в наши дни гидрология изменена появившимися водохранилищами, но это нисколько не умаляет значения приведенного довода для решения нашей проблемы.

Отмечены были и некоторые геологические особенности. *«Свойствами своего дна Волга от Нижняго более подходит к Оке, чем к Волге выше Нижняго. Вся Волга от своего истока и почти до Нижняго изобилует каменными перекатами; на Оке и Волге от Нижняго перекаты песчаные, а каменистые – исключение».* И действительно, Оленин верно усмотрел разницу в условиях формирования речных русел. Кристаллический щит Русской платформы, поднимающийся к северу (в районе Ладоги он вообще выходит на современную поверхность, и мы можем любоваться, например, на Валааме целой каменной симфонией), углубляется в средней части, да к тому же и ледники доставили, например, на тарусскую землю гораздо меньше каменного сырья, чем на тверскую. Для переработки в песчаные косы худо-бедно хватало, а на каменистые перекаты – не очень. В результате Ока и нижняя Волга оказались в примерно одинаковых условиях.

Ну и, наконец, топонимика – свидетельства человеческих миграций и связей, донесенные до нас в названиях прибрежных селений. *«На обеих реках многие названия сохранились от седой древности. И вот оказывается, что одни и те же названия местностей одинаковы на Оке и нынешней Волге ниже Н. Новгорода: на Оке есть Рязань, с. Копоново, д. Исады, г. Муром ..., на Волге, ниже Самары есть село Рязань, ниже Царицына д. Копоново, около Лыскова с. Исады, против Нижняго Муромский затон».* Я даже не пытался расширить этот оленинский перечень, поскольку доводов и так уже более, чем достаточно. При желании читатели могут подобный список дополнить.

Мы же на этом, пожалуй, поставим точку. Предъявленные аргументы столь увесисты, что представляется совершенно невозможным оправдать присвоение имени «Волга» нашей главной реке. С таким выводом трудно не согласиться, но что же в этой ситуации нам делать дальше? Может ли газета «Октябрь» могучей властью главного редактора объявить, что с сегодняшнего дня величайшей рекой Европы является Ока? Ну, газета то, пожалуй, может, только довольно легко можно спрогнозировать и результат этого подвига, напоминающий достижения известного незадачливого петуха: прокукарекаем, а там хоть и не рассветай. Это

ведь не переименование улицы Ленина обратно в Калужскую. К тому же у защитников Волги тоже найдется свой аргумент. Довольно жалкий, но, вероятно, непреодолимый – срок давности. Волга стала Волгой достаточно давно, чтобы это успело отразиться на всех сторонах и даже трещинах нашей жизни. Так что, если мы решим настаивать на переименовании Волги в Оку, нам придется подумать и еще о нескольких вытекающих отсюда изменениях. Ну, Волгоград в Окаград мы еще как-нибудь переделаем – этому городу не привыкать к переименованиям, но ведь придется заново и притом талантливо сочинить сотню-другую песен, пословиц, частушек, изменить без ведома авторов множество названий известных картин и т.п. А если попадутся слова народные, то каким способом их быстренько менять? Тут ведь и срочно принятый Думой закон, пожалуй, не поможет. А еще, похоже, придется подчищать кое-что в такой неуловимой субстанции, как собственный российский менталитет.

Нет уж, лучше всего этого и не начинать. Лучше, пожалуй, этот очерк прочитать и спрятать. И никому о нем не рассказывать. Но когда вы будете прогуливаться по Цветаевскому бульвару (название совершенно неофициальное, но как-то сей бульвар ведь нужно называть, да и с Мариной Ивановной именно здесь можно теперь поговорить в любую погоду), поглядывайте на Оку и гордитесь – вы-то теперь знаете, что и без всяких формальных переименований Тарусу омывает не банальный и притом не самый крупный приток Волги, а величайшая река Европы. Гораздо крупнее Дуная, а уж Рейн-то и вообще в три раза меньше нее. И будьте уверены – так оно и есть.

Таруса. Январь 2008 г.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Много следов оставили князья Голицыны на русской земле. Не обошли они своим вниманием и тарусский уезд, приближаясь к нему с разных сторон. В 1589 году было пожаловано князю Андрею Ивановичу Голицыну поместье в заокском селе Подмоклове, несколько позже невдалеке, в селе Таширове на Наре, можно было обнаружить князя Алексея Андреевича Голицына, родоначальника ветви «Алексеевичей». И совсем прочно обосновались Голицыны в Тарусском уезде с 1682 года, когда князь Василий Васильевич «Великий» приобрёл село Рошу, а с 1697 года и Рощей, и соседним Барятинным владеет уже «дядька» Петра I – князь Борис Алексеевич Голицын. С этих пор более двух веков непрерывно принадлежали эти места прямым потомкам последнего.

Однако первые ли это Голицыны, с которыми повстречалась тарусская земля? И сохранила ли она память о такой первой встрече? Не сразу удалось ответить на эти вопросы. Ничего не говорили о подобной встрече никакие доступные изучению вещественные свидетельства, эти видимые сегодня следы прошлого. Между тем на территории голицынской вотчины имелись и следы, которые можно назвать «невидимыми». Совсем недалеко и от Роши, и от Барятина с незапамятных времён живёт один символ из страны топонимики, чудом дошедший до нас через все российские смуты, войны и революции. Звучит он довольно странно и даже как-то легкомысленно, без какого-либо аромата старины – «понедельник». Так называют местные жители почти не заросший лесом участок поля в излучине Тарусы, у места впадения в неё речки Роши. Но беда в том, что устное предание донесло до нас только географическую привязку этого «понедельника», растеряв по дороге сведения о причине такого названия. Время между тем шло, старожилы, такие редкие в наше время, уходили молча, а никаких надежд на то, что кто-нибудь пару-тройку веков назад записал это предание, я не питал, поскольку полагал, что мы имеем дело с каким-то сугубо местным событием. Но я ошибся – это окно в прошлое не захлопнулось.

Итак, если «понедельник» является одним из символов, населяющих страну топонимику, то его значение возрастает многократно – ведь это один из редких первоисточников, он может донести до нас сведения, отсутствующие даже в летописях. Однако этот непосредственный свидетель нашего прошлого упорно молчит, потому что наши предки когда-то в житейской суете потеряли ключи к передаваемой им информации. Однако оказалось, что мы, как это часто бывает, недооценили своих «легкомысленных» предков, и сегодня, именно благодаря им, можем вновь обратиться к исследованию загадочного тарусского «понедельника». Причем прямо на этих страницах.

Начнем с цитаты. Не так давно, в 2006 году, в книге «Точка на Русской равнине» я собственноручно начертил: *«Понедельник. Так называют небольшой прибрежный участок леса недалеко от Фатьянова, вблизи впадения речки Роши в Тарусу. Но почему? Ничего внешне особенного там нет, а с объяснениями в виде устных преданий пока получается плохо. Я, правда, знаю три смутных легенды, связанные с этим местом, но они не образуют какой-либо области совмещения, а провести сколько-нибудь широкий опрос не удастся – очень трудно находить настоящих старожил».*

Звучит безнадежно. Но похоже, что сегодня, всего три года спустя, мне придется существенно корректировать эти свои утверждения.

Естественно, с наличием старожил в окрестностях Тарусы к 2009 году лучше не стало. Даже наоборот. Уже и сам тот факт, что сохранилась хотя бы часть предания, передаваемая из уст в уста сквозь века, и донесшая до нас это странное древнее название не населенного участка местности, выглядит почти чудом. Но чудеса не склонны случаться сериями, и казалось почти несомненным, что происхождение этого названия навсегда останется для нас тайной, унесенной когда-то с собой неким последним, знавшим её, местным жителем.

Между тем время куда-то утекало, пришлось махнуть рукой на безнадежные поиски старожилов, и при любой возможности производить «раскопки» в различных письменных источниках, уповая на то, что кому-нибудь все же пришло в голову пару – тройку веков назад записать это предание, сделать его уже не столь хрупким. Надежда была слабая, поскольку речь, скорее всего, шла о каком-то местном событии. Но вот, в одном из номеров «Калужского епархиального вестника» за 1893 год, я наткнулся на рецензию небольшой книжки некоего А.И. Георгиевского, посвященной истории иконы Божьей Матери «Взыскание погибших» из села Бор. В рецензии этой, между прочим, сообщалось, что *«автор означенной книги старался свою главную тему о селе Бор осветить исторически в связи с целю долиною реки Протвы, а эту последнюю местность – в связи не только с историей Московского княжества, но и временами еще древнейшими»*. Фамилия автора мне ни о чем не говорила, но под рецензией стояла соблазнительная подпись: «М. Из-въ». А эти несколько букв с большой вероятностью означали, что рецензию составил статский советник Михаил Сергеевич Извеков – он частенько так подписывался. Можно привести много характеристик Извекова: сын простого псаломщика, выпускник С-Петербургской духовной академии, преподаватель истории Калужской духовной семинарии (хотя ему доводилось преподавать и арифметику, и географию), кандидат богословия, автор ряда работ по истории церкви. Однако для нас самое главное то, что исследования его во многом перекликались с деятельностью КУАК – Калужской ученой архивной комиссии, и любое его сообщение, как уже приходилось убеждаться на практике, заслуживало внимания. Значит, и книгу Георгиевского нужно было искать.

Конечно, эта редкая старая книга сегодня найдется не в любой библиотеке. Но московская ГПИБ или, говоря языком человеческим, «историчка» – замечательная библиотека, как по своим фондам, так и по доступности. Именно здесь хранится, а вернее – живет и работает основная часть Голицынской библиотеки, а также многие книги из барятинского собрания князей Горчаковых. На стеллажах «исторички» дремлют, ожидая своего часа, и еще множество забытых тарусских имен и историй. Вот только не существует такого каталога, где, скажем, под литерой «Т» можно было бы найти все эти искорки тарусской истории, рассыпанные под самыми непредсказуемыми заглавиями по страницам легиона книг, журналов и газет. Но сегодня у нас есть один конкретный адрес, и к тому же нам повезло – жизнеописание села Бор, в кои-то веки кому-то понадобившееся, оказалось в наличии. Правда, в одном экземпляре, находящемся в отделе редких книг. Это единственный отдел, двери в который всегда закрыты изнутри, а излишне любознательные читатели ни под каким видом не могут выносить отсюда книги в другие читальные залы.

Заказывая книгу, я, конечно, попытался собрать какие-то сведения об её авторе, но не слишком в этом преуспел. Правда, удалось установить, что жил в это время писатель и государственный деятель с подходящим именем – Александр Иванович Георгиевский (1830-1911). Окончил он Московский университет, занимал кафедру всеобщей истории в одесском Ришельевском лицее, а в 1873-1898 годах был уже председателем ученого комитета и членом совета министра народного просвещения и вообще оказался больше известен не как историк, а как один из главных деятелей по введению системы среднего образования в России. Среди его основных трудов очерк о селе Бор не упоминается. Это порождает известные сомнения, хотя, конечно, не является окончательным приговором. Ну да Бог с ним, оставим его в качестве основного подозреваемого в авторстве и обратимся непосредственно к книге.

И вот я сижу в небольшой комнате для читателей отдела редких книг перед удобной наклонной подставкой, позволяющей раскрывать старинные фолианты без особого урона для них. А в руках у меня – работа Александра Ивановича Георгиевского, и взираю я на нее, нужно сказать, с некоторым удивлением. Тонкая книжица (чуть больше 100 страниц), изданная в Киеве в 1893 году, с характерным длинным названием: «СЕЛО БОР (ТАРУССКОГО УЕЗДА, КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ), ПРИХОДСКИЙ ХРАМ И ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ». Историко-археологический очерк». Листы соответствуют своему возрасту – пожелтевшие и хрустящие.

Все довольно привычно, но вот обложка... Вместо тонкой и столь же пожелтевшей, приличествующей данному изданию, она – толстая, покрытая синим коленкором с рельефным названием, как у солидного тома какой-нибудь энциклопедии. И это еще не все. Книги ведь попадают в библиотеку разными путями, далеко не всегда прямо из типографии или издательства. Наш экземпляр, по-видимому, проделал свой индивидуальный путь, и это на нем отразилось. Прежде всего, книга имеет дарственную надпись, причем такую, какой я никогда не видывал. Прямо на коленкоровой обложке, в правом нижнем углу золотым тиснением нанесена надпись «ОТ АВТОРА». Вероятно, Георгиевский сразу заказал несколько таких коленкоровых подарочных экземпляров. Кому достался наш, не совсем понятно, так как претендентов как минимум двое. На развороте красуется штампик «Из книг Бочкарева», а ниже фиолетовыми чернилами начертана конкурирующая надпись «Проф. С.В. Безсонов». О Бочкареве трудно что-либо сказать, а вот профессор Безсонов (позже он стал писаться по новой орфографии – Бессонов) довольно известен. Был Сергей Васильевич профессором Московского архитектурного института и хорошо знал калужские края. Его перу принадлежат, например, такие работы, как «Калужский гостиный двор» или «Классицизм в калужском деревянном зодчестве». Книга Георгиевского могла представлять для него определенный интерес.

Однако оказалось, (как я, впрочем, втайне и ожидал, надеясь на Извекова), что и для нас исторический очерк Георгиевского чрезвычайно интересен. Одну часть его изысканий, пожалуй, необходимо процитировать полностью. В разделе «Краткие исторические сведения о долине реки Протвы» Александр Иванович пишет:

«<...> Таким первым князем Оболенским был правнук Юрия Михайловича, внук Константина Юрьевича и сын Ивана Константиновича, князей тарусских и Оболенских, – Константин Иванович. Защищая свою волость при нашествии на Москву литовского князя Ольгерда, он в 1368 г. пал в бою на речке Хохле (ныне протекающей через с. Троицкое и впадающей в Протву), оставив после себя трех сыновей: Семена, Ивана и Андрея. Великому князю московскому Дмитрию Иоанновичу Донскому удалось, отразив Ольгерда, возвратить разрушенный им город Оболенск в руки его законных обладателей [1]. Но за то они потеряли свою прежнюю самостоятельность. По крайней мере в 1375 г., на войне великого князя Дмитрия Донского с тверским князем Михаилом Александровичем, Иван Константинович, князь Оболенский, и старший брат его Семен Константинович, князь тарусский, являются уже на стороне Дмитрия, «как один человек с ним», иначе говоря: теперь, продолжая владеть своими родовыми поместьями, они должны были уже признать над собою власть великого князя московского, сделаться его присяжниками. Равным образом и их многочисленные потомки, удерживая за собою лишь титул князей и свои родовые имения, являются на службе русскому государю, как его подданные, – несут самые разнообразные должности на правах русских бояр или дворян. Не потерял своего значения только самый Оболенск. Оставаясь вместе с прилегающею к нему областью в руках князей Оболенских и весной 1563 года удостоившись посещения самим царем Иоанном Васильевичем Грозным, он до самых времен Екатерины II продолжал быть городом и только тогда, с введением «учреждения о губерниях», был упразднен и переименован в село.

[1]. Это-то событие и послужило, кажется, поводом к установлению местного праздника, так называемого «**молящего понедельника**» [выделено здесь и далее мной – Г.Г.] или, что то же, «**потайного Георгия**». По местному преданию, жители княжества Оболенского, готовясь к отражению литовцев, усердно молились пред иконою святого великомученика Георгия, явившегося во сне самому Оболенскому князю, – молились в не существующем уже теперь селе Бабине (в 2-3 верстах на юг от села Оболенского, на большой дороге, ведущей из г. Алексина в г. Боровск), где был в то время храм во имя этого святого. И молитва их была не напрасна: благодаря ходатайству и заступлению св. великомученика пред престолом Всевышнего, они свергнули с себя ненавистное, хотя и кратковременное, чужеземное иго. Это случилось в первый день Петрова поста,

т.е. в понедельник. Вот почему и то место, на котором, вероятно, происходила решительная битва и которое лежало на одной дороге с селом Бабиным (в 4-5 верстах от нынешнего села Татьянинского, на берегу р. Тарусы) получило в народе прозвание «понедельника». Вот почему и этот день, по единогласному решению благодарных оболенцев, тогда же был навеки посвящен ими молитвенному прославлению великомученика Георгия. Ежегодно в этот понедельник в церквах села Оболенского (Николаевской – издревле и Успенской – с недавнего времени) правится служба великомученику Георгию; по окончании литургии бывает крестный ход на колодезь вблизи р. Обольянки; здесь совершается водоосвящение и, затем, собирается небольшая ярмарка. Подобным же образом празднуется этот понедельник в селах Гостешеве и Поводове, Тарусского уезда, и Спасе на Прогнани, Боровского уезда; в последнем, кроме того, крестьянки приносят в дар св. Георгию, как покровителю скота, овечью волну и купают в реке (после погружения в нее креста) больных детей. Теперь нетрудно понять и смысл другого наименования этого праздника «потайный Георгий»: он празднуется сверх обычного – минейного или уставного чествования великомученика Георгия в упомянутых селах, имеющих во имя его свои придельные храмы, в селах Оболенском и Гостешеве – 23 апреля и в Спасе на Прогнани – 26 ноября»

Вот такую бесценную информацию донес до нас Александр Иванович Георгиевский. Конечно, ему было хорошо. В конце XIX века шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на старожилы, а в ризницах еще не разрушенных храмов хранилось множество различных исторических документов, вплоть до рукописных «столбцов». И все же, несмотря на это заведомое обилие источников, давайте попытаемся в пределах наших сегодняшних возможностей проверить надежность этих, столь важных для нас сведений, сообщаемых Георгиевским.

Начнем с того, что доходившее до меня ранее смутное предание связывало «понедельник» с церковью, якобы ушедшей здесь под землю именно в этот день недели. Однако никаких карстовых явлений в этом месте не обнаруживалось, и ни малейших сведений о когда-либо существовавшем здесь селе или храме найти не удавалось. Пришлось от этой версии отказаться. Но ведь и у Георгиевского события начинаются в некоем не существующем селе Бабине. Может быть, его и не было здесь? Прямого упоминания этого села где-либо, кроме книги Георгиевского, сразу найти не удалось. Но можно было попытаться подойти и с другой стороны. Известно, что многие населенные пункты имеют названия, связанные с реками, у которых они расположены. Как, например, Таруса, Роща или тот же Оболенск. Если же учесть тот факт, что названия рек и других водных объектов (так называемые гидронимы) живут гораздо дольше наименований городов и сел, то имеет смысл при отсутствии самого села поискать соответствующий гидроним.

С этой целью возвратимся к уже упоминавшейся «Точке на Русской равнине», которая была задумана не только, как описание конкретной части тарусской истории, но и как некое вспомогательное средство для местных краеведческих изысканий вообще. Поэтому в нее были включены обширные приложения, в том числе карта времен Генерального межевания и максимально полный перечень гидронимов прежнего, еще не обстриженного со всех сторон, тарусского уезда. Перечень этот охватывает и нужную нам территорию, и в нем под № 14 мы сразу же обнаруживаем **Бабин овраг** – левый приток небольшой речки Колышевки, впадающей в Протву. Конечно, это можно было бы отнести и к случайным совпадениям, но при проверке географического положения сего подозрительного оврага оказалось, что он находится именно там, где Георгиевский поместил село Бабино – примерно в 3 км южнее села Оболенского. А это на случайность уже никак не спишешь.

Пойдем далее. Упоминаемые Георгиевским имена князей и события, в которых они участвуют, полностью соответствуют надежно установленным историческим данным.

Константин Иоаннович, князь Оболенский (XV колена от Рюрика) действительно погиб в сражении с Ольгердом в 1368 году на речке Хохле, речка же эта, хотя и превратилась ныне в Хохоловку (№ 332 в упомянутом перечне), по-прежнему впадает в Протву у села Троицкого. Летописи подтверждают и участие его сыновей, князей Семена и Ивана, в походе Дмитрия Донского в 1375 году на тверского князя Михаила Александровича. Великомученик Георгий, согласно преданию, перед сражением с литовцами явившийся во сне «самому князю Оболенскому» – приснился, вероятно, среднему брату Ивану Константиновичу. Правда, и Семен, и Иван прожили после этих событий недолго – они оба погибли на Куликовом поле в 1380 году, участвуя в сражении в составе дружин Дмитрия Донского. Следующим князем Оболенским стал их младший брат Андрей Константинович. Однако все это еще впереди, пока же князь Иван не знает своей участи и готовится мстить за отца вместе с дружиной московского князя Дмитрия Иоанновича (также еще не знавшего, что он станет Донским), а мы по-прежнему не находим противоречий между преданием и историческими фактами.

Остается еще один важный вопрос – оставило ли это сражение на берегу Тарусы какие-либо летописные следы? К сожалению, точная дата битвы Георгиевским не приведена. Пока мы знаем лишь, что это было между 1368 и 1375 годами. Найти ответ не так просто. Хотя участвовавший в этом сражении московский князь носит звонкое имя Дмитрия Донского, мы не слишком подробно знаем события этого времени. Но, с другой стороны, у нас есть еще и Ольгерд, тоже оставивший в истории весьма заметные следы. К ним мы и обратимся.

Ольгерд, хотя и носил языческое имя, не забывал именовать себя «Великим князем литовским и русским». И имел на это все основания, поскольку среди его подданных русских было гораздо больше, чем литовцев. Поэтому сражения с ним носили в большой степени братоубийственный характер, а прославлять великих героев подобных битв в народе не было принято. Мы, соответственно, и не знаем в это время никаких Добрыней Никитичей, хотя геройские поступки, наверное, встречались и здесь. Такое прискорбное обстоятельство существенно затемняет для нас этот период. Но подобное кровавое соперничество с Ольгердом, а также и с различными вполне русскими князьями, сидевшими на своих независимых клочках земли и стремившимися любой ценой расширить их, происходило в течение всего времени собирания русского государства – такова печальная реальность. Что же касается набегов Ольгерда, то в особо интересующий нас период известны три волны «литовщины». Что вызвало эти волны? Чтобы это понять, обратимся к русскому XIV веку в целом.

12 октября 1350 года. В Москве родился князь Дмитрий Иоаннович. Не успел этот внук Ивана Калиты насладиться детскими играми, как его в девятилетнем возрасте усадили на престол вместо умершего отца – великого князя Иоанна II. И начатый Иваном Калитой и Симеоном Гордым процесс собирания русских земель вокруг Москвы продолжился. Но пока не в связи с юными помыслами Дмитрия, а прежде всего потому, что этого курса твердо придерживались фактически правивший в это время митрополит Алексий и его друг, заслуживший всеобщее уважение преподобный Сергей Радонежский, игумен Троицкого монастыря. А желающих помешать этому объединительному движению хватало всегда. Вот суздальский князь Дмитрий Константинович, надеясь на малолетство своего московского тезки, быстренько выхлопотал себе в Орде ярлык на великое владимирское княжение. От такого ярлыка не отмахнешься – Москва ведь пока ходила под Ордой, и Алексею пришлось благословлять на княжение Дмитрия Суздальского. Но продлилось оно меньше трех лет. В Орде разгорелась собственная междоусобица, ханы стали меняться один за другим, и Москва сочла полезным отправить туда свое посольство во главе с десятилетним Дмитрием. Опасный этот визит окончился благополучно: очередной хан Мурут признал великим князем владимирским малолетнего Дмитрия Иоанновича. Однако Дмитрий Константинович не пожелал с этим согласиться, поскольку хан не подкрепил свой ярлык воинской силой. Тогда митрополит и бояре посадили на коня быстро мужающего от такой жизни уже одиннадцатилетнего Дмитрия и во главе сильного отряда отправили на Владимир. Это

показалось Дмитрию Константиновичу столь убедительным, что он без боя сдал позиции, а вскоре даже заключил союз с Москвой и скрепил его браком – выдал за Дмитрия свою дочь Евдокию.

В 1367-68 годах Дмитрий Иоаннович уже проявляет себя и как зрелый стратег – он обносит Кремль мощной белокаменной стеной, впервые так открыто нарушая запрет Орды, которая даже и деревянные укрепления вокруг русских городов требовала срывать. Но Орде пока не до Москвы, и Дмитрий Иоаннович уже более спокойно продолжает дело объединения русских земель. Начинает, конечно, с наиболее опасной Твери. Тверской князь Михаил Александрович вынашивал честолюбивые планы и заранее постарался обзавестись могучим союзником, выдав замуж за Ольгерда свою сестру Ульяну. И вот тут мы сталкиваемся с событиями, которые вызывают у нас сегодня двойные чувства. Мы понимаем и поддерживаем цель Дмитрия, но как оценивать средства, которые он иногда использовал? Вероятно, в его время все это воспринималось иначе. Судите сами.

Военная поддержка Литвы позволяла князю Михаилу не опасаться Москвы. Тогда митрополит Алексей предложил Дмитрию Иоанновичу действовать хитростью. И князь согласился. Митрополит вызвал Михаила в Москву якобы на третейский суд для улаживания разногласий Михаила Тверского с удельным князем Василием Кашинским. При этом Алексей гарантировал безопасность Михаила. Тверской князь поверил и прибыл в 1368 году в Москву без своих дружинников, но был здесь схвачен и посажен в тюрьму. Это вызвало негодование в Литве, да и среди тверичан. Правда, Дмитрий Иоаннович вскоре выпустил Михаила, но при этом заставил его отдать город Старицу и признать себя вассалом Москвы. Вернувшись в Тверь и, пожалуй, справедливо считая себя вероломно обманутым, Михаил Александрович немедленно отказался от своих вынужденных уступок и тут же обратился к Ольгерду за помощью. Последний охотно откликнулся, поскольку это совпадало с его устремлениями, и вот вам результат – в этом же 1368 году по междуречью покатила первая волна «литовщины», накрыв собою прежде всего тарусскую землю.

Князь Константин Иванович Оболенский погиб именно в эту первую «литовщину». Нужно сказать, что Ольгерд был великим мастером скрытного подвода своих дружин – «велика рать, но ходи как тать». Он вполне современно считал внезапность половиной победы, и о его планах до самого конца не знали не только соперники, но и свои. В первую «литовщину» это ему вполне удалось, и у князя Оболенского, наверное, не было никаких шансов отразить его нападение. После этого Ольгерд беспрепятственно дошел и до Москвы, куда пришлось отступить князю Дмитрию, не успевшему из-за стремительности литовской рати собрать достаточное войско. Впрочем, осадив Москву, Ольгерд так и не решился на штурм, опасаясь огромных потерь, поскольку перед ним стояли весьма своевременно возведенные Дмитрием неприступные стены. Через четыре дня, зимой 1368 года, Ольгерд отправился в свои пределы. Но отправился с большим шумом, грабежами населения и уничтожением любых строений по дороге. Никаких сражений с более или менее крупными отрядами ему при этом вести не пришлось, то есть 1368 год для нас отпадает.

Между тем Дмитрий Иоаннович вскоре вновь занялся своим Карфагеном – Тверью. Ему удалось отобрать города Зубцов и Микулин у князя Михаила. Последний, как и следовало ожидать, снова обратился за помощью к своему зятю и запустил новую «литовщину». Зимой 1369 года Ольгерд повторно осадил Москву, однако в этот раз Дмитрий успел подготовить для него неприятный сюрприз. Он договорился со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, князем серпуховским, чтобы тот, надеясь на крепость московских стен, без особой спешки собрал достаточно сильную рать и подошел к литовцам извне, с тыла. Князь Владимир так и сделал, Ольгерд же, безуспешно протоптавшись у стен Кремля восемь декабрьских дней, вдруг обнаружил за спиной серпуховское войско. Это было уже столь опасно, что ему пришлось быстренько предлагать Москве «вечный мир», но в ответ Ольгерд получил согласие лишь на временное перемирие. Пришлось принять и его и, в отличие от первой «литовщины», тихо-тихо отходить, запретив войскам брать даже куриное яйцо, если оно и само выкатится на дорогу. Столь же деликатно пришлось отводить

свое войско и союзнику Ольгерда – тверскому князю Михаилу Александровичу, не преминувшему поучаствовать в нападении на Москву. Это значит, что для нас отпадают и 1369-70 годы.

Чтобы спокойно унести ноги во время второй «литовщины», Ольгерду пришлось ко всему прочему пообещать больше не заступаться за Тверь и выдать за Владимира серпуховского свою дочь Елену. Дочь он действительно выдал, однако от своих притязаний на главную роль среди русских княжеств отказаться не захотел и через три года вновь двинулся со своим войском между Угрой и Протвой. Здесь, вблизи Любутска, (т.е. в калужском уезде) 12 июня 1373 года он опять соединился с ратью тверского князя Михаила Александровича. Ольгерд полагал, что ему, как и в прежние времена, удалось все это проделать скрытно, но на этот раз ошибся – его действия в третью «литовщину» непрерывно отслеживались русской разведкой. И впервые так далеко ему навстречу вышел московский князь Дмитрий Иоаннович. В летописях не уточняется, где конкретно сошлись рати, но калужский уезд начинался в десяти верстах от «понедельника», да и многое совпадало с событиями, описанными Георгиевским. Для русской рати набег Ольгерда в этот раз не был внезапным, и она имела возможность подготовиться к битве (по Георгиевскому – даже отслужить молебен в Бабине). Рать возглавлял Дмитрий Донской (и по Георгиевскому тоже). А вот как описывает само сражение Ю.М. Лощиц, один из основных биографов Дмитрия Донского:

«Зная, что Ольгерд всегда любит навязать собственные условия боя, Дмитрий постарался предупредить противника и первым нанес удар по сторожевому литовскому полку. Удар наносился наверняка, превосходящими силами, и этот риск оправдал себя. Молниеносный и полный разгром сторожевого заслона отозвался в стане Ольгерда смятением. Такой решительности от Дмитрия никак не ждали. Может быть, задним числом литовец и укорял себя за то, что переусердствовал в опасливости, но сейчас собственное положение представлялось ему настолько неприятным, что, с трудом наведя порядок в полках, он приказал отводить их за глубокий овраг. К счастью для него, москвичи не догадались тут же нанести второй удар. Рати заняли противоположные берега обрывистого, поросшего лесом оврага, и таким образом нечаянно возникло нечто наподобие перемирия; та из сторон, которая бы отважилась преодолеть препятствие, ни за что не была бы допущена на другой берег оврага, – его дно стало бы для нее готовой могилой.

Стояние длилось несколько дней. Для Дмитрия в этом стоянии не было ничего унижительного – не он пришел разбойничать в чужую землю. Он оберегает свои пределы – и только. А вот Ольгерда вынужденное бездействие на виду у московской рати удручало донельзя. Получалось, что каждый его последующий приход в междуречье (а сейчас даже и не дошел) выглядит невзрачней предыдущего.

Мир без настоящей войны не прибавит ему славы как полководцу, но это, может быть, уже последний в его жизни поход, так пусть лучшие внуки вспоминают миролюбивого Ольгерда, чем деда, хлебнувшего напоследок из чаши позора. Между разделенными оврагами ратями наконец завязались переговоры, стороны – в который уже раз! – обменялись перемирными грамотами. Исход третьей литовщины был явно в пользу Москвы».

Конечно, описывая чувства и мысли Ольгерда, Лощиц допускает художественную реконструкцию событий, но основной результат действий Дмитрия Донского в данном случае представлен верно – Ольгерд прекратил свои набеги на междуречье, а к московским землям окончательно примкнули тарусское и оболенское княжества.

Именно это, описанное Лощицем сражение третьей литовщины, происходившее в 1373 году, оказывается единственным, практически полностью соответствующим преданию о «понедельнике». Совпадает и время года. Происходило оно по летописным сведениям вскоре после 12 июня, а согласно преданию – в понедельник, в первый день Петрова поста. Последнее особенно важно, поскольку эта привязка к началу Петрова поста дает нам уникальную возможность **впервые определить точную дату этого сражения**. Дело в том, что у Петрова поста фиксировано лишь окончание (29 июня), начинается же он с 9-й недели

после Пасхи, то есть его начало ежегодно смещается в довольно большом диапазоне – от 17 мая до 20 июня. Проведя вычисление для 1373 года, получаем, что Пасха в этом году приходилась на воскресенье 17 апреля, а первый день Петрова поста – на **понедельник 13 июня** по юлианскому календарю. Похоже, что быстро набирающийся опыта Дмитрий Донской действительно практически не дал войскам Ольгерда после соединения с тверской ратью (12 июня) времени на полное развертывание и действовал по сценарию, характерному скорее для самого многоопытного Ольгерда. Подумать только – понедельник, тринадцатое число, – и полный успех! Не страдал, видно, суеверием 23-летний Дмитрий Иоаннович!

Вот и все. Тарусский «понедельник», в отличие от бермудского треугольника, все же не столь ревниво хранит свои тайны. Будем ему благодарны за редкие по значимости сведения, пронесенные сквозь бурные российские века, за предоставленную нам уникальную возможность локализовать во времени и в пространстве еще один акт отечественной истории. Конечно, еще предстоит скрупулезное научное просеивание всей этой информации, но уже сегодня с большой вероятностью можно полагать, что за **таинственным «понедельником» стоит разгром Дмитрием Донским сторожевого полка Ольгерда 13 июня 1373 года**. Значение же этого события, конечно, далеко не местное. Получается, что сей незаметный кусочек тарусских краев – существенная часть российской истории, связанная с собиранием русских земель. И, конечно, еще одна, пока неостребованная, жемчужина истории тарусской. А кроме того, это, столь неожиданное пробуждение древних событий, позволяет хотя бы как-то объяснить себе завещание Дмитрия Донского, по которому он своему четвертому сыну Андрею в 1389 году передает Белоозеро, Можайск, «вытяганные у смольнян Товь и Медынь», а также Калугу и **Рощу**. Казалось странным появление Рощи в этом списке, да еще на равных с другими городами. Ну откуда Дмитрий Донской мог вообще знать эту Рощу, если её не только в Москве, но и в сегодняшней-то Тарусе иные смутно представляют себе лишь как некий конечный пункт автобусного маршрута? Но теперь легендарный «понедельник», расположенный на расстоянии пешего хода от Рощи, позволяет предполагать, что князь Дмитрий не только знал об этом населенном пункте (я уж боюсь называть его селом), но и, вероятно, побывал в Роще и фактически воевал за нее.

В заключение хочется позволить себе еще один, несколько высокопарный, пассаж. Все изложенные «аргументы и факты», вероятно, уместнее было бы опубликовать в трудах какой-либо краеведческой конференции. Это, конечно, нужно будет делать, но представляется, что именно страницы «Октября», эти тонкие и почти одноразовые газетные листы без всякой обложки, скорее всего могут оказаться мостом, более прочным, чем стальные фермы и гораздо более широким, чем профессиональные мостки, – еще одним мостом через образовавшуюся было пропасть между нашим сегодняшним островом и материком нашей же истории. Ведь тарусяне, прочитавшие эту статью, становятся некоторым образом возрожденными старожилками, хранителями одного из местных преданий. А надпись «ОТ АВТОРА», которую Александр Иванович Георгиевский золотым тиснением прочно нанес на обложку книги, можно принять и на наш счет – это прежде всего именно нам, ходящим ныне по тарусской земле, сделал он свой замечательный подарок.

А вот известный владелец Рощи, князь Александр Николаевич Голицын (1830-1911) мог и не знать тайну «понедельника», хотя последний находился в его владениях. Во всяком случае, единственный экземпляр книги Георгиевского, имеющийся в ГПИБ, не входил в знаменитую библиотеку А.Н. Голицына, а принадлежал профессору Московского архитектурного института Сергею Васильевичу Бессонову. Жаль, если дело обстояло именно так, поскольку для Александра Николаевича, собирателя русской истории, наверное, было бы очень интересным такое близкое, «домашнее» касание к истории Руси, да и собственного рода. Голицыны ведь ведут его непосредственно от родного брата Ольгерда – Наримонда, в крещении – Глеба Гедиминовича. Вот такая своеобразная встреча представителя рода Голицыных с будущими голицынскими же владениями отпечаталась на кусочке тарусской земли с непритязательным названием – «понедельник».

Апрель 2009 года. Москва-Фатьяново.

Впервые опубликовано в газете «Октябрь» 3, 5, 10 июня 2009 года,
а также дополненная в сб. «Книга о Тарусе. Очерки. Воспоминания», вып. 2,
сост. Э.М. Логинова. М., «Русское слово», 2011 г.

«БУТЫЛОЧНОЕ ГОРЛЫШКО» ЧЕТВЕРТОГО ФИЛИАЛА

СТРАНИЦА ИЗ ЖИЗНИ КНЯЗЯ А.Н. ГОЛИЦЫНА

В жизни человечества бывали периоды, когда численность наших предков доходила до столь малого количества, что это грозило исчезновением всему виду *Homo sapiens*. Например, 130 тысяч лет назад людей на всей планете оставалось порядка 10 тысяч человек. Палеогеномика, обнаружившая эти критические периоды, называет их «бутылочными горлышками», через которые человечеству пока удавалось протискиваться. Можно применить эту терминологию и к жизни определенной группы людей, в данном случае к так называемому «четвертому филиалу» – одному из ответвлений рода князей Голицыных.

Четвертый филиал – это потомки князя Якова Александровича Голицына (1753-1821) и его супруги Натальи Николаевны, урожденной графини Головиной (1763-1837). Сначала ничто не предвещало резкого уменьшения их семейства, скорее наоборот – они растили 10 детей, из которых шестеро были мальчиками. Однако уже по следующему поколению, поначалу тоже многочисленному (внуков у Якова Александровича также было десять), судьба нанесла свой удар. Здесь-то и возникло «бутылочное горлышко», олицетворением которого явился князь Александр Николаевич Голицын (1830-1911), вдруг оказавшийся к концу XIX века единственным продолжателем рода.

Впрочем, продолжателем он был весьма достойным, а в большинстве генеалогических изданий и его семейное положение выглядело вполне надежным: одна супруга – Елизавета Александровна, урожденная Черткова (1828-1894), двое сыновей и дочь. Но одна из последних работ, посвященных истории рода князей Голицыных, рисует не такую оптимистическую картину [1]. Согласно этим данным старший сын Николай (1851-1911) в связи со все усиливающимся заболеванием мозга так и не смог создать своей семьи, а двое других детей оказались незаконнорожденными и носили фамилию Киселевых. А это уже критическая ситуация, однако найти подтверждение её в независимых источниках и хоть как-то прояснить человеческую подоплеку этих отдаленных от нас событий долго не представлялось возможным.

И все же информация появилась, причем с неожиданной стороны. В свое время жил в Тарусе Иосиф Августинovich Тридон, обрусевший француз, аптекарь, а при необходимости и лекарь. А еще был он самозабвенным охотником, и на этой почве близко сошелся с еще одним таким же охотником – князем Николаем Яковлевичем Голицыным (1788-1850), отцом Александра Николаевича. Со временем Тридон стал почти членом семьи Николая Яковлевича, домашним врачом, советником по всяким житейским вопросам и воспитателем его единственного сына. В 1856 году Иосиф Августинovich скончался, следы же его потомков я потерял. Но в прошлом году случай свел меня с Надеждой Анатольевной Афанасьевой, оказавшейся правнучкой Тридона. Выяснилось, что её бабушка – единственная дочь Тридона Елизавета Иосифовна (1851-1938) – оставила своей семье небольшие воспоминания, и рукопись эту Надежда Анатольевна сохранила. В этих воспоминаниях, кроме всего прочего, обнаружили такие строки: *“До самой смерти отец мой жил у них [в семье князя Николая Яковлевича Голицына – Г.Г.], до женитьбы своего воспитанника. В то время не разбирались в чувствах и старики порешили остановить свой выбор на Елизавете Александровне Чертковой, жившей в Москве <...>. У Черткова было три дочери, и Александру Голицыну нравилась меньшая Софья, но по старым традициям надо было сначала выдать старшую дочь. Брак свершился, но был очень неудачен, общего между ними ничего не было, молодой князь несколько раз порывался бросить жену и уехать за границу, но мой отец вовремя его удерживал и употреблял все силы поддержать семью <...>. Князь Голицын через год после смерти отца оставил семью, уехал в Париж и более не возвращался в Россию. [2].*

Нужно сказать, что брак Александра Николаевича состоялся всего через месяц после смерти его отца, и вполне возможно, что он не мог отказаться от этого союза, не желая нарушать предсмертную волю Николая Яковлевича. Однако ничего хорошего из этого не получилось, и через какое-то время в жизни князя Александра появилась другая женщина. Мы не знаем пока, кто это был, так как новый брак не регистрировался. Во всяком случае – не Софья Александровна Черткова, к тому времени уже связавшая свою судьбу с Севером Алексеевичем Ермоловым [3]. Может быть, это была неизвестная нам Киселева, поскольку именно такую фамилию первое время носили появившиеся от этого неоформленного брака сын Владимир (1857-1923) и дочь Мария (1859->1921).

Воспоминания Е.И. Афанасьевой довольно точно соответствуют реальным событиям, и жизнь самого князя Александра действительно переместилась в Париж. Вполне возможно, что основной причиной этого явились именно семейные неурядицы. Сначала он ежегодно навещал свое единственное имение – Рошсу, последние же десять лет уже не покидал Франции. При этом Александр Николаевич не прекращал активно собирать свою знаменитую библиотеку по истории России и живо интересоваться событиями на родине. Подобные занятия не могли не оставить каких-либо следов. И действительно, в РГАЛИ удалось обнаружить значительную часть его обширной переписки с издателем «Русского архива» Петром Ивановичем Бартеневым, а вел он эту переписку до конца своей жизни. Таким образом Александр Николаевич сам предоставил в наше распоряжение еще один источник информации – свои письма.

Неразборчивый летящий почерк много пишущего и думающего человека; мысль то и дело обгоняет написанное; множество отрывочных сведений о самых разных сторонах жизни, интересных для нас, но полностью понятных лишь им – сверстникам и единомышленникам. Чего только нет в этих долгих разговорах! Вот отголосок событий, воспринимаемых нами почти как исторический анекдот: *«Вот что я слышал от своего товарища в Лейб-гусарском полку, теперь в отставке генерал-лейтенант Плаутин, бывший флигель-адъютант Александра II. Его отец, впоследствии командир гвардейского корпуса, генерал-адъютант Николая I, был флигель-адъютантом при Александре I в Таганроге в 1825 году. Он сказал своему сыну, моему товарищу: кто тебе скажет, что Александр Павлович жив и поселился в Сибири и прочая, тот врет. Я его сам положил во гроб»* [4].

Или такая зарисовка из жизни: *«Со мною был такой случай, – я вам, кажется, рассказывал, с князем Долгоруким в Воронеже, в 1858 году, когда я был послан по Высочайшему, как говорилось, на одно следствие и когда я находился в Главном Штабе, князь Долгоруков мне наивно признался, что он уже почти год в Воронеже, и свою губернию еще не объезжал до сих пор. И после сей муж был великий принятель прошений, приносимых на имя Нашего Великого Повелителя. Я полагаю, и прошения года по три оставались под сукном»* [5].

А вот более серьезная тема – взгляд князя Александра на 1905 год: *«Да, пережил [я времена? – залито чернилами – Г.Г.] очень грустные и жестокие, но уже после Московских ужасов нечего и говорить; но как можно было долго терпеть управление Сергея и после него – Дурново, ростовщика и биржевика, но не государственного и способного управлять городом. И сам Сергей и Дурново все и подготовили, и кто мог предполагать из нашего поколения, что в Москве будут баррикады!! Вот вам и последствия мирного завоевания Кореи и всех японских и манджурских [авантюры] <...>*

Я всегда был против этой глупой затеи манджурской. Александр III только и хотел, чтобы провести дорогу в Сибирь, что и необходимо давно было сделать, а у нас потом явились умные министерские головы как Муравьев и отчасти Ламздорф, да еще советы Вильгельма – вот и вышел ужасающий кавардак и потери миллиардов и несчастной русской крови – и за что и про что! <...>. Надеюсь, я не доживу до распада России – а ведь если не примут благоразумных мер, то может и это случиться» [6].

Впрочем, и дальнейшие события на родине и вообще в Европе не внушали князю радужных надежд. За год до смерти в письме Александра Николаевича появляются строки,

может быть и ворчливые по-стариковски, но вообще-то верные и в чем-то пророческие: «Да, приходит к нам обоим старость и живем в очень смутное время. Вообще по моему вся Европа больна и исцеления я не вижу ниоткуда. Посмотрите какая чепуха у нас идет в России. <...>. Я читаю еженедельно Новое время и совершенно в курсе дел нахожусь. Ужасаюсь часто что происходит и какая бестолковщина идет во всех сферах. Да, вспомнишь теперь прошедшее, очень вспомнишь. Очень рад иногда бываю, что не вижу вблизи, что происходит и что не участвую ни в каких дрязгах и сумасбродстве. Вот вам и парламентаризм на французский лад. Скоро будут драться на кулаки в думе непременно» [7].

А в конце почти каждого письма – простые сугубо личные строчки, подтверждающие особое отношение Александра Николаевича к Софье Александровне. Сначала просто упоминание: «Кажется, как мне сказали, Вы посещаете Софью Александровну, которую очень люблю. Она, бедная, часто нездорова <...>» [8]. Потом и просьбы к Бартеневу передавать ей привет, поскольку дети, видимо, частенько забывают это делать: "Когда увидите Софью Александровну, мой глубокий и сердечный привет; вспоминаю о ней всегда и молюсь за нее. Бог принимает мои молитвы – она одна осталась из всей семьи да я. Надеюсь, и она молится за меня; не забудьте сердечный и искренний привет; когда пишу своим, всегда прошу ей кланяться очень» [9].

Нужно сказать, что и Александр Сергеевич, и Софья Александровна дожили до преклонных лет, и их союз, возможно, мог бы быть долгим и счастливым, если бы не вмешались традиции, не все из которых стоит поддерживать. Впрочем, в истории сослагательное наклонение не работает, а возникший семейный кризис в конце концов разрешился благополучно – князю Александру удалось добиться официального признания Владимира и Марии своими детьми и замены фамилии Киселевых на Голицыных. Правда, «бутылочное горлышко» на этом не кончилось, продлившись еще на два поколения: князя Владимир Александрович (1857-1923) и его сын Владимир Владимирович (1887-1974) тоже оставались единственными продолжателями фамилии. Лишь затем началось постепенное расширение семьи, и ныне 4-й филиал княжеского рода Голицыных представлен на Земном шаре достаточно широко.

Если же возвратиться к генетике, то она без всяких формальностей нашла способ подтвердить надежное продолжение рода – достаточно сравнить фотографии Александра Николаевича и его потомков. При этом сходство его с сыном, внуком и правнуком (князем Дмитрием Владимировичем (1914-1976) довольно слабое, а вот с праправнуками – Петром Дмитриевичем (р. 1955) и Дмитрием Дмитриевичем (р. 1947) – весьма убедительное. Ничего не попишешь – классический рецессивный ген.

Примечания.

1. The Princes Galitzine Before 1917 and Afterwards. Washington D.C. USA. 2002, pp. 156, 158.
2. Е. Афанасьева. Мои краткие воспоминания о нашей семье. Таруса. 1924 г., с. 1,3. // Личный архив Н.А. Афанасьевой.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 445, д. 352, лл. 13об-14.
4. Письмо из Парижа от 24 сент. 1907 г. РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 599, л. 301.
5. Письмо из Роши от 4 июля 1887 г. РГАЛИ, ф. 45, оп. 1, д. 579, л. 248об.
6. Письмо из Парижа от 23 янв. 1906 г. РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 598, лл. 23-25об.
7. Письмо из Парижа от 9 марта 1910 г. РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 593, лл. 1-1об.
8. Письмо из Парижа от 15 янв. 1903 г. РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 595, л. 4об.
9. Письмо из Парижа от 5 сент. 1906 г. РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 598, л. 214.

ВОЛНЫ И БРЫЗГИ ИНТРОДУКЦИИ

Не доводилось ли вам сажать и выращивать маньчжурский орех, сибирский кедр, кизил, на худой конец – облепиху или черноплодную рябину? А может быть «белой акации гроздь душистые», виноград, арбузы или еще каких-нибудь иноземных жителей? Если вы совершали что-либо подобное, то значит, вы занимались не тривиальными садово-огородными работами, а практико-научной деятельностью под солидным названием «интродукция растений», то есть обогащением тарусской флоры новыми для нее растениями. Следы таких занятий чаще всего простираются гораздо дальше жизни отдельного человека, и мне, как и вам, не раз приходилось с ними встречаться. И совсем не важно, что обычно они не имеют какого-нибудь грандиозного размаха, например, общегородского или, страшно сказать, областного. Это можно назвать отдельными брызгами и ручейками, но их не так уж мало, и они вливаются в общий поток интродукции, делая его довольно полноводным.

Вообще же тарусская земля – весьма благодарное место для подобных занятий. И хотя её относят к средней полосе, к нечерноземью (вполне справедливо), но расположена она как и вся Калужская губерния, на южном краю этой полосы, на границе, и балансирует в неустойчивом равновесии между лесом и степью, склоняясь то в одну, то в другую сторону. Тут и природа по собственной инициативе время от времени сама занимается интродукцией: то создаст клин ковыльной степи, то кусочек черно-хвойной тайги. Но эта естественная интродукция – очень медленный процесс, почти незаметный в человеческом масштабе, природе-то спешить некуда. Наиболее же важно то, что такое неустойчивое пограничное положение калужской земли делает её особо чувствительной к климатическим изменениям, она в какой-то степени – их индикатор, здесь проходит передовая линия климатического фронта.

И превентивное обогащение её флоры новыми видами, увеличение растительного разнообразия позволяет с меньшими потерями встречать грядущие климатические изменения. Поэтому стоит проникнуться уважением к этим «садовническим причудам» – интродукции, она совсем не ограничивается тем, что делает нашу землю прекраснее (хотя и одного этого было бы достаточно).

Свое пограничное положение калужская земля, включая и её тарусскую часть, заняла по нашим меркам очень давно. Земля эта обитает в геоклиматическом пограничье по меньшей мере в течение всего периода, называемого нами историческим. И этой самой интродукцией жители калужских краев занимаются, наверное, с тех пор, как приятная, но не слишком надежная охотничье-собирательская деятельность перестала кормить их досыта. Но мы мало знакомы с конкретными фактами в этой «зеленой» части нашей истории. Ох, как мало! Добыча археологов редко рассматривалась с подобной точки зрения, а газета «Октябрь» и прочие письменные источники появлялись в нашей истории, можно сказать, лишь вчера. Но среди них чуть-чуть пораньше уездных родились газеты губернского масштаба, и если полистать их пожелтевшие страницы, можно иногда наткнуться на интересующую нас информацию, считавшуюся, в то время (как, впрочем, и сегодня) не слишком важной.

Вот перед нами, например, «Калужские епархиальные ведомости» за 1896 год. Среди привычных текстов с рукоположениями, перемещениями священнослужителей и прочими повседневными епархиальными делами в сентябрьском номере вдруг появляется корреспонденция под названием «О выращивании виноградных лоз в Калужском крестовском монастыре». Давайте прочтем эту небольшую статью: «В прошлом 1895 году одним из жителей г. Калуги, постоянным посетителем Калужского Крестовского монастыря, были подарены три маленькие виноградные лозочки величиною не более 8 вершков, выращенные в банках. Братия монастыря охотно принялась за выращивание их. <...>. Все лето лозочки эти ежедневно до августа месяца поливались. <...>. С наступлением больших

морозов лозы были сняты с подставок и <...> засыпаны землей, и в течение зимы отлично сохранились.

С наступлением нынешнего лета лозы были откопаны, <...> и к концу лета прекрасно разрослись и дали первый плод – кистей 12. Оказалось, что одна лоза дала черный виноград, другая синий, а третья белый. Последний сорт был и крупней и грозды больше и обильней ягодами, да и самый куст разросся лучше, словом оказался наиболее способным к культивировке в наших местах»

Сегодня этой «культивировкой» не только в Калуге, но и в Тарусе уже никого не удивишь. Не удивишь в том числе и потому, что больше века назад безвестный даритель принес в Крестовский монастырь три то ли добытых где-то виноградных чубука, то ли собственноручно выращенных им из косточек саженцы, а монахи на калужской земле с не меньшим рвением и успехом, чем на Валааме, занялись выращиванием солнечной ягоды, родившейся когда-то много южнее – на Кавказе.

Если же кто-либо сегодня пожелает без изменений воспроизвести сей ботанический эксперимент калужских монахов, то следует все же учитывать, что климат у нас даже за прошедшее не столь уж большое время успел несколько измениться и стать менее континентальным. Более частое чередование морозов с оттепелями не позволяет воспринимать приведенную статью как точную инструкцию. В частности, если вы на зиму описанным способом закопаете лозы в землю, почти наверняка они выпреют. И все же этот монастырский опыт до сих пор может быть полезным. Я и сам впервые прочтя приведенную статью увеличил частоту полива молодого винограда (пусть и не до ежедневного) и получил весьма заметный результат.

А через несколько лет, в октябре 1900 года, уже «Калужские губернские ведомости», описывая местную сельскохозяйственную выставку, донесли до нас, кроме всего прочего, такие сведения:

«Близкое знакомство (некоего г. Бичурина) с природою и внимательное наблюдение над её крохотными обитателями, по словам уважаемого энтомолога-любителя, навели его на мысль заняться в Калуге, в виде опыта, разведением шелковичного червя. Привести же эту мысль в исполнение много помогло ему то обстоятельство, что разведение шелковицы в нашей местности, а следовательно и во всей центральной полосе, при существующих тут почвенных и климатических условиях оказывается вполне возможным. Для этого следует разводить только черное тутовое дерево, которое здесь хорошо принимается и при хорошем уходе первые три года легко поддается полной акклиматизации, доказательством чего служат уже давно сделанные насаждения этого дерева в Калуге, в Загородном саду и возле деревни Анненки, в усадьбе гг. Унковских <...>.

В отличие от виноградного пришествия, мне пока неизвестны (это отнюдь не значит, что их нет) ни сохранившиеся в наших краях тутовые деревья, ни основательные современные попытки их разведения. Правда, совсем рядом со мной, в Фатьянове, в удивительном саду Фурсовых обнаружился молоденький кустик шелковицы. Обратите внимание – кустик. Мне же когда-то доводилось тесно общаться с тутовыми деревьями, имевшими вкусные плоды разных цветов (белого, малинового, ну, и, конечно, черного), и это были не кустики, а весьма крупные деревья. Видимо, в нашем случае сказывается недостаточно теплый климат. А может быть, мы имеем дело не с черной шелковицей? Ведь цвет плодов фатьяновского кустика пока неизвестен.

Впрочем, такие метаморфозы не редкость. Я и сам в отдаленные времена посадил у себя косточки кизила. Собирал я их в Крыму с дерева, а в Фатьянове теперь произрастают кусты, хотя и трехметровые.

Однако до сих пор мы сталкивались лишь с калужскими первопроходцами в царстве растений. А что Таруса? А Таруса представлена в этой области более чем достойно.

Начнем разматывать этот кусочек тарусской истории с середины. В одном из московских архивов (в РГАЛИ) хранится открытка с отрывистым коротеньким текстом, отправленная из Тарусы 21 июля 1959 года Валерией Ивановной Цветаевой:

«Николай Петрович!
Сбегайте из Москвы – приезжайте сюда скорее: Таруса и есть Таруса.
Сердечный Вам привет.
В. Цветаева.
Ваш сад по Вас соскучился, его
и так сушит засуха!
Мы мечтаем о воде на участок,
шланге...
Приезжайте!»

Я думаю, что вы уже догадались, кому пишет Валерия Ивановна. Конечно, Николаю Петровичу Ракицкому, живущему в Замоскворечье, в знаменитом Лаврушинском переулке, в квартире 58 дома №17/19. Почему же его так ждет тарусский сад и сама Таруса? Мало ли здесь московских дачников? А есть основательные причины особого отношения к Николаю Петровичу, да и слово «дачник» как-то к нему плохо приклеивается. Многим тарусянам он и сегодня хорошо известен, но все же подойдем к нему поближе еще раз.

Николай Петрович Ракицкий изначально не был постоянным обитателем Тарусы. Филолог и агроном по образованию и по душевной склонности, он начинал свою деятельность на Украине. Узким специалистом Ракицкий при этом никогда не был и мог на вполне профессиональном уровне охватывать изучаемые им проблемы со всех сторон, комплексно. Это видно и по первой его небольшой книжке еще предтарусского периода. Издана она была в 1926 году уже в Москве под названием «Материалы по экономике Крыма» и предназначалась «для краеведов, руководителей экскурсий, педагогов и хозяйственников». Между прочим, и в этой работе он умудрился коснуться вопроса интродукции – внедрения в Крыму культуры ворсильной шишки, растения, очень нужного для производства сукна. Закупалась эта шишка во Франции, в России же попытки внедрить сию культуру в Белоруссии, Бессарабии и Крыму, предпринятые еще в XIX веке, провалились. Однако в 1924 году опыты, проведенные в Никитском ботаническом саду, все же доказали возможность выращивания её у нас.

Попутно замечу, что я неосмотрительно внедрил эту ворсильную шишку у себя в Фатьянове, а теперь с трудом «вынедряю». Она, конечно, незаменима не только в сукновальном производстве, но и в зимних букетах, но непостижимым образом слишком быстро расселяется по всему саду, и последнее качество иногда перевешивает.

В Тарусе Николай Петрович появился уже после того, как перебрался в Москву, где он смог довольно полно использовать свои знания, работая ученым секретарем Технической энциклопедии и редактором её по сельскому хозяйству, а позже – старшим агрономом научно-технического совета Главного управления по полезащитным полосам при Совете министров СССР.

Самому мне не довелось быть лично знакомым с Николаем Петровичем, но некоторые из знавших его современников оставили воспоминания о нем. В частности, петербургский врач и художник Виктор Сергеевич Шабунин, проводивший все свои отпуска в Тарусе, уделил Ракицкому изрядный раздел в своей книге «Моя Таруса. Воспоминания». Книги этой в напечатанном виде я, правда, не нашел, но она существует в РГАЛИ в виде 427 листов авторизованного машинописного текста с иллюстрациями, датированного 1976 годом. Шабунина заинтересовала прежде всего ипостась Ракицкого как собирателя картин, к тому же подарившего наиболее ценные из них Тарусской картинной галерее, – и знакомство состоялось. В результате мы можем представить встречу Ракицкого с Тарусой и начало сада со слов самого Николая Петровича, поскольку Шабунин приводит часть присланного ему письма Ракицкого от 12.12.1972 г.

«Первый раз я попал в Тарусу в 1926 году, а обосновался в ней с 1927 года. Сперва я приобрел соседний участок (на котором расписные ворота и калитка), а потом присоединил и второй участок, на котором теперь стоит наш домик. На первом участке и на втором дома строил я. На первом участке был лишь сруб сарая, который я переделал в летний домик.

Второй дом (наш нынешний) построен в 1929-30 годах как жилой дом, с печами. Растения, произрастающие на участке, собирал постепенно, – то в питомниках, то у любителей, то привозил издалека (специально разыскивая их). До войны число растений на участке было больше, но во время войны жившие у меня на даче знакомые выкорчевали часть растений под картофель и огород, т.к. нужно было «кормиться». Соседний участок, примыкавший к нашему нынешнему, раньше тоже принадлежал нам, но городской совет часто покушался на него, т.к. «в общем» считал, что он для нас велик. В 1931 году мы продали его Александре Петровне Снегирёвой (урожд. Юргенсон, жене профессора В.К. Снегирёва). Умирая, она завещала его своей племяннице Софье Григорьевне Бирюковой, после смерти которой сейчас этим участком владеет её муж Яков Дмитриевич Бирюков».

Николай Петрович прожил долгую жизнь (1888-1979), Шабунин же встречался с ним в завершающий период этой жизни, оставшейся до конца воистину плодотворной. К этому периоду относятся и составленный Шабуниним портрет Ракицкого: «Внешний облик Николая Петровича был очень запоминающимся. Выше среднего роста, стройный с недлинными седыми, слегка курчавыми волосами – он привлекал внимание несколько темным оттенком кожи лица и своеобразными его чертами. Когда мы познакомились ближе, он как-то рассказал нам с Евдокией Ивановной (супругой Шабунина), что не то дед его, не то прадед, – сейчас уже не помню, был негр, и это сразу сделало нам более понятной его внешность. Его манера держаться была полна спокойного достоинства, речь и движения неторопливы».

От одного из основных детищ Николая Петровича – сада – время и люди оставили на сегодняшний день не так уж много. Да и город Таруса не слишком его оценил. Если за вклад в создание картинной галереи Ракицкому в 1967 году было вполне заслуженно присвоено звание почетного гражданина Тарусы, то о саду в обосновании этого присвоения не упоминалось. А между тем сад Ракицкого – это уже не отдельные брызги или ручеек, а накрывшая Тарусу целая волна интродукции, ценнейший элемент истории и индивидуальных черточек лица Тарусы, и любое его описание представляет интерес, а Шабунин, знавший знаменитый сад в лучшие времена, конечно, не мог обойти его вниманием. Воспользуемся этим:

«Дом Ракицких поставлен несколько в глубине участка. К нему от калитки ведет дорожка, перекрытая сверху, как сводом, сплетающимися между собой ветвями цветущих кустов. У крыльца – богатейшие заросли жасмина, а с южной стороны дома – круглая клумба, напоминающая своим видом фонтан, в центре которой в то время стояла флорентийская мраморная ваза чудесного розового тона, не очень большая и уже повреждённая временем, но восхитительно нежная и словно освещавшая собой все вокруг. Эта ваза была в свое время приобретена Николаем Петровичем случайно, на Смоленской толкучке в Москве

Сад большой, густой, с большим разнообразием древесных и кустарниковых пород. Первое знакомство с ним буквально поразило меня: не верилось глазам, что в маленькой провинциальной Тарусе могут быть такие образцы долголетнего созидательного труда!»

Последний пассаж заставляет задуматься, но в данный момент не будем отвлекаться от темы. Нужно сказать, что в нелегкой повседневной работе по созданию сада Николаю Петровичу огромную помощь оказывала его жена – писательница Софья Захаровна Федорченко. Если Николаю Петровичу по долгу службы приходилось много времени проводить в Москве, то Софья Захаровна находилась в основном в Тарусе. Общались они без помощи интернета, а это позволяет сегодня и нам краешком глаза коснуться их переписки и уловить какие-то не приводимые в автобиографиях черты этих прошедших жизней.

Вот несколько поздравлений с новым 1939 годом, написанных Софьей Захаровной на открытках с различными изображениями. Например, композиция из цветов, пчелы и калибри сопровождается надписью:

*«Уловителю космических лучей Н.П. Ракицкому. С Новым годом!
Сей райский колорит есть следствие облучения космическими лучами.»*

*Дорогому моему Николаю в новом году пожелаю, что б не болела голова,
Что-б отпускных было месяца два,
что-б в саду не вымерзли экзоты,
что-б по службе было меньше заботы,
что-бы, если уж охрип,
то знал бы, что это грипп,
а не действие космических лучей;
что-б друзья к нему были горячей,
а враги что-бы все поскисали,
от причин, кои выберут сами!»*

А в надписи на открытке с изображением разноцветных хамелеонов отразилась другая грань их личностей:

*Хамелеон, обладатель свойств адресату недостающих,
а вместе с тем сильно способствующих достижению почета!
И в дни Шевченко
Не забывай Федорченко!»*

И ко всем этим поздравлениям на отдельном пожелтевшем листочке прилагалось четверостишие, где упоминалась уже и Таруса:

*Милый Николай Петрович!
Проживи весь год здоровым,
на Тарусу будь в надежде,
а со мной дружи, как прежде».*

Чем же дальше, тем больше становится садовой тематики. В конце августа 1952 года, например, в Москву полетело письмо, в котором сад занимает практически всё место:

«Ты спрашиваешь, друг, о розах в бутылках. Они в прекрасном состоянии, и я прошу тебя немедленно посмотри, как их и когда отсаживать из бутылок, и каким способом.

Эта открытка идет одновременно с заказным, и поэтому напиши мне, что получишь раньше. [Между прочим, на штампе Тарусы значится дата 27.07, а на штампе Москвы – 28.07: – с ума сойти, письмо когда-то из Тарусы в Москву за один день доходило!] Наши восхитительные новые розы оканчивают свое цветенье, они ведь, увы, не ремонтантные. Зато Эжен Фюрст, давший уже 39 чудесных цветов, полон бутонов. Очаровательны ярко розовые астильбы. Летники еще не цветут, одна космея розовая и белая. Сад полон крапивы, её понемножку срезает жена Николая Герасимова – Наташа, премилая женщина. Вчера и сегодня нет грозы, и я спокойно гуляла вчера и другого дня по саду. Хмель шёл рядом. Видела ворота, подтверждаю – ужасны! Очень грустно без тебя, весь сад к тебе взывает!»

Подобных писем было немало, садовых забот тоже, но начинал сказываться возраст и здоровье Софьи Захаровны все больше мешало ей уделять время этим заботам. Однако писательский труд оставался с нею до конца. Прикованная тяжелой болезнью к постели и почти ослепшая, она сумела завершить большую историческую трилогию о Семигорове. Последняя часть этого романа «Юность Семигорова» вышла в 1960 году, а Софья Захаровна скончалась 12 июля 1959 года, немного не дожив до восьмидесяти лет.

Николай Петрович, доживший до 91 года, довольно долго оставался один, но в конце концов женился вторично «на приятной, спокойной, очень культурной, но не крепкой здоровьем Наталии Николаевне Ильиной», как пишет Шабунин. Сад оставался всегда предметом особых забот Ракицкого, да и написанные им книги опирались на этот садово-парковый эксперимент. В 1947 году вышла брошюра «Озеленение придомовых участков», а тремя годами позже «Озеленение пришкольных участков». В них много рекомендаций садоводам-искателям. Почти все предлагаемые растения прошли через сад Ракицкого. Можно сказать, что эти небольшие книжечки внесли большой вклад в интродукцию, зафиксировав во времени важную часть такого все же ранимого и преходящего явления, как сад Ракицкого.

Что же касается видового состава сада, он не раз описывался с различной степенью полноты, и мы не будем подробно его повторять. Но стоит отметить некоторые растения из сада Ракицкого, которые «пошли в народ».

Вот «королева сада» – сибирская пихта. Она вышла за ограду Ракицкого и встречается в разных местах на тарусской земле, причем особых трудностей при её выращивании (как это было у Николая Петровича) ныне не наблюдается. У меня тоже спокойно растут два вида пихты.

Могу подтвердить, что не возражают против тарусской прописки североамериканская магония с лакированными листьями и «загримированное дерево», вернее, кустарник – скумпия. Магонию, а еще и аралию маньчжурскую можно увидеть в одном из замечательных мест села Трубецкого.

Сибирский кедр, белая акация, жимолость съедобная и декоративная, лох серебристый, «жасмин» – чубушник, пурпурный барбарис и многое другое – уже не редкость в наших краях. А это значит, что сад Ракицкого и идеи интродукции живут. Остаются в силе и его рекомендации, но, конечно, с учетом произошедших изменений. Изменения же эти бывают разными. Вот крупное дерево маньчжурского ореха. Предлагая его Ракицкий говорит, что ядра этого ореха в нашей полосе не вызревают. Но сегодня не только семена маньчжурского ореха, но и гибрида этого ореха с грецким прекрасно вызревают и имеют хорошую всхожесть. В Фатьянове растет уже второе поколение этого красивого дерева.

Однако есть изменения и в худшую сторону. Ракицкий рекомендует, и вполне заслуженно, конский каштан с его замечательной листвой и белыми канделябрами цветов. Но недавно тарусяне стали замечать, что листья каштана все чаще покрываются бурыми пятнами и преждевременно засыхают. Правда, раньше заметили это на родине каштана – на Балканах. Особенно расстроило это прискорбное явление французов. Потом волна поражений добралась до Киева, а позже оказалась в Тарусе и добирается до Урала. Это работа так называемой «минирующей моли», разрушающей листовые пластинки каштана (и не только каштана) изнутри, после чего за дело принимается соответствующий грибок. Предлагаются несколько способов борьбы с этим бедствием, но все пока мало эффективны. Каштанам реально грозит гибель, хотя поиски защиты продолжаются.

Говорит ли это печальное происшествие с каштанами об ошибочной рекомендации или хотя бы об уменьшении значимости садово-парковых идей Ракицкого? Ни в коей мере. Как раз именно достижения интродукции, целенаправленной или случайной, дают надежду на благополучное решение проблем в подобных случаях. При этом возможны как достойная замена на другую породу, так и обнаружение устойчивой особи данного вида. В общем, уважайте интродукцию.

Май – июль 2013 года. Фатьяново.

Впервые опубликовано в тарусской газете «Октябрь»
№№ 128-129, 130-131, 132-133 за 21,23 и 28 августа 2013 года.

ИМЕНА, ВЫПАВШИЕ ИЗ ТАРУССКОГО СОЗВЕЗДИЯ

Земная жизнь человека заканчивается могильной плитой, память же о нем вполне может возрождаться, опираясь на эту последнюю каменную страницу его биографии. Видно не зря, какой-то инстинкт повелевает нам воспринимать разрушение надгробий как кощунство. В нашем случае все было достаточно благополучно, что, пожалуй, не совсем обычно. И плита сохранилась, и культура захоронения не была еще растеряна – надпись на камне содержала не безликие сентиментальные строфы, а именно то, что отличало покоящегося здесь человека – небольшая плита черного мрамора, лежащая на тарусской земле среди зарослей сирени, около Воскресенской церкви в Роще. С боковых граней плиты уже более ста лет к нам молчаливо обращается надпись: «Иван Петрович Ланговой. Строитель придела во имя Казанской иконы Божьей матери. 1876 год. Родился 1848 года января 30. Скончался 1883 года марта 18»

Простая эта надпись давала в руки конец какой-то нити и уже не позволяла себя забыть. Кто стоял за этой редкой фамилией: Ланговые? Как она связана с Рощей? Что было с Ланговыми после рощинской плиты?

Фамилия оказалась явно не княжеской, генеалогические традиции не могли помочь, и поиски затянулись на годы. Временами же, в какой-нибудь темный осенний день, приходила крамольная мысль, что никаких заметных следов и не найдешь – ну что значительного, хотя бы в масштабе губернии, могло вырасти среди этих раскисших проселков и монотонной жизни угасающих селений? Но «сезонные» эти ощущения оказались, конечно же, обманчивыми.

Сегодня я могу представить на суд читателей достаточно большой кусок семейной хроники Ланговых, а их человеческий масштаб вы определите сами.

1824 год. Родился Петр Емельянович Ланговой. Рождение никакого приза от судьбы маленькому Пете не принесло – он родился крепостным князей Голицыных. Но вскоре оказалось, что у него есть цель, а также столько энергии и воли, что судьбе оставалось лишь развести руками, и он сам принялся делать свою жизнь

Он сумел «выкупиться» (здесь ему все же повезло – хорошим человеком был рощинский барин, князь Николай Яковлевич Голицын, да и его сын князь Александр), стал вольным, а с 1866 года перешел в другое сословие, стал тарусским купцом 2-ой гильдии. Должен сразу же оговориться, что «крепостная» часть биографии Петра Емельяновича основана на устном семейном предании Ланговых, все же остальное удалось документировать.

На Тарусе Петр Емельянович не остановился, он стремился завоевать и Москву. И вот в справочной книге о лицах, получивших купеческие свидетельства в Москве за 1875 год он уже значится как московский купец 2-ой гильдии, но пока еще житель «Тарусского уезда в селе Роща».

А в 1880 году он покупает и собственный дом в Москве, недалеко от Главпочтамта, на Мясницкой, 38, однако отношений с Тарусским уездом не порывает. Жил Петр Емельянович в Роще не один. Со своей супругой Елизаветой Саввишной растили они ни много ни мало восьмерых детей. В свое время бегали по Роще, и, наверное, купались в прудах на Молкринском ручье юные Ланговые: Ваня (р. 1848), Лиза (р. 1851), Алеша (р. 1856), Коля (р. 1860), Соня (р. 1861), Аня (р. ?), Сережа (р. 1865) и самый младший – Саша (р. 1866). Старший сын Иван, как мы уже знаем, остался в Роще навсегда, а куда же разлетелись все остальные?

Недалеко, в основном – в Москву, куда Петр Емельянович и стремился-то прежде всего из-за детей. И цель свою – дать им здесь первоклассное образование – он выполнил блестяще. Лишь дочерям, к сожалению, не повезло в их московской жизни. Почти никаких следов не оставила Анна Петровна. Я знаю лишь, что в 1930 году она еще жила в Подсосенском переулке, куда почему-то переехала с Мясницкой. Апрельским днем 1871

года умерла 10-летняя Сонечка. Через 4 года в такой же роковой апрель, ушла из жизни Елизавета, едва успевшая выйти замуж. На Пятницком кладбище в Москве она покоится уже под фамилией Савинич.

Сыновья же Петра Емельяновича успели много больше. Вот младший – Александр Петрович. Он достиг чина коллежского советника, учительствовал во 2-ой и 1-ой, а затем и в 3-ей московской гимназии, «фамильной» – её окончили почти все Ланговые. Не совсем ординарным он был учителем. В 1891-1893 годах даже выпустил две части своей книги – учебного пособия для гимназий, где он рассматривал речи Цицерона, причем приводил их в оригинале, а также в своем собственном переводе, да еще и балансировал вокруг принципа: «Учебник не должен заступать место учителя или его себе поработать». Предназначалось это всего лишь для 6 и 7 классов – неплохая программа была в гимназиях!

Жил Александр Петрович в собственном доме, на той же Мясницкой, вместе с отцом и двумя братьями – Алексеем и Сергеем. Была ли у него своя семья, я пока не знаю.

Его старший брат-погодок, Сергей, после окончания 3-ей гимназии направился в Императорское техническое училище (теперешний МВТУ), успешно окончил его в 1888 году, поработал в Серпухове и в Иваново-Вознесенске. В 1890 году он уже ассистент профессора, а еще через 9 лет – профессор этого же МВТУ. Направление его деятельности химические технологии. Чем он только не занимался в этой области со всей присущей ему кипучей энергией (и всегда – успешно): канифольно-скипидарным производством, кожевенной промышленностью, технологиями воды, топлива и органических веществ и даже изучением печально известной ныне грозненской нефти.

Не знаю, заметил ли он революцию, но деятельность его осталась столь же активной. С 1919 года он работает в Техническом Совете Химпрома, а потом и в Госплане. Все это кончилось бы плохо, да не выдержал организм. Умер Сергей Петрович на ходу – в пятницу он был в Госплане, а в субботу 2 ноября 1924 года его не стало. Похоронен с почестями на Новодевичьем кладбище. В годовщину его смерти было проведено специальное заседание и выпущен сборник памяти Сергея Петровича. Здесь, на сетования, что старые работники уходят, а заменить их некем, профессор Н.Ф. Черновский сказал пророческие слова: «Это грозное сознание для общества, если оно хочет жить. Живо только то общество, которое хранит память о своих мертвых. Мы должны пользоваться прошлым, такими образцами, какими являлись люди, подобные Сергею Петровичу».

Пусть он останется и в нашей памяти, как и другие Ланговые, ведь это ветви дерева с тарусскими корнями. Сергей Петрович не оставил детей, его потомство – это ученики и написанные им книги.

Читатель, наверное, уже не удивится, если средний брат Николай Петрович тоже окажется профессором – обычное дело для сына крепостного! Только избрал он текстильное производство и отправился в столицу, где в 1888 году в 28-летнем возрасте уже стал адъюнкт-профессором Санкт-Петербургского технологического института. Будучи действительным статским советником и профессором, свои книги (а я обнаружил их одиннадцать) он иногда их подписывал «инженер-технолог Н.П. Ланговой». Жил Николай Петрович в Петербурге на Николаевской, здесь и скончался в 1920 году. Возможно, он основал петербургскую ветвь Ланговых, во всяком случае, и сегодня в Петербурге живут по меньшей мере две семьи Ланговых, но до их генеалогии я пока не добрался.

Наконец Алексей Петрович, второй сын Петра Емельяновича. Профессор, естественно. Только профессор Московского университета и доктор медицины, известный в свое время в Москве врач-терапевт. Но известен он не только этим, поскольку был человеком весьма разносторонним, причем некоторые увлечения его достигали такой глубины, что не поворачивается язык назвать их хобби.

Если охотничьи страсти, естественные для уроженца Рощи овладевали Алексеем Петровичем лишь периодически, то цветоводство, например, затрагивало уже какие-то основные струны души. Он не ограничивался выращиванием цветов на подмосковной даче (в Пушкине), но сумел в центре Москвы создать условия, в которых у него благоденствовали

150 видов орхидей, рододендроны, камелии, разнообразные пальмы папоротники и т.п. Более того, он, врач, никогда не оставлявший практики, в 1911 году умудрился написать актуальную и сегодня книгу «Любительская теплица на высоте 7-го этажа», где на хорошем инженерном уровне описал это свое необычное творение, и лишь в самом конце выяснилось, что автор – медик: «Как врач, я самым горячим образом пропагандирую между моими больными занятие садоводством. Не говоря уже о физическом труде, столь необходимом для здоровья и в то же самое время отсутствующим у большинства из нас. Безусловно, необходимо такое увлечение, которое давало бы возможность забыться, отдохнуть, которое отвлекало бы наше внимание от тяжелых дум и повседневных забот и которое дало бы покой утомленным, измученным непосильною работою нервным клеточкам».

Однако главным увлечением, а может быть, и делом жизни Алексея Петровича было коллекционирование картин русских художников. Постепенно он и сам стал настоящим искусствоведом. Его мнение было столь авторитетно, что в 1903 году И.Е. Репин предложил А.П. Лангового наряду с В.М. Васнецовым, В.Д. Поленовым, И.С. Остроуховым, В.А. Серовым и И.Е. Цветковым включить в комиссию по приобретениям для Третьяковской галереи, а в 1913 году Алексей Петрович уже входит в Совет Третьяковской галереи.

Как коллекционер и активный общественный деятель (он был еще и гласным Московской городской думы) Алексей Петрович сблизился со многими выдающимися художниками. Он частенько помогал им и как врач – лечил И.И. Левитана, поставил верный диагноз В.А. Серову и т.п. Вот длинный и скучный перечень, составленный в алфавитном порядке – его стоит прочесть: Архипов А.Е., Бакст Л.С., Бенуа А.Н., Васнецов В.М., Виноградов С.А., Врубель М.А., Головин А.Я., Гончарова Н.С., Грабарь И.Е., Дубовской Н.Н., Жуковский С.Ю., Киселев А.А., Лансере Е.Е., Левитан И.И., Максимов В.М., Поленова Е.Д., Поленов В.Д., Репин И.Е., Рерих Н.К., Рылов А.А., Савицкий К.А.

Здесь перечислены не только художники, работы которых были в коллекции Алексея Петровича (у него было представлено гораздо больше авторов), а лишь те, с которыми у него сложились близкие дружеские отношения и о которых он написал воспоминания. К сожалению, этот труд, за исключением небольших отрывков, так и не был издан, но рукопись сохранилась, и я читал, её с огромным интересом.

Сохранилась и часть обширной переписки Алексея Петровича с художниками. Интересно, как под воздействием самой личности Алексея Петровича меняется тон и содержание писем в каждой серии.

Особо дружеские отношения сложились у Алексея Петровича с Василием Дмитриевичем Поленовым. Дружба эта продолжалась 25 лет. В их обширной переписке Ланговой очень быстро из «милостивого государя» превратился в «дорогого Алексея Петровича», были здесь и обмен впечатлениями, и взаимные подарки, и советы врача и цветовода, и такое вот, например, будничное письмо 1904 года из Бёхова: «Дорогой Алексей Петрович, я часто занят разными строительными мытарствами, и у меня с подрядчиками, рабочими, поставщиками дело не идет гладко, все нет-нет да и наткнешься на обман, мошенничество, надувательство, ошибку в свою пользу и т.д. Неужели всюду так? Или этот обычай существует главным образом в нашем отечестве? Это лето и мне было бы трудно отлучиться, потому свой глаз, хотя и неопытный, да все-ж свой. Надеюсь, если будем живы и здоровы, еще увидимся на берегах Оки. Мой искренний привет Вашей супруге. Преданный Вам В. Поленов. P.S. Какое тяжелое время мы переживаем».

Да, почти сто лет прошло, а можно хоть сейчас писать такое же письмо. Поленовская тема в жизни Алексея Петровича продолжалась и после смерти Василия Дмитриевича. Вот письмо 1928 года из Тарусы, уже от Натальи Васильевны Поленовой: «Глубокоуважаемый Алексей Петрович. Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Я слышала, что у Вас есть воспоминания об Василии Дмитриевиче, а я поставила себе целью последней поры моей жизни собрать как можно больше воспоминаний о нем, благо еще живы многие знавшие его и встречавшиеся с ним на разных поприщах его деятельности. Мне хочется этими

воспоминаниями, живыми картинами воссоздать его образ и сохранить его в верных чертах для будущего биографа. Меня гораздо меньше интересует монография о нем, которая непременно будет носить на себе личный взгляд составителя, чем сборник живых воспоминаний. Вы так близко стояли к искусству, так понимали В.Д. и как художника и как мыслителя и наверно у Вас запечатлелись разные моменты Ваших встреч. Как было бы дорого сохранить их и присоединить к сборнику... Как часто и как нежно вспоминал Вас Василий Дмитриевич в течение своей болезни. Всегда рассказывал своим докторам, как ему помог милый Алексей Петрович... Буду с нетерпением ждать Вашего ответа. Глубоко уважающая Вас Н. Поленова».

Алексей Петрович сразу откликнулся, судя по следующему письму Натальи Васильевны, где она, кроме прочего, сообщает ему о подготовленной в Тарусе выставке работ В.Д. Поленова, которая должна быть открыта 22 июля 1928 года.

Удивительно, но кроме А.П. Лангового, никто из российских видных коллекционеров не оставил, к сожалению, своих воспоминаний. Он же написал и о самих коллекционерах, особенно о П.М. Третьякове. О своем подходе к выбору фамилий Алексей Петрович сказал сам: «О тех, которые покупая картины, в этом занятии видели только выгодное помещение капитала, и, если им можно было нажать, охотно продавали картину, я совсем говорить не буду – это коммерсанты, а не любители. Я буду говорить о тех, которых покойный проф. Е.С. Корсаков, мой добрый знакомый называл маньяками. Я не буду отказываться от этого диагноза выдающегося русского психиатра, мы бесспорно маньяки, помешаны на картинах, но наша болезнь, наша «навязчивая идея» указывает лишь на чистое увлечение искусством, на стремление наполнить жизнь красотой...»

Себя же самого Алексей Петрович наградил довольно критической эпитафией: «Мы были мелкотой, которая и сделать много не могла, и сколько-нибудь значительной поддержки художникам оказать были не в силах. И оставить по себе заметный след не были в состоянии, и тем не менее и мы были нужны в своем маленьком деле – мы сохраняли в своих собраниях многие вещи, которые без нас затерялись бы. Мы распространяли нашу болезнь, нашу заразу другим и вызывали появление новых коллекционеров, да и для художников мы были не безразличны».

Третьяковская галерея, куда была передана коллекция А.П. Лангового, оценивает её гораздо выше и числит его в коллекционерах второго эшелона.

Алексей Петрович скончался в 1939 году, прожив дольше любого из своих братьев. Было у них с Ольгой Николаевной двое детей. Но время было другое, и это поколение Ланговых безоглядно бросилось в бурное море романтического молодого послереволюционного периода.

Дочь Наталья, в первом браке Рославец, отдала дань увлечению идеями эсеров, потом же была дружна ни больше ни меньше как со Свердловым и Дзержинским. В 1950 году она, как водится, была репрессирована (5 лет в Сибири). Тем более, что у нее было отягчающее обстоятельство – прекрасная квартира у Красных ворот в Москве, которая очень приглянулась чиновникам НКВД. Они её и получили без труда.

Второй муж Натальи, Алексей Михайлович Устинов, дипломат, посол в Греции. Не дождался репрессий, скончавшись своей смертью на очередном посту посла в Эстонии.

Из жизни же сына Александра (1895-1964) можно было бы сделать замечательный сериал. Офицер царской армии, безоговорочно принявший революцию, он вступил добровольцем в Красную армию, сражался, был ранен под Каховкой пулей, попавшей в его шашку, и награжден орденом Красного знамени.

Александр Алексеевич был к тому же прекрасно образован, свободно владел французским, разбирался и в политике, и в различных философских направлениях. Именно такой человек понадобился для знаменитой операции «Трест», в ходе которой были пойманы Борис Савенков и Сидней Рейли, этот «западный Лоуренс».

Ланговой сыграл в «Тресте» важнейшую роль «главы подпольного молодежного евразийского течения». Он много раз переходил границу, проверялся контрразведкой,

блестяще выступал в Москве, Праге, Варшаве, Берлине на монархических совещаниях, выдвигал концепцию «новой России».

Эрудиция позволяла ему привлекать самый разный материал вплоть до стихов Владимира Соловьева: «Каким ты хочешь быть Востоком, Востоком Ксеркса или Христа?»

Роль свою Александр Алексеевич выполнил в совершенстве, ни одного провала за все годы существования «Треста» (1921-1927).

Потом была опять армейская служба, Академия Генштаба, высокое воинское звание комбрига, работа военным атташе в Иране, подготовка совместно с Литвиновым материала для конференции по разоружению. Но был Александр Алексеевич ЛИЧНОСТЬЮ, а печальная логика развития нашего государства с неизбежностью приводила к тому, что жить имели право только ВИНТИКИ, и никакие заслуги во внимание не принимались.

В 1939 году он без особой фантазии как английский шпион и участник антиправительственного заговора» получил 8 лет Колымы. Вел он себя в этой ситуации мужественно, вины не признал и поэтому остался жив. На Колыме ослеп на один глаз и погиб бы от пеллагры, если бы врач Дальстроя не увидел знакомую фамилию «Ланговой», кассировал его, перевез в Находку, поставил на ноги и определил фельдшером, а науку эту Александр Алексеевич освоил быстро.

Семья Александра Алексеевича – жена Лариса Александровна Арефьева и трое сыновей – была, конечно, выселена из хорошей квартиры в сырой подвал на Садово-Кудринской. Но и сюда вышедший в 1947 году Александр Алексеевич не смог вернуться. Ему было запрещено проживание в Москве, и он с младшим сыном обосновался во Владимирской области, правда, ненадолго.

В 1949 году он, чрезвычайно огорченный власти своей живучестью, вновь был уже без всяких поводов арестован и выслан в Красноярский край. Да и Лариса Александровна, никак не желавшая уверовать в виновность мужа, получила свои 10 лет для исправления характера.

Оба они вышли на свободу и были полностью реабилитированы уже после смерти Сталина, в 1954 году. Александр Алексеевич за мужество, проявленное в этой нелепой, но такой традиционной ситуации, сломавшей миллионы судеб, был награжден орденом Ленина и окончил свои дни полковником в отставке в 1964 году, успев еще стать одним из героев романа-хроники Льва Никулина «Мертвая зыбь».

Дети Александра Алексеевича донесли фамилию Ланговых до наших дней. Правда, старший сын, Алеша, студент МГУ, по отзывам будущий талантливый математик, со второго курса ушел на фронт и в 1941 году погиб где-то на Карельском перешейке.

Даниил учился в театральном училище, но после ареста отца был исключен, поскольку у него срочно обнаружилось отсутствие таланта. Впрочем, он говорит, что не жалеет об этом. Даниил пошел по геолого-разведочной тропе, стал специалистом своего дела, строил гидроузлы, в том числе в Асуане и в Сирии.

Младший сын, Никита, пошел по стопам отца – избрал путь кадрового офицера, но в современном исполнении, в военно-космической области, на стыке с наукой. Сейчас он не только подполковник в отставке, но и старший научный сотрудник.

Следующее поколение Ланговых, дети и внуки Даниила и Никиты, пока только создают свои биографии, их время впереди.

Ну а что же Иван, старший сын Петра Емельяновича, с которого и началась эта история?. Трудно сказать, кем бы он стал, ведь судьба отпустила ему всего 35 лет, к нему даже плохо подходят слова «старший сын» – он остался самым молодым из всех своих братьев. Но хорошую опору династии Ланговых он заложил – и сейчас стоит в Роше красавец храм, придел к которому строил Иван Петрович.

Однако он успел оставить на земле и еще один след: своего сына Николая, вступившего в жизнь здесь же, в Роше, в 1878 году. Не посрамил Николай Иванович династии Ланговых. Стал он прекрасным врачом-педиатром, а еще профессором 2-го Московского медицинского института, автором многих книг, в том числе учебника детских

болезней, переиздававшегося 10 раз и переведенного на английский. Память о Николае Ивановиче живет в Морозовской детской больнице (Москва). Здесь и сейчас стоят корпуса пункта детского питания, созданного им в России впервые. Люди любили его за доброту и отзывчивость.. Когда автомобиль, в котором он ехал, попал в аварию, москвичи на руках несли его, получившего легкое ранение, до самой Пятницкой, где в доме № 65 он проживал.

Жизнь Николая Ивановича, начавшаяся в Роще, закончилась в Москве в 1947 году. Его надгробие я нашел совсем не в Роще рядом с родительским, а на Новодевичьем кладбище, около его дяди – Сергея Петровича, недалеко от Аллилуевых. Детей у них не было. Нам они оставили свои дела и добрую память.

Вот такая династия выросла на тарусской почве и разлетелась по большому миру. Ланговые – это поразительная жизненная энергия и целеустремленность. Они не унаследовали княжеских титулов, но показали, как много может достичь человек при самом неблагоприятном жизненном старте. Они умели не опускать руки и делать достойное дело в любых условиях, не лучше нынешних.

Александр Алексеевич, например, гордился тем, что будучи в сибирской ссылке, он, вообще-то комбриг, принял в качестве фельдшера более 100 родов. Могли, значит. Сможем и теперь.

И вот еще что. Есть в Дании ничем внешне не примечательный Кронборгский замок, построенный Фредериком Вторым. Замок как замок. Старые камни, зеленая крыша с патиной времени, деревянная резьба в часовне. Но едут и едут сюда люди, смотрят с особым трепетом и что-то уносят в душе. И все потому, что в этих камнях для них овеществляется, оживает **ИЗВЕСТНАЯ** им давно прошедшая жизнь – замок этот, по преданию, не что иное, как гамлетовский Эльсинор.

Вот и рощинский храм, например, я уже не могу воспринимать таким, каким я увидел его лет 15 назад. Он весь наполнен теперь для меня событиями и лицами, в том числе почему-то и жившими здесь до его возведения. Лыковы, Хворостинины, блистательная череда Голицыных, удивительные настоятели храма и его прихожане, легенды чудотворной иконы, а теперь вот еще приоткрылась тайна мраморной плиты – ожили Ланговые.

Это, ведь, способно превратить в драгоценность и замшелый камень с полустертым рельефом, а не то, что целый храм! Но чтобы изменилось отношение к памятникам истории, к нашему же прошлому, историю эту, причем конкретную, местную, можно сказать личную, нужно все-таки знать.

В Тарусе же, наверное, вообще пора заводить Золотую книгу знаменитых имен, ведь столько **ЛИЧНОСТЕЙ** жило здесь или прикасалось к тарусской земле – только копни в ней!

ТАРУССКИЕ РИНОГРАДЕНЦИИ

Вполне возможно, что вам уже доводилось встречаться с ринограденциями на тарусской земле. Но одно дело – столкнуться с ними, и совсем другое – опознать. Вся трудность в том, что ринограденции, кроме всего прочего, обладают одним свойством – ярко выраженной способностью мимикрии. Они столь успешно маскируются под вполне привычные для нас элементы окружающей среды, что обнаружить их рассеянным "повседневным" взором почти невозможно. Требуется внимание и живой, отчасти похожий на детский, интерес – и вы будете вознаграждены.

Что же это такое – ринограденции? История их пока ещё не слишком длинна, начиналась же она вполне в духе Даниэля Дефо. Некий свободолюбивый швед, Эйнар Петтерсен-Скэмтквист, оказавшийся волею судьбы в японском плену, сумел в 1941 году бежать из-под не слишком строгой охраны на парусной лодке, попал в шторм, едва не погиб и был занесен на Хай-Дудафи, один из небольших островов вулканического происхождения в восточной части Тихого океана. Остров этот, покрытый субтропической растительностью, редко посещался людьми и с некоторой натяжкой мог считаться необитаемым. Это поначалу даже устраивало Петтерсена. Однако лодка его пострадала, и Петтерсену пришлось провести здесь почти год, ведя жизнь Робинзона и с трудом ремонтируя свое суденышко. Он не был учёным-натуралистом, но отлично рисовал, имел "фотографическую" память и не мог не обратить внимание (правда, прежде всего, гастрономическое) на своеобразную фауну островка, сформировавшуюся в условиях длительной изоляции. В конце концов Петтерсен сумел продолжить своё плавание, был подобран каким-то торговым судном и возвратился в Европу.

Его рассказами и зарисовками не сразу, но всё же заинтересовались учёные, и дальнейшие события были уже достаточно обычными: экспедиции, появление всё более полных коллекций и их изучение. Наконец, в начале 60-х годов, известный зоолог, профессор Дарвиновского института Харальд Штjюмпке выпустил монографию "Строение и жизнь ринограденций". Дело в том, что на острове оказалось несколько видов некрупных млекопитающих, родственных между собой, но настолько отличающихся от мировой фауны, что систематикам пришлось их выделить в такое крупное подразделение, как отдельный отряд, получивший название ринограденций. Главное их отличие от прочих млекопитающих – характерное изменение лицевой части головы. Носовые хрящи чрезвычайно сильно развиты, а у некоторых видов имеют сплошной костный скелет, превративший их фактически в ещё одну конечность. Это позволяло ринограденциям использовать такой своеобразный "нос", например, для перемещения, и притом довольно эффективного, большими скачками, напоподобие движения тушканчиков. Хорошо иллюстрированная монография, вышедшая в Штутгарте в 1962 году, была вскоре переведена на несколько языков, и ринограденции получили широкую известность.

Это краткий пересказ, здесь нет множества подробностей, я опустил специальные термины и скучные ссылки на научную периодику. Все в этой монографии солидно и традиционно, а между тем история ринограденций – замечательная и вполне научнообразная мистификация. Если попытаться внимательно проверить основные факты, то обнаруживается, что на свете не существуют ни остров Хай-Дудафи, ни профессор Штjюмпке, ни упоминаемые публикации в научных журналах. Но многие ли станут проверять? Когда наши журналы «Природа» и «Химия и жизнь» с удовольствием неоднократно обращались к этой теме, им сопутствовал неизменный успех. Судя по отзывам, множество читателей приняли ринограденций всерьёз. Их не насторожило и то, что «Природа», например, помещала эти публикации в апрельских номерах. Впрочем, читателей можно понять: строгое, даже суховатое описание с обилием латыни, почти автоматическое скольжение взгляда по привычным ссылкам на специалистов, институты и научные публикации, а ещё – магия печатного слова, до сих пор в нашем подсознании почти

гарантируют достоверность излагаемого. Все это в состоянии практически парализовать у нас какую бы то ни было способность к критическому подходу, а между тем он так нужен, особенно сегодня, в эпоху информационной глобализации.

Я не берусь утверждать, что создатели «ринограденций» с самого начала ставили своей целью борьбу с подобной летаргией мысли, но их творение работает именно в этом направлении. Зачастую одной лишь малозаметной странности такой публикации уже достаточно для того, чтобы внимательнее в нее вчитаться, а потом и на любую другую печатную страницу вы долго еще будете смотреть свежим и, пожалуй, придиричивым взглядом.

Нужно заметить, что подобный толчок может дать, конечно, не только статья или книга. Его может вызвать какой-то предмет, событие, человек или даже ландшафт, выпадающие из монотонной повседневности. А вот называть все эти разнородные явления, пожалуй, удобно одним словом, достаточно редким, даже нелепым и вызывающим протест, но способным остановить на себе наше внимание. Таким словом вполне могут быть **«ринограденции»**. Поэтому в дальнейшем под ринограденциями мы будем иметь в виду уже не только забавных зверушек из страны «Учёные шутят», но вообще любые будильники задремавшей мысли.

Возвратившись с острова Хай-Дудафи на тарусскую землю, мы непременно обнаружим, что ничем не обделены, и разнообразные ринограденции заселяют её не менее густо, чем любые мифические острова. Давайте познакомимся хотя бы с некоторыми из уже обнаруженных.

ИЗ ФАТЬЯНОВА НА ОРБИТУ БЕЗ ОБРАТНОГО БИЛЕТА.

Вот перед нами Иван Федорович Источников, уроженец Калуги, чье детство прошло в тарусской деревне Фатьянове. Вроде бы ничего особенного, но поговорить с полковником Иваном Источниковым, летчиком-космонавтом «Союза-2», вам не удастся. *«Его имя не встречается ни в анналах космонавтики, ни на мемориальной доске жертв. Его тело не покоится ни в каком пантеоне... Похоже, что полковник Источников никогда не существовал, его как бы стёрли с лица Земли... Загадке, которой рано или поздно наука найдет приемлемое объяснение, предпочли противопоставить нелепое желание скрыть провал, может быть аварию, которую нельзя было предвидеть, но, так или иначе, провал... Но всё же он существовал, жил, как раз для того, чтобы принять главное участие в одной из самых увлекательных и трагичных историй космонавтики».*

Я процитировал часть предисловия из книги «Спутник», вышедшей в 1997 году в Испании на испанском, русском и английском языках. Это солидное 237-страничное издание большого формата на прекрасной мелованной бумаге, снабженное огромным количеством фотографий, среди которых можно увидеть и деревню Фатьяново, и реку Тарусу. Посвящено оно целиком жизни и космической одиссее Ивана Источникова.

Ивану в детстве довелось послушать рассказы уже старенького Циолковского. Его родители воспринимали их, как сказку, Иван же ещё с тех пор твердо решил, что станет космонавтом. Упорства у него оказалось достаточно, и он сумел пройти свой долгий и уже ставший традиционным путь: летное училище, служба летчиком-истребителем и пилотом-инструктором, Военно-инженерная академия и, наконец, Звёздный городок. Ну а 23 октября 1968 года был его старт на «Союзе-2», и история стала приобретать загадочные черты. Одна из задач полёта – запуск с орбиты специального зонда к некоему астероиду «Кадок», была успешно выполнена, но затем начались сбои в работе бортовых систем. Один из двигателей коррекции произвел самопроизвольное включение. Источников в режиме ручного управления выключил его, но часть топлива была израсходована и ориентация корабля нарушена. Начались затруднения с сеансами связи. Через день на близкую орбиту был запущен корабль «Союз-3», пилотируемый подполковником Георгием Береговым. Кораблям удалось сблизиться до 30 метров, Береговой сделал много снимков и начал технические

консультации с Источниковым, но неожиданно у «Союза-2» снова включился двигатель, теперь уже маршевый, и корабль быстро ушел на другую орбиту. Параметры её были установлены не сразу, и Береговому удалось снова сблизиться с «Союзом-2» только через сутки. За это время с кораблем что-то произошло – он был теперь безмолвен и не реагировал ни на какие сигналы. При большем сближении удалось рассмотреть, что «Союз-2» потерял одну из панелей солнечных батарей, а на спускаемом аппарате имеются следы столкновения с каким-то предметом – вероятно, метеоритом средних размеров. Разгерметизирован ли корабль, и что произошло с самим Источниковым, оставалось неизвестным. Во всяком случае, если он и погиб, то не сразу, так как вблизи «Союза-2» был виден странный предмет, оказавшийся при большем сближении ... бутылкой из-под водки, внутри которой просматривалась свернутая бумажка.

Здесь нужно заметить, что в Звездном городке довольно долго жила традиционная шутка: инструктор серьёзно объяснял новичкам, что в случае возникновения проблем они должны, кроме продолжения попыток установить связь с ЦУПом, записать все на листке, вложить его в бутылку и через шлюз выбросить в космическое пространство. Замешательство новичков, следовавшее за такой инструкцией, всегда вызывало бурное веселье ветеранов.

Конечно, никаких бутылок на борту не должно было находиться. Однако Источников каким-то образом сумел воплотить в жизнь эту шутку. У него хватило присутствия духа довести её до конца даже в таких явно чрезвычайных обстоятельствах. Только осталась ли она в самом деле шуткой? Или это была последняя весть? Мы, вероятно, никогда этого не узнаем, так как от бутылки осталась лишь фотография, сделанная через иллюминатор «Союза-3». Да и от самого «Союза-2» мало что осталось. Неуправляемый корабль с не отделившимся спускаемым модулем почти полностью сгорел в атмосфере. Неясно, где именно это произошло, но, вероятно, над территорией нашей страны, поскольку достоянием гласности стала часть отчетов об исследовании обугленных фрагментов корабля, среди которых был обнаружен и частично разрушенный метеорит весом чуть более 3 кг – вероятный виновник трагедии.

Метеорит был железо-никелевым, что достаточно обычно, однако он имел и загадочную деталь: на одной его стороне сохранился небольшой (12x2 см) участок, покрытый четкими надрезами, которые образовывали семь строчек и поразительно напоминали какой-то текст, а не геологическую структуру. Он имел, пожалуй, некоторое сходство с месопотамской клинописью. Сразу же возникло множество гипотез, вплоть до таких фантастических, как ответ «мыслящего» астероида на посланный в его сторону зонд. Первые попытки расшифровать текст оказались безуспешными, а вскоре вся эта история была плотно засекречена, и какая-либо информация о ней исчезла.

Официальная же версия событий выглядела следующим образом: «Союз-2» запускался в режиме дистанционного управления без космонавта на борту, а полковник Источников скончался на Земле в октябре 1968 года от некоей интоксикации. «Союз-3», пилотируемый Береговым, должен был отработать сближение и имитацию стыковки с «Союзом-2». Последнее действительно не удалось, в остальном же эти полёты были вполне удачными, и ни о каких провалах нашей космической программы речи быть не может.

Должен сказать, что вся эта история выглядела вполне правдоподобно, особенно после обнародования трагических подробностей полёта Комарова, также скрытых в своё время. Однако при более внимательном прочтении книги быстро выясняется, что даже к такой информации, вполне соответствующей и духу прошедшей эпохи и сегодняшней, может быть и оправданной, но односторонней, безоглядно критической реакции на собственное прошлое, нельзя подходить с бездумным доверием. Вот и замечательно изданная книга «Спутник» оказалась столь же замечательной ринограденцией. Она с «документальной» достоверностью вмонтировала в жизнь не существовавшие лица и события, основательно затронув тарусскую землю. Чего здесь только нет: и мастерски смонтированные фотографии (а вовсе даже не какие-то сомнительные зарисовки), и копии

газетных статей, и тесное переплетение с известными фамилиями и событиями. И лишь внимательно рассмотрев те части книги, которые мы обычно проскакиваем, можно обнаружить специально оставленные знаки: не указано издательство, нигде не обнаруживается год издания, на тёмно-коричневом фоне почти неразличимым мелким красным шрифтом указано настоящее происхождение информации. Если же вы, открыв обложку, повернёте книгу под определенным углом к свету, то явственно прочтёте надпись: «ВСЁ ЭТО ВЫДУМКА».

ЛУЖА МЕЗОЗОЙСКОЙ ЭРЫ.

А вот перед нами ринограденция совсем иного рода. Обреталась она не на книжных страницах, а в обширной луже на бывшей лесной дороге, большей частью безнадежно заросшей. Я уже не помню, с какой именно целью понадобилось мне в тот раз бродить по окрестным лесам, но около лужи этой я остановился передохнуть. А в луже шла своя жизнь, сразу же поглотившая мое внимание. Какие-то закованные в овальный панцирь существа, раза в два покрупнее знакомых мне с детства здоровенных жуков-плавунцов, довольно резво носились по этой акватории, временами зависая или проделывая фигуры высшего пилотажа. Можно было рассмотреть и древний рыцарский щит на спине, и странный двойной хвост, и множество похожих на весла ножек. Ну как тут было не заинтересоваться этой бронированной подвижностью, от которой так и веяло давно прошедшими веками? Постояв некоторое время в ошеломлении, я сделал слабую попытку поймать какого-нибудь пловца, но не тут-то было – все они спикировали в илистое дно лужи и исчезли.

Махнув рукой, я отправился дальше, но обитатели лужи, как и положено ринограденциям, никак не выходили из головы. Кого-то они мне напоминали. Наконец, вспомнил – трилобитов. Но ведь я прекрасно знал, что трилобиты, эти довольно загадочные представители знаменитого отряда членистоногих, полностью вымерли, исчезли с лица Земли, причем не вчера, а в конце палеозоя, около 240 миллионов лет назад. И даже ископаемые их остатки никогда не находили под Тарусой. А тут вдруг в какой-то современной местной луже спокойно проживают то ли их близкие родственники, то ли они сами! Трилобитов ведь было более 10000 видов – разве всех упомнишь? Может быть один из них всё-таки умудрился выжить?

Намечалось великое открытие, и я занялся этими ринограденциями вплотную. В результате открытие не состоялось, а обитатели тарусской лужи оказались обыкновенными щитнями, хорошо известными специалистам. Только вот «обыкновенное» это прилагательное никак не подходило щитням. И не зря они имели какой-то архаический вид. Оказывается, эти представители ракообразных являются одними из первых жителей тарусской земли. Были здесь, конечно, животные и подревнее, но они дошли до нас лишь в виде окаменелостей. Щитни же, появившись около 200 млн лет назад, в знаменитую мезозойскую эру, живут себе до сих пор в сменяющих друг друга тарусских лужах и не находят нужным не только вымирать, но хотя бы как-нибудь меняться. Чего они только не перевидали за это время! Шлепали через их лужи всяческие динозавры; подходили напиться бывшие еще сухопутными киты, вернее, их предки – парнокопытные и совсем не огромные; сотрясали Землю огненные метеориты; будущие тарусские края превращались то в жаркую пустыню, то покрывались ледниками. Отражались в лужах и неандертальцы, и кроманьонцы, а сразу же после них (в археологических масштабах) щитни среди родственников этих джентльменов повстречали и меня. Сами же щитни, удивляясь переменчивости мира, оставались всё теми же щитнями. Подобное постоянство объясняется в основном необычайными талантами их икринок, а вернее – яиц. Самка вынашивает эти яйца на себе, закрепляя их почему-то на 11-й паре ног и не сбиваясь при этом со счета (а ног у щитня предостаточно – не менее 40 пар). Потом она закапывает яйца в илистый грунт и оставляет их на попечение не слишком обходительных стихий. Самое главное заключается в том, что юные щитни совсем не спешат вылупиться из яиц. Яйца же эти способны в течение

многих лет выдерживать высушивание или вымораживание, переноситься ветром с пылью, а потом вдруг ожить в какой-нибудь новой автономной луже, никак не связанной не только с морем, но и с самым захудалым ручьем.

Как водится в нашем мире, есть у щитней и слабое место – высокая чувствительность к экологической чистоте водоёма. А, может быть, наоборот – это их преимущество? Во всяком случае из-за этого для нас с вами щитень в луже – это не столько мезозойский реликт, сколько вполне современный добрый знак. Значит, в этом месте можно нормально жить, мы не успели сделать его опасным. Поэтому щитней стоило бы знать «в лицо». Однако появляются они, как вы уже поняли, в самых разных местах и когда им заблагорассудится. Чтобы их увидеть, нужно специально на них охотиться, потратив уйму времени. Поскольку случайной встречи со щитнями у меня больше не было, я не могу представить их фотографии, и пока придётся ограничиться рисунком. На трилобитов щитни действительно слегка похожи, но гораздо больше сходства имеют они с мечехвостами – ещё одним видом «живых ископаемых», только морских. Если же кому либо из читателей удастся обнаружить очередное место появления щитней или даже, – страшно сказать, – сфотографировать их, я был бы очень признателен за сообщение об этом событии в редакцию «Октября».

СТАРАЯ НАДПИСЬ НА СКРОМНОЙ ПЛИТЕ.

И, наконец, ещё одна тарусская ринограденция, оказавшаяся совершенно неисчерпаемой, уже несколько лет заставляя меня время от времени возвращаться к ней. Это небольшая могильная плита, лежащая в зарослях крапивы и сирени у Воскресенской церкви в селе Роще. Я писал о ней в «Октябре» в 2000 году и уже не предпринимал специальных поисков, но теперь информация сама стала находить меня и возвращать к этой плите с неожиданных сторон. Обнаружилась, например, ниточка, связывающая рощинскую плиту с ... египетскими пирамидами. Почти всегда паутину связей между всевозможными предметами и явлениями создаёт человек – самое непоседливое земное существо. Так было и в нашем случае. Ланговые – вот фамилия, которую я впервые увидел на рощинской плите. Под ней покоится Иван Петрович Ланговой, скончавшийся 18 марта 1883 года в 35-летнем возрасте по неизвестной пока для нас причине. Когда-то моё внимание привлекла надпись на рощинской плите, утверждавшая, что Иван Петрович является строителем придела Воскресенской церкви. До этого момента я считал, что храмом занимался лишь владелец усадьбы князь А.Н. Голицын и ничего не знал о Ланговых. Ну а где же здесь Египет? Для ответа на этот вопрос давайте возвратимся в наше недалекое прошлое.

Середина 50-х годов прошлого уже столетия. Советские специалисты помогают Египту строить Асуанское водохранилище. Главным геологом на строительстве грандиозной плотины волею судьбы оказался Иван Сергеевич Чумаков – профессионал высокого уровня и человек, способный на широкие обобщения. Для геологического обоснования проекта поперек всего русла Нила потребовалось пробурить цепочку разведочных скважин. Результатов этого бурения хватило Чумакову и на требуемое обоснование, и на поразительные выводы, до сих пор ещё вызывающие сопротивление некоторых специалистов. Оказалось, что несколько миллионов лет назад Нил протекал глубоко под современным руслом, по каньону глубиной более 800 метров. Чумаков определил, что это было возможно только при ПОЛНОМ ВЫСЫХАНИИ Средиземного моря. Представляете эту картину? А сегодня в нашем распоряжении есть уже и некоторые подробности этой катастрофы, получившей название Мессинского солёностного кризиса.

Около 7 млн лет назад не было никакого Гибралтара, а с Атлантическим океаном Средиземное море соединялось двумя проливами – Бетским и Рифским, располагавшимися севернее и южнее будущего Гибралтарского. Однако в связи с сильным похолоданием потребовалось много воды на формирование ледникового щита Антарктиды, уровень мирового океана упал, и оба пролива закрылись. В результате отрезанное Средиземное море

полностью выпарилось, оставив слой соли толщиной до 2 км и соединившего Европу с Африкой. Но прогулки по бывшему морскому дну длились не вечно, тектонические подвижки вскрыли Гибралтарский пролив, и океанские воды устремились в Средиземное море, падая с высоты более 800 метров. Это был величайший в истории Земли водопад – куда там Ниагарскому! По сухому дну моря покатылся гигантский водяной вал, в геологическом масштабе мгновенно наполнивший Средиземное море. Не правда ли, все это сильно напоминает известную библейскую историю? Вот только человека в то время вроде бы ещё не было.

И это ещё не все. Забрехала разгадка и ещё одной тайны. Известно, что в долине Нила около 5 тысяч лет назад появилась одна из древнейших цивилизаций и почти мгновенно достигла высокого уровня, сразу же принявшись строить пирамиды. (Между прочим, на тарусской земле человек уже 12 тысяч лет назад охотился на мамонтов). Археологических памятников старше 5 тысяч лет в Египте на обнаруживали, хотя древнеегипетская цивилизация должна была развиваться не на пустом месте. Но вот Чумаков в керне одной из скважин на глубине около 20 метров нашел остатки очага и осколки керамики. Значит, у строителей пирамид могли быть предшественники, следы которых погребены наносами Нила при повышении его уровня. Более того – западнее Нила существовала еще одна великая река, что можно определить по её мощным наносам в заливе с марсианским названием Большой Сирт, превышающим нильские. Здесь также наверняка существовала древняя цивилизация, следы которой глубоко погребены, как и в долине Нила. До нас дошли лишь загадочные фрески в скалах Тассили. Судьба этой цивилизации, несомненно имевшей контакты с египетской, невольно вызывает мысль об Атлантиде. Но не будем забираться столь далеко.

А где же всё-таки хоть какой-нибудь тарусский след, ведь Чумаков был сыном костромского фабриканта и в Тарусе не бывал? Но оказалось, что само бурение нильского русла проводил его друг, геолог Даниил Александрович Ланговой, потомок тарусского купца Петра Емельяновича Лангового, приходившийся внучатым племянником Ивану Петровичу Ланговому, навсегда оставшемуся в Роще. Известные зарубежные фирмы отказались выполнять столь сложные буровые работы, а Ланговой с ними прекрасно справился.

Пожалуй, нужно ещё сказать, что особых лавров в своем отечестве никто из них по не самой лучшей российской традиции не заработал. Получивший мировое признание первооткрыватель Мессинского кризиса Иван Сергеевич Чумаков скончался в 1999 году совсем не академиком, а старшим научным сотрудником кафедры литологии и морской геологии МГУ. Даниил Александрович Ланговой живет в Москве, получает известную пенсию рядового советского инженера и знает теперь о своих тарусских корнях. А мы знаем еще один кусочек совсем близкой нашей истории, и он уже не канет в Лету.

На этом я закончу эту странную статью, хотя тема тарусских ринограденций отнюдь не исчерпана. Не проходите мимо них – ринограденции заслуживают вашего внимания.

Москва – Фатьяново.

ОБ АВТОРЕ

Геннадий Васильевич Галутва (13 декабря 1935 г. – 28 августа 2014 г.) родился в Москве. С родителями, окончившими сельскохозяйственную Академию им. Тимирязева и по распределению переехавшими в Новочеркасск, жил и учился в Новочеркасске. Окончил Новочеркасский политехнический институт, а затем аспирантуру МВТУ им. Баумана в Москве. Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, он работал начальником лаборатории ЦНИИ «Комета» в Москве. Область научной деятельности – разработка и применение оптических квантовых генераторов (лазеров), прикладная астрофизика.

Научные работы Г.В. Галутвы публиковались в журналах: «Приборы и техника эксперимента», «Квантовая электроника», «Оптико-механическая промышленность» и др. Он имеет также более десятка авторских свидетельств и патентов, в том числе зарегистрированных во Франции и Германии. За работу по усовершенствованию наблюдений геостационарных спутников Геннадию Васильевичу присуждена поощрительная премия и диплом Астрономического Совета АН СССР.

Выйдя на пенсию, он по полгода и более проводил в Тарусском районе, занимаясь живописью, литературным творчеством и краеведением. Основная тематика Галутвы-краеведа – история и современная жизнь старинных усадеб Романовых, Голицыных, Нарышкиных, Горчаковых, Ракитских и др. в Тарусе и Тарусском уезде, в частности, в селах Барятине, Лопатине, Роще, а также судьбы владельцев усадеб, внесших существенный вклад в культуру и историю России. Он неизменно участвовал с докладами в научных конференциях в Тарусе, Калуге, Б. Вяземах («Голицынские чтения»). Некоторые из результатов поисков стали научными открытиями. Автором написаны три монографии: «Точка на русской равнине», 2006 год, «Художники «Амаравеллы». Судьбы и творчество» (в соавторстве с З.П. Грибовой), 2009 год и «Вершины и пропасти Александра Введенского, митрополита и человека», 2015 год.

За заслуги в деле сохранения, возрождения и популяризации архитектурного наследия России Геннадию Васильевичу Галутве 14 мая 2008 года присуждена Национальная Премия «Культурное наследие» в номинации «Подвижник». Губернатор Калужской области А.Д. Артамонов в поздравительной телеграмме писал: «Благодарю Вас за проявление истинного уважения к прошлому Калужской области, к её историческим и культурным традициям».

З.П. Грибова, апрель 2015 г.